Проф. А. БРАНДТЪ

ЛИСТЬЯ ПОЖЕЛТѢЛЫЕ

ПЕРЕДУМАННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ

БѢЛГРАДЪ
1 9 3 0

Проф. А. БРАНДТЪ

ЛИСТЬЯ ПОЖЕЛТѢЛЫЕ

ПЕРЕДУМАННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ

БѢЛГРАДЪ
1 9 3 0

Студенческія забастовки 1899 - 1901 годовъ

Сперва я напомню нѣсколько фактовъ изъ исторіи студенческихъ забастовокъ 1899 - 1901 годовъ, а затѣмъ перейду къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ объ этомъ періодѣ.

4 февраля 1899 года въ С. Петербургскомъ Университетѣ было вывѣшено объявленіе ректора, приглашавшее студентовъ не нарушать порядка на актѣ 8 февраля; объявленіе угрожало нарушителямъ порядка разными карами.

Студенты нашли это объявленіе для себя обиднымъ и 8 февраля сорвали актъ, шумомъ и крикомъ не давъ говорить ректору Сергѣевичу.

Когда студенты расходились изъ Университета, то у Румянцевскаго сквера у нихъ возникли пререканія съ поручикомъ Галли, командовавшимъ коннымъ отрядомъ полиціи. Поручикъ Галли приказалъ разсѣять студентовъ и собравшуюся публику нагайками.

На сходкахъ 9, 10 и 11 февраля студенты рѣшили выразить свой протестъ забастовкой съ обструкціей. Руководство движеніемъ было поручено единственной университетской студенческой организаціи — Кассѣ Взаимопомощи.

Къ 20 февраля къ движенію примкнуло около 30-и высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, насчитывавшихъ не менѣе 25.000 студентовъ. Въ одномъ

Петербургѣ забастовало 16 высшихъ учебныхъ заведеній съ 10.600 учащимися.

20 февраля появился Высочайшій указъ генералу Ванновскому объ изслѣдованіи причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, возникшихъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ указъ внесъ колебанія въ студенческую среду, часть которой готова была удовлетвориться фактомъ назначенія Комиссіи.

На университетской сходкѣ 1 марта, разрѣшенной ректоромъ, большинствомъ одного голоса рѣшено было прекратить забастовку. Приблизительно около этого времени и другія учебныя заведенія пришли къ тому же рѣшенію.

Еще до назначенія Комиссіи ген. Ванновскаго участники студенческаго движенія высылались полиціей изъ Петербурга. Высылки продолжались и послѣ назначенія Комиссіи, и самъ генералъ Ванновскій съ негодованіемъ говорилъ, что полиціей были высылаемы нѣкоторые студенты, только что имъ допрошенные. Вслѣдствіе продолжавшихся высылокъ и арестовъ, на сходкѣ 16 марта студентами Университета было рѣшено возобновить забастовку. Къ этому рѣшенію вскорѣ присоединились и другія высшія учебныя заведенія.

Нужно замѣтить, что еще 14 марта былъ изданъ секретный циркуляръ Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати, запрещавшій газетамъ печатать какія либо свѣдѣнія о безпорядкахъ, происходившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

2 апрѣля появилось правительственное сообщеніе, старавшееся выставить движеніе, какъ дѣло небольшого числа неблагонадежныхъ лицъ.

Послѣ того какъ генералъ Ванновскій представилъ Государю Императору свой докладъ, послѣдовала царская резолюція съ выговоромъ студентамъ, правительству и обществу.

Вслѣдствіе безпорядковъ, продолжавшихся въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи и въ 1900 году, въ особомъ совѣщаніи шести министровъ были

выработаны Временныя правила объ отдачѣ въ солдаты студентовъ, участвовавшихъ въ студенческихъ безпорядкахъ. Эти Временныя правила 29 іюля 1900 года были Высочайше утверждены. Они были примѣнены въ декабрѣ 1900 года въ Кіевѣ, когда, послѣ бывшихъ тамъ безпорядковъ, 183 студента были сданы въ солдаты. Послѣ этого началась забастовка во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

14 февраля 1901 года студентъ Карповичъ произвелъ покушеніе на министра Народнаго Просвѣщенія Боголѣпова и убилъ его.

Забастовочное движеніе пріобрѣло новую силу, и въ началѣ марта всѣ высшія учебныя заведенія Петербурга были закрыты. 4 марта состоялась извѣстная демонстрація передъ Казанскимъ соборомъ.

Временныя правила больше не примѣнялись, и въ началѣ апрѣля состоялось назначеніе генерала Ванновскаго на постъ министра Народнаго Просвѣщенія. Рескриптомъ на его имя устанавливался принципъ „сердечнаго попеченія" о молодежи, и признавалась необходимость коренного пересмотра строя высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ осенній семестръ 1901 года, студенты, сданные въ солдаты, были возвращены и допущены къ экзаменамъ, перенесеннымъ по желанію студенчества съ весны на осень. Лишь демонстранты, высланные на разные сроки, не были возвращены.

Наконецъ, 22 декабря 1901 года были утверждены временныя правила студенческихъ организацій, которыми устанавливался институтъ старостъ и разрѣшались курсовыя и факультетскія сходки.

До 1896 года я совершенно не занимался ни политикой, ни общественной дѣятельностью, хотя и былъ убѣжденъ въ томъ, что самодержавный строй въ Россіи давно отжилъ свой вѣкъ и долженъ быть замѣненъ конституціоннымъ строемъ.

Мнѣ пришлось впервые столкнуться съ внутренней политикой послѣ моего назначенія на должность инспектора Института путей сообщенія. На эту должность, такъ же какъ и въ Горномъ Институтѣ и въ Институтѣ гражданскихъ инженеровъ, назначались профессора. Инспекторъ Института былъ помощникомъ директора Института по учебной части, четыре помощника инспектора также занимались учебной частью, и вся инспекція не имѣла тѣхъ чисто полицейскихъ функцій, которыя имѣли въ университетахъ инспекторъ студентовъ, его помощники и педеля.

Въ Институтѣ допускались сходки студентовъ, студенты выбирали курсовыхъ старостъ, имѣли свою студенческую библіотеку, пополнявшуюся изъ доходовъ отъ студенческаго буфета.

Послѣ моего назначенія инспекторомъ Института я старался укрѣплять и развивать всѣ эти учрежденія, особенно библіотеку, для которой было отстроено довольно большое помѣщеніе. Что касается сходокъ, то ихъ приходилось допускать, хотя бы въ виду того, что не допустить ихъ было невозможно. Въ Институтѣ было пять огромныхъ залъ, въ которыхъ помѣщались чертежныя; въ любомъ изъ этихъ залъ можно было собрать сходку, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ могли помѣститься студенты всѣхъ пяти курсовъ, т. е. свыше тысячи человѣкъ.

Въ 1896 или 1897 году случилась такъ называемая Вѣтровская исторія: курсистка Вѣтрова, арестованная по политическому дѣлу и заключенная въ Петропавловскую крѣпость, облила себя керосиномъ изъ лампы, зажгла его и сгорѣла. Ходили слухи, что къ самоубійству ее побудило обращеніе съ нею тюремной администраціи.

Газеты объ этомъ дѣлѣ, конечно, ничего не сообщали, и въ обществѣ о немъ не говорили. Поэтому студенты петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній устроили манифестацію у Казанскаго собора, для того, чтобы обратить на это дѣло вни-

маніе общества. Во время манифестаціи многіе ея участники были захвачены полиціей и развезены по тюрьмамъ. Въ ихъ числѣ было около десяти или пятнадцати студентовъ Института инженеровъ путей сообщенія.

Я сочувствовалъ молодежи, которой приходилось взять на себя обязанность взрослыхъ людей и обращать вниманіе общества на дѣйствія тюремной администраціи. Поэтому я на другой же день направился въ охранное отдѣленіе и легко добился разрѣшенія навѣстить студентовъ Института въ тюрьмѣ Кресты на Выборгской сторонѣ, чтобы спросить объ ихъ нуждахъ и послать имъ необходимыя книги и пр.

Я долженъ сказать, что тюрьма произвела на меня въ общемъ хорошее впечатлѣніе: камеры были чисты, опрятны и свѣтлы. Опросивъ студентовъ, я послалъ имъ тѣ книги и вещи, о которыхъ они просили.

Они были освобождены довольно скоро. Мое посѣщеніе тюрьмы было принято студентами очень хорошо и содѣйствовало тому, что во время забастовочнаго движенія 1899 и 1900 годовъ они слушались моихъ совѣтовъ и не допустили ни одного случая насилія или обструкціи.

Когда въ февралѣ 1899 года студентами Института была объявлена забастовка, то на сходкѣ участвовали почти всѣ студенты. Забастовка была объявлена подавляющимъ большинствомъ голосовъ, и было совершенно ясно, что нельзя заставить студентовъ заниматься, т. е. ходить въ чертежныя, на репетиціи и пр., разъ этого не желаетъ огромное большинство; меньшинство подчинилось большинству. Институтъ сразу опустѣлъ, и съ этимъ приходилось считаться. Только старосты приходили ко мнѣ.

Директоръ Института, мой благородный другъ М. Н. Герсевановъ, и члены Совѣта приняли мою точку зрѣнія, — что нужно выждать и не принимать никакихъ мѣръ.

У насъ даже не возникало вопроса о необходимости защищать какое то меньшинство; это меньшинство ничѣмъ себя не проявляло. Не то было въ Университетѣ, и потому тамъ началась обструкція, была введена полиція и пр.

Когда была назначена Комиссія генерала Ванновскаго, мнѣ пришлось совершить одно криминальное дѣйствіе, не имѣвшее для меня непріятныхъ послѣдствій только потому, что оно увѣнчалось успѣхомъ. Изъ разговоровъ съ нашими старостами я выяснилъ, что для прекращенія забастовки нуженъ предварительный сговоръ представителей всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, и что безъ этого сговора въ нѣкоторыхъ изъ нихъ могутъ пройти резолюціи о продленіи забастовки. Сговоръ затруднялся тѣмъ, что полиція слѣдила за студентами, состоявшими въ организаціонныхъ комитетахъ Университета и Технологическаго Института. Тогда я, на свою личную отвѣтственность, предложилъ нашимъ старостамъ позвать въ одинъ изъ послѣднихъ дней февраля представителей всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній на общее собраніе, назначивъ для этого помѣщеніе библіотеки Института.

Собраніе это состоялось; длилось очень долго, чуть ли не до двухъ часовъ ночи, но окончилось благополучно общимъ рѣшеніемъ прекратить забастовку. Мнѣ помнится, что въ этотъ вечеръ у меня было не мало волненій относительно того, какъ сойдетъ собраніе. Замѣтивши мое волненіе, ко мнѣ нѣсколько разъ приходилъ очень милый нашъ студентъ Борисякъ, братъ извѣстнаго геолога Борисяка, и разсказывалъ мнѣ о ходѣ собранія.

Позже, когда генералъ Ванновскій вызвалъ меня съ цѣлью узнать подробности о теченіи забастовки въ Институтѣ, онъ уже зналъ объ этомъ собраніи и говорилъ мнѣ, что я въ сущности совершилъ криминальный поступокъ, но что „побѣдителей не судятъ“.

Въ началѣ апрѣля мнѣ показалось невыно-

симымъ молчаніе газетъ о студенческихъ дѣлахъ и о Комиссіи Ванновскаго, и я рѣшилъ попытаться совершить второй криминалъ, который однако не удался. Мнѣ казалось, что если-бы всѣ петербургскія газеты въ одинъ и тотъ же день напечатали разныя статьи о студенческихъ безпорядкахъ, то, несмотря на секретный циркуляръ начальника Гл. Упр. по дѣламъ печати отъ 14 марта, правительство не закрыло бы сразу всѣхъ газетъ. Надо было уговорить на это редакторовъ всѣхъ газетъ. Начать нужно было съ А. С. Суворина, съ которымъ я былъ знакомъ, такъ какъ встрѣчался съ нимъ въ Ѳеодосіи въ домѣ художника Айвазовскаго. Я надѣялся его уговорить, хотя онъ былъ раздраженъ противъ студентовъ, потому что за одну статью „Новаго Времени", порицавшую студенческіе безпорядки, въ другихъ газетахъ стали печататься заявленія подписчиковъ о прекращеніи выписки „Новаго Времени". Однако А. С. Суворина уговорить не удалось. Въ своемъ Дневникѣ, изданномъ въ Москвѣ при большевикахъ, на стр. 197-ой онъ такъ описываетъ мое посѣщеніе: „9 апрѣля 1899 года, вечеромъ, три часа сидѣлъ инспекторъ Брандтъ. Говорили о молодежи, о ея безвыходномъ положеніи. Онъ пришелъ предложить, чтобы всѣ газеты написали такія статьи, за которыя ихъ бы запретили. Я ему сказалъ, что останутся правительственныя газеты, „С.-Петербургскія Вѣдомости" и явятся новыя. Это дѣлу не поможетъ. Молодежь должна покориться Царю и больше ничего. Тутъ не можетъ быть другого рѣшенія. Они могли бунтовать противъ министровъ, совершенно ничтожныхъ и нелѣпыхъ, особенно противъ Горемыкина и Боголѣпова, но бунтовать противъ Царя — невозможно."

Какъ извѣстно, въ учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв. сходки были запрещены, и потому рѣшенія забастовать принимались — тамъ гдѣ было много слушателей — слѣдующимъ образомъ: въ актовомъ залѣ или одной изъ большихъ аудиторій собирались наиболѣе активные студенты, число ко-

торыхъ часто не превосходило одной десятой общаго числа студентовъ. Послѣ соотвѣтствующихъ рѣчей принималось рѣшеніе забастовать и, въ случаѣ неподчиненія остальныхъ студентовъ этому рѣшенію, примѣнять обструкцію, т. е. не давать профессорамъ читать лекціи, мѣшать производству упражненій и примѣнять химическіе способы для порчи воздуха. Часто большинство студентовъ, неприсутствовавшее на сходкѣ, не желало подчиниться ея рѣшенію, и тогда университетское начальство, по приказу Мин. Нар. Просв., защищало нежелавшихъ бастовать и для этого вводило въ Университетъ полицію и принимало другія мѣры, какъ напр. увольненіе студентовъ, говорившихъ на сходкахъ, замѣченныхъ въ обструкціи и т. д. Эти репрессивныя мѣры противъ наиболѣе активныхъ студентовъ были на руку крайнимъ революціоннымъ партіямъ, такъ какъ студенты, выброшенные изъ университетовъ, пополняли кадры этихъ партій. Такимъ образомъ Мин. Нар. Просв., борясь съ забастовками и притомъ производя эту борьбу совершенно одинаково во всѣхъ городахъ Россіи, безъ вниманія къ мѣстнымъ условіямъ, наносило правительству непоправимый вредъ.

Мнѣ помнится, что еще въ 1899 году я узналъ, что въ итальянскихъ университетахъ очень часты забастовки и что онѣ назначаются студентами по самымъ маловажнымъ поводамъ. Списавшись съ однимъ изъ итальянскихъ профессоровъ, я узналъ, что эти забастовки представляютъ настоящій бичъ университетовъ, но что итальянское правительство не принимаетъ противъ нихъ однообразныхъ мѣръ, предоставляя совѣтамъ университетовъ разныхъ городовъ самимъ бороться съ забастовками такъ, какъ они это находятъ наиболѣе удобнымъ. Мнѣ казалось, что этотъ же способъ надо примѣнить и у насъ и нужно воспользоваться тѣмъ, что многія изъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, какъ напр. Институтъ инжен. путей сообщ., Горный Институтъ, Институтъ гражд. инжен., Электротехни-

ческій Институтъ не были подчинены Мин. Нар. Просв., и потому не существовало никакого обязательства примѣнять въ нихъ тѣ самыя мѣры, которыя примѣнялись въ учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв.

Въ мои интересы конечно не входило увеличивать длительность забастовокъ, и, въ цѣляхъ ихъ сокращенія, я принималъ нѣкоторыя особыя мѣры, часто послѣ совѣщанія съ моимъ покойнымъ другомъ, извѣстнымъ геологомъ Иваномъ Васильевичемъ Мушкетовымъ.

Я не особенно большой поклонникъ всеобщаго голосованія, но я думаю, что люди, имѣющіе одинаковое образованіе, одинаковый возрастъ и одинаковыя задачи, во всѣхъ важныхъ вопросахъ, ихъ касающихся, при помощи всеобщаго голосованія должны приходить къ такимъ рѣшеніямъ, которыя въ данное время для нихъ являются единственно пріемлемыми.

Какъ я уже упоминалъ, въ Институтѣ сходки не были воспрещены. Въ виду важности вопроса о забастовкахъ, я сталъ требовать, чтобы на сходки ходили всѣ студенты, и чтобы рѣшенія сходокъ признавались только въ томъ случаѣ, если за данное рѣшеніе было подано число голосовъ равное половинѣ числа всѣхъ студентовъ плюсъ одинъ голосъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ студентамъ было извѣстно, что, въ случаѣ рѣшенія забастовать, занятій производиться не будетъ. Если же за возобновленіе занятій будетъ подана половина голосовъ всѣхъ студентовъ плюсъ одинъ голосъ, то занятія должны немедленно возобновиться, всякая обструкція будетъ караться самымъ жестокимъ образомъ и въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, не будетъ оставлено камня на камнѣ. Это имѣло то послѣдствіе, что забастовки въ Институтѣ продолжались меньше времени, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, и что ни объ обструкціяхъ, ни о вводѣ полиціи никогда не было и рѣчи.

Я могу сказать, что несмотря на жестокую

критику моей системы частью профессоровъ и другихъ лицъ, она неуклонно проводилась до 1913 года, не прерываясь даже въ то время, когда я, между 1902 и 1906 г.г., не занималъ въ Институтѣ ни должности инспектора, ни директора.

Когда была назначена Комиссія ген. Ванновскаго, то я подробно объяснялъ ему и его помощнику, сенатору Мѣщанинову, дѣйствовавшую въ Институтѣ путей сообщенія систему студенческихъ организацій и подалъ объ этомъ подробную докладную записку, которая удостоилась одобренія ген. Ванновскаго. Я думаю, что вслѣдствіе этого ген. Ванновскій, послѣ назначенія его министромъ Нар. Просв., издалъ 22 декабря 1901 года упомянутыя выше правила студенческихъ организацій въ университетахъ. Къ сожалѣнію, студенчество университетовъ не приняло къ исполненію предначертаній ген. Ванновскаго. Подъ вліяніемъ революціонныхъ партій, вѣроятно, считалось неправильнымъ принимать эти правила, такъ какъ они были даны сверху, начальствомъ, а не выработаны самимъ студенчествомъ, и вводили сходки и другія студенческія организаціи въ опредѣленныя рамки, которыхъ такъ называемое передовое студенчество не хотѣло допустить.

Я вспоминаю еще, по какой причинѣ состоялось оставленіе мною должности инспектора Института въ 1902 году. Тогдашній министръ Путей Сообщенія князь Хилковъ относился довольно благосклонно къ тому, какъ я, по соглашенію съ директоромъ Иститута М. Н. Герсевановымъ, велъ студенческія дѣла, но послѣ забастовокъ, бывшихъ зимою 1901/2 г., мнѣ пришлось говорить съ нимъ объ этомъ, и, конечно, онъ высказался относительно этого явленія крайне отрицательно. Я также высказывалъ вполнѣ отрицательные взгляды на забастовки, признавая весь ихъ вредъ для учебнаго дѣла, однако счелъ необходимымъ высказать мнѣніе, что забастовки, которыя были занесены въ Россію неизвѣстно какъ и неизвѣстно кѣмъ, пред·

ставляютъ собою какое то чрезвычайно значительное явленіе. Я высказалъ предположеніе, что вопросами внутренней политики студенческая молодежь стала заниматься потому, что въ Россіи не существуетъ давно назрѣвшихъ конституціонныхъ учрежденій, въ которыхъ взрослые выборные люди могли бы заниматься политическими вопросами.

Потомъ мнѣ сообщили, что кн. Хилковъ нашелъ неудобнымъ оставлять на должности инспектора Института профессора недовольнаго существовавшимъ тогда государственнымъ устройствомъ. Вслѣдствіе этого кн. Хилковъ, на время лѣтняго отпуска директора Института, особымъ приказомъ передалъ управленіе Институтомъ не мнѣ, какъ полагалось по Положенію объ Ииститутѣ, а другому профессору.

Я долженъ сказать, что возня съ забастовочнымъ движеніемъ мнѣ надоѣла, поэтому я воспользовался этимъ случаемъ и подалъ просьбу объ увольненіи отъ должности инспектора Института.

Впрочемъ, измѣненію отношенія ко мнѣ кн. Хилкова способствовало еще и другое обстоятельство. На первый курсъ Института всегда желало поступить гораздо больше молодыхъ людей, чѣмъ могло быть принято; потому ежегодно Совѣтъ Института опубликовывалъ весной, сколько человѣкъ можетъ быть принято на первый курсъ по старшинству отмѣтокъ конкурсныхъ осеннихъ экзаменовъ по математикѣ, физикѣ и русскому языку. На конкурсные экзамены обыкновенно являлось свыше семисотъ человѣкъ; изъ нихъ половина не выдерживала экзаменовъ, а изъ удовлетворительно выдержавшихъ обыкновенно могло быть принято меньше половины. Однако, въ 90-хъ годахъ, при князѣ Хилковѣ, завелся такой обычай, что сверхъ принятыхъ Совѣтомъ по старшинству конкурсныхъ отмѣтокъ, министръ принималъ еще довольно много студентовъ внѣ конкурса, по спеціальнымъ ходатайствамъ разныхъ лицъ. Въ этомъ дѣлѣ принималъ особо горячее участіе одинъ чиновникъ особыхъ

порученій, бывшій въ то же время правителемъ канцеляріи Института. Дѣлу внѣконкурснаго пріема придавалось какое то особо важное значеніе, которое теперь можетъ показаться смѣшнымъ. Этотъ чиновникъ былъ даже командируемъ въ Парижъ къ кн. Хилкову, гдѣ тотъ тогда находился, для доклада объ особо рекомендованныхъ лицахъ, желавшихъ быть принятыми внѣ конкурса. Конечно, при этомъ не обходилось безъ разныхъ слуховъ, ронявшихъ по моему мнѣнію достоинство Института. По этому вопросу я занялъ совершенно непримиримую позицію, и съ помощью разныхъ постановленій Совѣта добился сильнаго сокращенія числа лицъ, принимавшихся внѣ конкурса. За это соотвѣтствующія лица сумѣли возстановить противъ меня кн. Хилкова.

Впрочемъ, пріемъ внѣ конкурса продолжался еще очень долго, и мнѣ помнится, что въ началѣ 1904 года мнѣ пришлось выступить на бывшемъ тогда Съѣздѣ дѣятелей высшихъ учебныхъ заведеній съ филиппикой противъ этихъ пріемовъ, напечатанной въ трудахъ этого съѣзда. Внѣконкурсные пріемы прекратились только въ 1905 году.

Они были возобновлены большевиками и примѣнялись очень широко, но внѣ конкурса принимались уже не лица только что сдавшія удовлетворительно очень строгіе экзамены, а лица совершенно свободныя отъ науки.

Японская война и Владивостокскій портъ. Стремленіе Россіи къ теплымъ морямъ

Когда началась Японская война, то сразу можно было предсказать, что она кончится неблагополучно. Къ такимъ предсказаніямъ были довольно вѣскія данныя. Прежде всего война должна была вестись на разстояніи свыше десяти тысячъ верстъ отъ Европейской Россіи. Дальній Востокъ былъ связанъ съ Россіей только однопутной желѣзной дорогой, которая къ тому же еще не была закончена, такъ какъ Круго-Байкальская желѣзная дорога еще не была выстроена, и сообщеніе черезъ Байкалъ должно было происходить на судахъ. Притомъ въ русскомъ обществѣ сравнительно не многіе знали, что̀ представляетъ изъ себя Японія, и что она населена шестидесяти милліоннымъ народомъ. Я помню, что когда въ началѣ войны я говорилъ о томъ, что численность народонаселенія въ Японіи 60 милліоновъ, то такое заявленіе встрѣчалось полнымъ недовѣріемъ. И дѣйствительно, вѣдь на картахъ географическихъ атласовъ Японія представляется въ видѣ нѣсколькихъ маленькихъ островковъ.

Война началась съ того, что, въ отступленіе отъ всякой военной теоріи, начали образовывать для посылки на Дальній Востокъ сводные полки, составлявшіеся изъ рядовыхъ разныхъ полковъ Европейской Россіи. При этомъ, понятно, командиры полковъ отправляли въ эти сводные полки самыхъ плохихъ солдатъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что имѣлись и очень давнія предсказанія о томъ, что война съ Японіей будетъ для Россіи очень тяжелой: адмиралъ В. В. Головнинъ, посланный въ началѣ XIX вѣка въ кругосвѣтное плаванье и въ Японію и попавшій со своимъ судномъ „Діана" въ японскій плѣнъ, вернувшись въ Россію, напечаталъ книгу подъ заглавіемъ „Записки о приключеніяхъ въ плѣну у японцевъ въ 1811-13 г. г.". Будучи очень наблюдательнымъ, онъ описываетъ жизнь въ Японіи, японцевъ и ихъ обычаи. Между прочимъ онъ говоритъ, что въ будущемъ, когда нибудь, столкновеніе Россіи и Японіи почти неминуемо и что оно будетъ очень тяжелымъ для Россіи, если произойдетъ послѣ того, какъ Японія будетъ реформирована японскимъ Петромъ Великимъ.

Такимъ Петромъ Великимъ, какъ извѣстно, былъ Микадо Мутсу-Хито.

Въ самомъ началѣ войны, одинъ мой близкій родственникъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ на бывшее въ Портъ-Артурѣ госпитальное судно „Монголія". Когда я пріѣхалъ съ нимъ прощаться, то я уговаривалъ его жену наложить въ его чемоданы побольше шоколаду, такъ какъ Портъ-Артуръ будетъ обложенъ японцами и долженъ будетъ выдержать очень долговременную осаду. Мои слова, конечно, были встрѣчены съ полнымъ недовѣріемъ, какъ карканье ворона.

Въ то время въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, отличавшейся необычайнымъ рутинерствомъ, профессора увѣряли обучающихся въ Академіи офицеровъ, что Японія можетъ выставить не болѣе трехсотъ тысячъ солдатъ, и что вслѣдствіе этого война должна для нихъ окончиться неудачей. Когда я говорилъ о томъ, что 60-и милліонный народъ можетъ, въ случаѣ надобности, выставить войско численностью въ нѣсколько милліоновъ солдатъ, то мои слова считали словами ничего не понимающаго штатскаго.

Также, когда изъ Балтійскаго моря была от-

правлена на Дальній Востокъ эскадра адмирала Рождественскаго, то считали смѣшнымъ вопросъ о томъ, что̀ бы случилось съ японцами, если бы они свою эскадру послали въ Финскій заливъ. Между тѣмъ совершенно ясно, что въ этомъ случаѣ японская эскадра погибла бы въ Финскомъ заливѣ такъ же, какъ русская эскадра погибла у Цусимы.

Въ русскомъ обществѣ захватъ Портъ-Артура и Дальняго, а также проведеніе по Китайской территоріи Восточно-Китайской и Манчжурской желѣзныхъ дорогъ, имѣвшіе своимъ послѣдствіемъ Японскую войну, до сихъ поръ оправдываются необходимостью выхода Россіи къ незамерзающему Желтому морю.

Вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги на Портъ-Артуръ, была отложена на очень долгое время постройка желѣзной дороги по лѣвому берегу Амура, и временно были заброшены Владивостокскій портъ и Владивостокская крѣпость. Между тѣмъ съ самаго начала Великой войны выяснилась необходимость воспользоваться Владивостокскимъ портомъ для полученія изъ Америки и Японіи разныхъ военныхъ матеріаловъ, а также заказаннаго въ Америкѣ большого числа вагоновъ и паровозовъ. Передъ нами встала необходимость превратить Владивостокъ въ незамерзающій портъ.

Пріѣхавъ во Владивостокъ въ началѣ 1915 года съ большими полномочіями для быстраго переустройства Владивостокскаго порта, я прежде всего нашелъ необходимымъ усилить бывшія во Владивостокѣ ледокольныя средства. Тогда же, въ дополненіе къ старому ледоколу морского вѣдомства „Надежный“, мною былъ заказанъ въ Шанхаѣ на судостроительномъ заводѣ Shanghai engineering and shipbuilding Company (Old Dock Company) за 30 тысячъ англійскихъ фунтовъ, т. е. около 300 тысячъ руб., новый пароходъ-ледоколъ „Казакъ Поярковъ“ въ 1.200 силъ, который уже успѣшно дѣйствовалъ

въ зиму 1915/16 года. Послѣ того морское вѣдомство заказало на томъ же заводѣ второй такой же пароходъ-ледоколъ, обошедшійся, правда, вслѣдствіе паденія курса рубля, уже въ 64 тысячи фунтовъ. Лѣтомъ 1916 года во Владивостокъ прибылъ четвертый ледоколъ „Добрыня Никитичъ", въ 3.000 силъ, заказанный вѣдомствомъ торговли и промышленности въ Англіи. Эти 4 парохода-ледокола, въ холодную зиму 1916/17 года, безъ всякихъ затрудненій, поддерживали свободнымъ входъ и выходъ пароходовъ во Владивостокскій портъ. При постоянной же работѣ ледоколовъ, для превращенія Владивостока въ незамерзающій портъ, было достаточно двухъ пароходовъ-ледоколовъ.

По поводу заказа парохода-ледокола „Казакъ Поярковъ" я недавно узналъ, изъ очень вѣрнаго источника, о слѣдующемъ эпизодѣ.

Одновременно съ заказомъ парохода-ледокола было необходимо заказать девять сорокатонныхъ пловучихъ крановъ, для выгрузки тяжелыхъ предметовъ изъ судовъ, прибывавшихъ во Владивостокскій портъ; также необходимо было купить или заказать два буксирныхъ парохода. Вслѣдствіе этого въ то время ко мнѣ приходили разные комиссіонеры, между которыми былъ англичанинъ Кингъ, представитель англійскихъ судостроительныхъ заводовъ. Мнѣ казалось цѣлесообразнымъ произвести экстренный заказъ пловучихъ крановъ въ Японіи и тамъ же купить готовые буксирные пароходы. Нельзя было заказывать или покупать эти неповоротливыя суда въ Англіи или Сѣверной Америкѣ, такъ какъ при ихъ доставкѣ они могли быть либо потоплены нѣмцами, либо потерпѣть крушеніе во время перехода. Я остановился на заказѣ пловучихъ крановъ всемірно извѣстному японскому заводу Митсу-Биши, имѣвшему большія судостроительныя верфи въ Нагасаки и Кобэ. Предварительные переговоры объ этомъ заказѣ я велъ съ представителемъ завода, также англичаниномъ, г. Buckney, а для окончательнаго заказа и подписанія договора поѣхалъ въ

Японію. Одновременно съ этимъ выяснилось, что заказъ парохода-ледокола получаетъ шанхайскій заводъ, директоръ котораго, также англичанинъ, г. Burns, пріѣзжалъ во Владивостокъ.

Мои распоряженія конечно не нравились Кингу, и онъ отправилъ англійскому послу въ Токіо доносъ на меня. Въ доносѣ указывалось, что я германофилъ и потому стараюсь отдавать заказы японскимъ и китайскимъ заводамъ, а не заводамъ, находящимся въ союзныхъ странахъ, а также, что я вообще саботирую работы по расширенію Владивостокскаго порта. Доносъ основывался на томъ, что у меня нѣмецкая фамилія. И дѣйствительно, мое нѣмецкое происхожденіе столь же несомнѣнно, какъ нѣмецкое происхожденіе англійскаго Короля Георга V и покойнаго русскаго Императора Николая II.

Къ счастью, англійскій посолъ не сразу повѣрилъ доносу, а началъ наводить справки обо мнѣ во Владивостокѣ. Доносъ не подтвердился: пароходъ-ледоколъ былъ заказанъ, хотя и въ Китаѣ, но англійскому заводу; что же касается работъ во Владивостокскомъ порту, то, конечно, выяснилось, что сооруженія глубоководныхъ набережныхъ на Эгершельдѣ и въ другихъ мѣстахъ порта, а также сооруженіе желѣзныхъ пакгаузовъ и другія работы пошли полнымъ ходомъ именно послѣ моего пріѣзда во Владивостокъ и вслѣдствіе моихъ распоряженій.

Какъ извѣстно, Амурская область была пріобрѣтена Россіей отъ Китая во время царствованія Императора Николая Павловича, благодаря дѣятельной политикѣ генералъ-губернатора гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго и адмирала Г. И. Невельского. Занятіе устья Амура было произведено адм. Невельскимъ въ 1851 г. Эти дѣйствія не понравились въ Петербургѣ, но Императоръ Николай Павловичъ одобрилъ ихъ какъ „молодецкія“. Завершеніемъ

политики гр. Муравьева-Амурскаго и адм. Невельского были Ангунскій и Пекинскій трактаты, заключенные въ 1858 и 1860 г. г. По первому къ Россіи отошелъ весь Амуръ, а по второму Россія получила Уссурійскую область съ южными портами. Владивостокскій портъ былъ безъ выстрѣла занятъ для Россіи 20 іюня 1860 года, когда на военномъ транспортѣ „Манчжуръ“ прибыла сюда команда изъ 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ прапорщика Комарова.

Въ своихъ стремленіяхъ къ незамерзающимъ портамъ и къ выходамъ изъ внутреннихъ морей, Россія далеко не всегда была такъ счастлива, какъ съ Владивостокомъ. Занятіе Портъ-Артура и Дальняго въ концѣ концовъ повлекло за собою авантюру лѣсныхъ концессій на рѣкѣ Ялу и кончилось Японской войною, проигранною Россіей.

Мнѣ помнится, что приблизительно въ то самое время, когда Россія занимала Портъ-Артуръ и Дальній, и тѣмъ подготовляла будущую Японскую войну, С. Е. Палашковскій мечталъ о проведеніи желѣзной дороги черезъ всю Персію къ теплому Персидскому заливу и о занятіи порта Ковейтъ. С. Е. Палашковскій вмѣстѣ съ А. А. Бунге былъ не только крупнымъ подрядчикомъ и строителемъ желѣзныхъ дорогъ, но и вносилъ какія то поэтическія фантазіи въ свои предпріятія.

Можетъ быть эта авантюра обошлась бы Россіи дешевле, чѣмъ Портъ-Артурская авантюра.

Стремленіе Россіи выйти къ берегамъ морей слѣдуетъ признать вполнѣ естественнымъ. Это дѣло было начато Петромъ Великимъ и ему удалось выйти къ Балтійскому морю. Дѣло его въ XVIII вѣкѣ продолжали русскія императрицы и ихъ умные временщики, бывшіе настоящими государственными людьми, какъ Меншиковъ, Минихъ, Остерманъ, Потемкинъ и даже Биронъ. Къ концу царствованія Екатерины II Россія закрѣпила за собой Балтійское и Черное моря. Къ сожалѣнію, послѣ Екатерины II при императорахъ — Павлѣ,

Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II и Николаѣ II, особенно усилилось вмѣшательство Россіи въ европейскія дѣла. Всѣ войны велись не въ интересахъ Россіи. Такъ, напр., Суворовскій походъ противъ Директоріи велся въ интересахъ Неаполитанскаго короля, Наполеоновскія войны — въ интересахъ Пруссіи и Австріи, Венгерскій походъ — въ интересахъ Австріи, и нескончаемыя войны съ Турціей, въ 1828, 1854, 1878 годахъ — велись въ интересахъ то грековъ, то южныхъ славянъ.

При этомъ въ русской дипломатіи и въ военномъ вѣдомствѣ не малую роль играло, какъ бы, подсознательное желаніе при томъ или другомъ случаѣ завладѣть Босфоромъ и Дарданелами, т. е. ключами къ Черному морю. Этому желанію до извѣстной степени вторили и славянофильскія тенденціи, при чемъ русскіе славянофилы всѣ симпатіи свои обращали на далекихъ южныхъ славянъ, болгаръ, сербовъ и черногорцевъ, оставляя въ сторонѣ ближнихъ славянъ-поляковъ, и мало заботясь объ австрійскихъ славянахъ — хорватахъ, чехахъ и прикарпатскихъ русскихъ.

Русское общество также интересовалось вопросомъ о проливахъ. Всѣ были убѣждены въ необходимости рано или поздно завладѣть проливами для того, чтобы обезпечить безпрепятственный вывозъ зерна изъ черноморскихъ портовъ. Аргументы были такіе: почему не завладѣть проливами, разъ Англія владѣетъ Гибралтаромъ, Аденомъ, Сингапуромъ?

На вопросъ, почему бы тогда Россіи лучше не занять выходы изъ Балтійскаго моря, т. е. Зундъ, Большой и Малый Бельты, получался отвѣтъ, что это стоило бы слишкомъ дорого. При этомъ совершенно упускалось изъ виду, сколько уже стоили Россіи мечты о проливахъ. Между тѣмъ англичане заняли Гибралтаръ почти безъ выстрѣла въ 1704 году для испанскаго короля Карла Габсбургскаго во время войны за испанское престолонаслѣдіе, и получили его затѣмъ въ безвозвратное владѣніе

по Утрехтскому миру. Они заняли Аденъ въ 1839 году безъ какихъ либо военныхъ дѣйствій, а Сингапуръ былъ купленъ сэромъ Раффльсомъ въ 1819 году у одного изъ малайскихъ раджей. Конечно, нельзя было бы ничего возразить противъ занятія проливовъ, если бы это могло быть достигнуто столь же дешевой цѣной. Но Россіи мечты о проливахъ обошлись слишкомъ дорого. Эти мечты были живы до самаго послѣдняго времени и передъ началомъ Великой войны можетъ быть подогрѣвали готовность Россіи принять на себя и эту войну.

Въ 1916 году, въ Петербургѣ, вышла книга подъ заглавіемъ „Чего ждетъ Россія отъ войны". Въ ней, если я не ошибаюсь, П. Н. Милюковъ доказывалъ, что Россіи нужны не только проливы, но еще и портъ Александретта въ сѣверной Сиріи.

Въ своихъ стремленіяхъ къ теплымъ морямъ, Россія иногда дѣйствовала, какъ слѣпая, не замѣчая почему то до 1915 года необходимости устроить незамерзающій портъ на Мурманѣ.

Вѣдь надо сознаться, что Россія не была подготовлена къ войнѣ. Воевать собирались съ Германіей и Австріей, а не съ кѣмъ либо другимъ; поэтому было совершенно точно извѣстно, что Балтійское море будетъ для Россіи закрыто. Можно было разсчитать на пальцахъ, что Турція скорѣе будетъ на сторонѣ центральныхъ державъ, чѣмъ на сторонѣ своего исконнаго врага Россіи, поэтому можно было быть увѣреннымъ, что и Черное море будетъ закрыто для сообщеній съ союзными Франціей или Англіей. Между тѣмъ ничего не было сдѣлано для нашихъ сѣверныхъ портовъ. Вологодско-Архангельская дорога была однопутная и узколейная, къ постройкѣ дороги на Романовскъ, т. е. къ незамерзающему порту, не было приступлено, портъ Романовскъ не былъ устроенъ, а Архангельскій портъ совершенно не соотвѣтствовалъ тѣмъ требованіямъ, которыя къ нему были предъявлены во время войны.

Мурманскъ и Александровскъ, конечные пункты Мурманской желѣзной дороги, расположены на берегу Кольской бухты Сѣвернаго Ледовитаго океана. Ближайшая на западъ большая бухта — Варангеръ Фіордъ; берега его почти цѣликомъ принадлежатъ Норвегіи и въ малой долѣ Финляндіи; здѣсь лежитъ норвежскій портовый городъ Вардэ,— исходный пунктъ многихъ полярныхъ экспедицій.

Мнѣ неизвѣстно, въ какомъ отношеніи Варангеръ Фіордъ или Варяжскій заливъ (такъ онъ названъ въ Большой Энциклопедіи Южакова) находится къ варягамъ и къ викингу Рюрику, основателю Русскаго государства. Какая иронія судьбы, что русская государственность, основанная варягомъ или норманомъ Рюрикомъ, только наканунѣ своего крушенія вышла къ своимъ исконнымъ берегамъ незамерзающаго моря на Мурманъ, т. е. къ берегамъ нормановъ.

Записка 342-хъ ученыхъ и Союзъ профессоровъ.

Въ концѣ 1904 года Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и, если я не ошибаюсь, Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ былъ назначенъ князь Святополкъ-Мирскій, при которомъ началась такъ называемая эра довѣрія къ общественнымъ силамъ. Эта эра прежде всего ознаменовалась образованіемъ нѣсколькихъ профессіональныхъ союзовъ, какъ напр. союза инженеровъ, союза журналистовъ и проч. Въ виду трудности получить разрѣшеніе на публичныя политическія собранія эти союзы стали устраивать въ большихъ ресторанахъ политическіе банкеты, на которыхъ произносились рѣчи о необходимости измѣненія строя правленія и необходимости введенія въ Россіи конституціи.

Профессорамъ какъ то неудобно было начинать свою политическую дѣятельность съ банкета, поэтому Леонидъ Ивановичъ Лутугинъ, который, я думаю, дѣйствовалъ по порученію Центральнаго Комитета Союза Освобожденія, обратился ко мнѣ съ просьбой созвать нѣсколькихъ профессоровъ, сочувствующихъ идеѣ введенія конституціи и составить и широко огласить записку о томъ, что конституція вызывается и нуждами просвѣщенія. Найти лицъ, сочувствующихъ этой затѣѣ, было не трудно. Не только я, но и многіе изъ профессорскихъ круговъ понимали, что введеніе конституціи

въ Россіи значительно опоздало. Она должна была быть дарована, если не въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, то во всякомъ случаѣ непосредственно послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ то время, когда русская промышленность еще не успѣла расцвѣсти, когда еще не образовался русскій пролетаріатъ, и когда первыя Государственныя Думы еще могли быть составлены изъ однихъ или почти однихъ дворянъ, съ присоединеніемъ лишь немногихъ иныхъ цензовыхъ элементовъ. Введеніе конституціи въ 1904 году уже могло привести къ очень непріятнымъ послѣдствіямъ, а затѣмъ не къ политической, а къ соціальной революціи, такъ какъ въ то время рабочіе и крайне лѣвыя партіи уже начали лязгать зубами. Тѣмъ не менѣе введеніе конституціи было неизбѣжно.

Во исполненіе просьбы Л. И. Лутугина я прежде всего переговорилъ о дѣлѣ съ пользовавшимися заслуженной извѣстностью, такъ называемыми „либеральными иконами", — Андреемъ Сергѣевичемъ Фаминцынымъ и Николаемъ Николаевичемъ Бекетовымъ. Съ ними я былъ близко знакомъ и храню о нихъ благодарное воспоминаніе. Постепенно составился кружокъ профессоровъ, собиравшійся въ моей квартирѣ и занявшійся составленіемъ записки о необходимости конституціи. Въ точности я не могу вспомнить имена всѣхъ участниковъ совѣщанія, но думаю, что я не ошибусь, назвавъ слѣдующихъ лицъ: Ѳ. А. Браунъ, В. А. Беклемишевъ, В. И. Бауманъ, С. К. Буличъ, И. М. Гревсъ, В. Э. Денъ, М. А. Дьяконовъ, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Д. С. Зерновъ, Н. И. Карѣевъ, Н. К. Кульманъ, А. С. Ломшаковъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ, В. В. Матэ, А. С. Посниковъ, І. А. Покровскій, К. А. Поссе, И. П. Павловъ, С. С. Салазкинъ, В. А. Фаусекъ, А. С. Фаминцынъ, А. А. Шахматовъ, В. М. Шимкевичъ, Н. Н. Яковлевъ.

Если прочесть теперь эту записку, тогда казавшуюся очень революціонной, то она производитъ

необычайно прѣсное и невинное впечатлѣніе. Кромѣ того въ ней имѣются повторенія, въ виду того, что первоначальная редакція была составлена Дмитріемъ Степановичемъ Зерновымъ, а затѣмъ участниками нашихъ совѣщаній дѣлались разныя замѣчанія, которыя привели въ концѣ концовъ къ указаннымъ повтореніямъ. Записка заканчивалась слѣдующими словами: „Мы, дѣятели ученыхъ и высшихъ учебныхъ учрежденій, высказываемъ твердое убѣжденіе, что для блага страны безусловно необходимо установленіе незыблемаго начала законности и неразрывно съ нимъ связаннаго начала политической свободы. Опытъ исторіи свидѣтельствуетъ, что эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ привлеченія свободно избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи. Только на этихъ основахъ обезпеченной личной общественной свободы можетъ быть достигнута свобода академическая — это необходимое условіе истиннаго просвѣщенія."

Записка была отлитографирована, и ея экземпляры были розданы во всѣ высшія учебныя заведенія С.-Петербурга для подписи профессорами. Въ Татьянинъ день, 12 января, т. е. въ день праздника Московскаго Университета, всѣ подписанные экземпляры записки должны были быть принесены въ послѣднее засѣданіе нашего кружка, а затѣмъ она со всѣми подписями была передана для опубликованія въ выходившія тогда газеты — „Наша Жизнь" и „Сынъ Отечества". Въ этихъ газетахъ она и была вскорѣ напечатана за подписями: 16 членовъ Академіи Наукъ, 125 профессоровъ и адъюнктъ-профессоровъ, 201 доцентовъ, преподавателей и лаборантовъ. Всего было 342 подписи, вслѣдствіе чего эта записка получила названіе „Записки 342 ученыхъ" или „Записки о нуждахъ просвѣщенія".

Вслѣдъ за появленіемъ записки, въ разныхъ газетахъ стали печататься заявленія о присоединеніи къ запискѣ другихъ лицъ. Всего присоединилось

1420 профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведенiй изъ слѣдующихъ городовъ: С.-Петербурга, Москвы, Кiева, Харькова, Казани, Одессы, Екатеринослава, Варшавы, Юрьева, Ярославля, Ново-Александровска, Томска. Послѣ того эта записка была цѣликомъ, со всѣми подписями, перепечатана въ апрѣльской книжкѣ за 1905 годъ журнала „Всемiрный Вѣстникъ".

Записка произвела довольно большое впечатлѣнiе, такъ какъ въ первый разъ огромнымъ числомъ подписей было удостовѣрено, что самодержавный образъ правленiя не одобряется почти всѣмъ ученымъ и учебнымъ мiромъ Россiи. Въ то время вѣдь всѣмъ сколько нибудь либерально настроеннымъ людямъ казалось, что именно конституцiонный образъ правленiя является панацеей отъ всѣхъ бѣдъ. Я лично въ то время считалъ его панацеей отъ такихъ безумныхъ войнъ, какъ Японская. Я забылъ тогда о томъ, что въ 1866 и 1870 годахъ конституцiонныя державы — Францiя, Пруссiя и Австрiя, вели между собою столь же безумныя и ненужныя войны. Только гораздо позже съ очевидностью выяснилось для меня, что никакой образъ правленiя — ни самодержавiе, ни конституцiонная монархiя, ни даже республика не могутъ предохранить ни отъ войнъ, ни отъ соцiальныхъ потрясенiй.

Между прочимъ уже 12 января всѣ лица, участвовавшiя въ составленiи записки, со всѣми ихъ довольно высокими званiями и чинами были тщательно переписаны полицiей въ моей квартирѣ. Произошло это по слѣдующей причинѣ.

Въ концѣ 1904 года въ С.-Петербургѣ происходило такъ называемое Гапоновское рабочее движенiе. Священникъ Гапонъ, покровительствуемый департаментомъ полицiи, устроилъ въ разныхъ кварталахъ Петербурга, если я не ошибаюсь, 11 или 12 рабочихъ клубовъ, въ которыхъ онъ читалъ лекцiи, произносилъ проповѣди и, по мнѣнiю полицiи, направлялъ рабочихъ разныхъ фабрикъ и заводовъ на пути угодные правительству. Своими

обращеніями къ рабочимъ онъ долженъ былъ отвлекать ихъ отъ вліянія соціалъ-демократической партіи, тогда еще не раздѣлявшейся на большевиковъ и меньшевиковъ. Собранія рабочихъ въ этихъ клубахъ, конечно, происходили совершенно открыто, не только въ самыхъ клубахъ, но и на улицахъ передъ клубами.

Однако въ началѣ января уже появились слухи о томъ, что Гапонъ готовитъ отъ рабочихъ какую то петицію, которую рабочіе должны поднести Государю, собравшись для этого передъ Зимнимъ дворцомъ. Одновременно съ этимъ стали ходить слухи и о томъ, что поднесеніе петиціи не будетъ допущено.

За два дня до 9 января, назначеннаго для поднесенія петиціи, я проходилъ вечеромъ по 4-ой линіи Васильевскаго острова, гдѣ помѣщался одинъ изъ Гапоновскихъ клубовъ; улица была запружена народомъ, и съ балкона кто то говорилъ рѣчь, которую я не могъ разслышать. Тутъ же въ толпѣ стояли и городовые, не предпринимавшіе никакихъ дѣйствій. Для С.-Петербурга того времени все это было явленіемъ совершенно непривычнымъ.

Въ этотъ вечеръ я былъ увѣренъ, что поднесеніе петиціи Государю будетъ допущено. Но вечеромъ 8 января стало уже совершенно ясно, что петиція была составлена не безъ участія соціалъ-демократовъ, что поднесеніе петиціи не будетъ допущено и что на улицахъ можетъ быть стрѣльба въ толпы рабочихъ, идущихъ по направленію къ Зимнему дворцу.

Поздно ночью я былъ по дѣлу въ редакціи газеты „Сынъ Отечества", гдѣ засталъ большое собраніе русскихъ интеллигентовъ. Изъ нихъ одни стремились найти какіе либо пути для предупрежденія кровопролитія и избирали делегаціи къ министру Внутреннихъ Дѣлъ и С. Ю. Витте, которыя должны были просить о томъ, чтобы день прошелъ безъ кровопролитія, другіе были увѣрены въ томъ, что 9 января начнется настоящая русская

революція, и тутъ же готовы были выбирать Временное Правительство. Къ счастью, дѣло ограничилось выборами делегаціи, въ которую между прочимъ вошелъ Николай Ивановичъ Карѣевъ. Конечно, делегація ничего не добилась, и утромъ 9 января была стрѣльба, убитые и раненые.

Гапонъ, шедшій въ первомъ ряду одной изъ толпъ, въ священническомъ облаченіи, какъ-то успѣлъ скрыться, и въ теченіе слѣдующихъ дней полиція усердно его разыскивала.

Департаментъ полиціи можетъ быть предполагалъ, что Гапонъ дѣлаетъ въ моей квартирѣ докладъ о происшествіяхъ 9 января.

О бывшемъ у меня собраніи, не было подано заявленія полиціи. Впрочемъ, я долженъ сказать, что у явившагося наряда полиціи имѣлось лишь предписаніе переписать моихъ гостей, о производствѣ же обыска предписанія не было. Послѣ переписи присутствовавшихъ въ квартирѣ, полицейскіе мирно удалились, написавъ протоколъ на томъ же письменномъ столѣ, на которомъ лежали всѣ экземпляры нашей записки.

Послѣ опубликованія „Записки о нуждахъ просвѣщенія", во всѣхъ университетскихъ городахъ образовались союзы профессоровъ.

Въ С.-Петербургѣ было созвано нѣсколько общихъ собраній петербургскихъ профессоровъ, выбравшихъ бюро петербургскаго отдѣленія союза, получившаго названіе Академическаго Союза. Это бюро, предсѣдателемъ котораго я состоялъ, прежде всего занялось созывомъ перваго съѣзда Академическаго Союза, состоявшагося въ помѣщеніи курсовъ Лесгафта, зимой или ранней весной 1905 года. Раньше съѣзда Академическій Союзъ былъ расширенъ въ томъ отношеніи, что полноправными членами его могли состоять не только профессора, но и такъ называемые младшіе преподаватели, т. е.

доценты, лаборанты, лекторы, не имѣвшіе профессорскаго званія, и т. д.

Я долженъ сказать, что это внесло въ Академическій Союзъ лѣвую струю, съ которой позже не разъ пришлось считаться.

Засѣданія перваго съѣзда прошли очень торжественно. Я помню, что особенный восторгъ вызвало появленіе на съѣздѣ композитора Римскаго-Корсакова, который, если я не ошибаюсь, былъ тогда директоромъ петербургской консерваторіи.

Съѣздъ занялся тѣмъ дѣломъ, которому тогда всѣ придавали какое то особенное значеніе, а именно составленіемъ резолюцій по всѣмъ вопросамъ внутренней политики Россіи. Между прочимъ, разбирался вопросъ о самоопредѣленіи національностей, при чемъ была вынесена необычайно либеральная и все охватывающая резолюція. Мнѣ помнится, что какъ разъ на этомъ вопросѣ я потерялъ нѣкоторую долю моей популярности, когда передъ принятіемъ резолюціи вышелъ на каѳедру и послѣ краткой рѣчи спросилъ собраніе: „что же, по Вашему мнѣнію, и чукчи и юкагиры должны самоопредѣлиться?“

У меня нѣтъ подъ рукою никакихъ документовъ о различныхъ дѣлахъ, которыми занимался Академическій Союзъ, послѣ съѣзда, поэтому я сообщу здѣсь лишь то немногое, о чемъ могу вспомнить.

Товарищемъ предсѣдателя бюро Академическаго Союза былъ А. С. Посниковъ. У него были всегда добрыя отношенія съ С. Ю. Витте, и однажды, въ апрѣлѣ или маѣ 1905 года, я получилъ черезъ А. С. Посникова приглашеніе придти на совѣщаніе къ С. Ю. Витте.

Въ совѣщаніи, кромѣ А. С. Посникова и меня, принимали участіе еще два-три профессора. Я не могу припомнить, кто именно присутствовалъ, но почти навѣрное присутствовалъ Д. С. Зерновъ. Совѣщаніе оказалось посвященнымъ вопросу о введеніи въ Россіи представительнаго образа правленія.

Въ то время либо уже былъ объявленъ созывъ Булыгинской законосовѣщательной Думы, либо этотъ созывъ еще находился въ проектѣ.

При разговорѣ мы, конечно, всѣ находили, что нужна не законосовѣщательная, а законодательная Дума. Мнѣ помнится, что я говорилъ о необходимости изданія сразу полнаго текста новой конституціи. Меня тогда же поражало, что С. Ю. Витте говорилъ какъ-то одновременно и о дарованіи конституціи и о сохраненіи самодержавія. Мнѣ даже помнится, что я старался его поправить и указывалъ на то, что при конституціи можетъ быть сохранено только единодержавіе, а не самодержавіе.

Другой эпизодъ, имѣвшій отношеніе къ Академическому Союзу, былъ слѣдующій.

Академическій Союзъ въ то время долженъ былъ входить въ составъ образовавшагося Союза Союзовъ. Я, въ качествѣ предсѣдателя Академическаго Союза, былъ какъ бы обязанъ участвовать въ засѣданіяхъ комитета Союза Союзовъ. Дѣло было лѣтомъ 1905 г., и я старался отъ этихъ засѣданій отлынивать, тѣмъ болѣе, что у меня было достаточно дѣла по подготовкѣ предполагавшагося въ Москвѣ 2-го съѣзда Академическаго Союза.

Въ іюнѣ я получилъ повѣстку на засѣданіе комитета Союза Союзовъ, назначенное въ 1 ч. дня на дачѣ въ Шуваловѣ, гдѣ тогда жилъ П. Н. Милюковъ, только что вернувшійся изъ Москвы. Я написалъ ему, что не могу пріѣхать такъ рано, но что пріѣду послѣ засѣданія, около 4-хъ часовъ, для того, чтобы узнать отъ него, какъ въ Москвѣ обстоитъ дѣло по созыву 2-го съѣзда Академическаго Союза.

Когда я подъѣзжалъ на извозчикѣ къ дачѣ, въ которой жилъ П. Н. Милюковъ, я замѣтилъ что-то странное: разные люди выглядывали изъ оконъ сосѣднихъ дачъ. Я сообразилъ, что тутъ не все ладно, но неудобно было возвращаться, и я спросилъ, гдѣ живетъ Милюковъ, и вошелъ въ его дачу. Тамъ я засталъ большое общество гостей

П. Н. Милюкова и полицейскихъ, производившихъ обыскъ. Обыскомъ руководилъ извѣстный тогда агентъ Статковскій. Изъ гостей П. Н. Милюкова я помню профессоровъ Н. И. Карѣева и Я. Н. Гордѣенко.

Послѣ окончанія обыска всѣмъ присутствовавшимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, было предложено отправиться въ Петербургъ и явиться въ охранное отдѣленіе. При этомъ меня, а можетъ быть и всѣхъ другихъ, не сопровождали никакіе полицейскіе. Въ охранномъ отдѣленіи, ожидая въ одной изъ пріемныхъ, я пробылъ до поздней ночи, не зная для чего меня держатъ.

Около часу или двухъ ночи меня вызвали въ кабинетъ какого то чиновника, который повелъ со мною общій разговоръ по поводу предполагавшагося лѣвыми партіями бойкота Булыгинской Думы. Къ этому бойкоту я относился отрицательно. На вопросъ, почему я лично недоволенъ положеніемъ о Булыгинской Думѣ, я высказалъ, что недоволенъ потому, что по этому положенію вовсе не являюсь избирателемъ, такъ какъ я квартиронаниматель, и мои земельныя имущества недостаточно велики по площади. Затѣмъ чиновникъ спрашивалъ меня объ Академическомъ Союзѣ. На этотъ вопросъ я, конечно, далъ исчерпывающій отвѣтъ. Также онъ спрашивалъ меня о Союзѣ Союзовъ, но я объяснилъ, что почти ничего не знаю, такъ какъ присутствовалъ только на одномъ засѣданіи.

Между прочимъ въ разговорѣ я выразилъ удивленіе, что охранное отдѣленіе арестовываетъ такихъ лицъ, какъ П. Н. Милюковъ, Н. И. Карѣевъ, Я. Н. Гордѣенко, которые навѣрно не принимаютъ никакого участія въ противоправительственной дѣятельности крайнихъ лѣвыхъ партій.

Около 3-хъ часовъ ночи мнѣ было объявлено, что я могу отправиться домой. Вѣроятно, такое рѣшеніе было принято потому, что къ тому времени было прочитано взятое при обыскѣ у П. Н. Милюкова мое письмо, въ которомъ я ему сооб-

щалъ, что пріѣду только для разговоровъ по дѣламъ Академическаго Союза.

На другой день я узналъ, что П. Н. Милюковъ и остальныя лица, бывшія у него, находятся подъ арестомъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ они пробыли около мѣсяца. Причины, вызвавшія ихъ заключеніе въ крѣпость, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстны. Въ крѣпости съ ними обращались хорошо. Н. И. Карѣевъ и Я. Н. Гордѣенко говорили мнѣ, что были отчасти довольны заключеніемъ, такъ какъ первый изъ нихъ получилъ досугъ для написанія одной исторической работы, второй — для составленія проекта централизаціи стрѣлокъ.

О второмъ съѣздѣ Академическаго Союза, бывшемъ въ Москвѣ въ августѣ 1905 года, у меня не сохранилось ни записей, ни воспоминаній.

Какъ извѣстно, первый семестръ 1905/6 учебнаго года начался съ митинговъ, которые почему то были допущены правительствомъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ послѣдовала всеобщая забастовка.

17 октября былъ объявленъ манифестъ о созывѣ законодательной Государственной Думы. Съ 19 октября митинги въ учебныхъ заведеніяхъ были запрещены, и высшія учебныя заведенія временно закрыты.

Третій делегатскій съѣздъ Академическаго Союза состоялся въ январѣ 1906 года и, между прочимъ, занимался вопросомъ объ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній и о митингахъ. У меня и объ этомъ съѣздѣ Академическаго Союза также не сохранилось никакихъ записей. Сохранился только печатный экземпляръ сдѣланнаго мною съѣзду доклада подъ заглавіемъ: „Положеніе высшихъ учебныхъ заведеній въ связи съ вопросомъ о митингахъ“. Въ немъ я приводилъ подробное описаніе крайностей, имѣвшихъ мѣсто на митингахъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указывалъ въ моемъ докладѣ, что настроеніе студентовъ въ концѣ 1905 года было все еще таково, что

они не хотѣли принять предлагавшихся имъ льготныхъ условій, при которыхъ могли бы быть допущены митинги въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, а именно: устройство митинга только въ опредѣленныхъ помѣщеніяхъ, ограниченіе числа участниковъ, впускъ по контрамаркамъ и отвѣтственность предсѣдателя за допущеніе слишкомъ радикальныхъ рѣчей. Я указывалъ также, что въ данное время единственнымъ полезнымъ дѣломъ является предвыборная агитація для проведенія кандидатовъ въ Государственную Думу, но что мѣстомъ этой агитаціи, въ интересахъ просвѣщенія, не должны служить высшія учебныя заведенія. Въ концѣ доклада я просилъ съѣздъ не принимать по этому вопросу общей резолюціи, но рекомендовать всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ сдѣлать попытку къ открытію ихъ съ самаго начала учебнаго года, но безъ допущенія митинговъ.

Мнѣ помнится, что мой докладъ былъ встрѣченъ съѣздомъ довольно холодно, такъ какъ общее настроеніе въ то время было еще очень радикальнымъ. Я не помню, какая резолюція была принята съѣздомъ по моему докладу.

Послѣ состоявшагося открытія высшихъ учебныхъ заведеній, Академическій Союзъ занялся главнымъ образомъ разработкой такъ называемой предметной системы преподаванія, которая вскорѣ замѣнила собою прежнюю курсовую систему. По неизвѣстной мнѣ до сихъ поръ причинѣ, въ то время какъ студенты, такъ и профессора и преподаватели, увлекались предметной системой, ожидая отъ нея всевозможныхъ благъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности она имѣла тотъ результатъ, что всѣ курсы сильно разрослись, требованія на экзаменахъ повысились, и студенты стали засиживаться въ учебныхъ заведеніяхъ гораздо дольше, чѣмъ при курсовой системѣ, вводившей преподаваніе и занятія студентовъ въ опредѣленныя курсовыя рамки.

Послѣ третьяго съѣзда Академическаго Союза никакіе съѣзды больше не созывались. Отчасти въ

этомъ былъ повиненъ я самъ, такъ какъ считалъ, что съ открытіемъ Государственной Думы Академическій Союзъ уже не долженъ заниматься никакими политическими вопросами.

Академическій Союзъ снова временно ожився въ 1917 году, когда Временное Правительство потребовало присылки делегатовъ Академическаго Союза въ Московское Совѣщаніе и въ Совѣтъ Республики.

Выборы въ Государственную Думу первого созыва

Въ концѣ 1905 и началѣ 1906 года я былъ членомъ Петербургскаго Комитета кадетской партіи, и такъ какъ я жилъ на Петербургской сторонѣ, то мнѣ было поручено Комитетомъ организовать въ этой части города выборы выборщиковъ въ первую Государственную Думу. Средства для организаціи выборовъ по всему Петербургу были, насколько мнѣ помнится, получены отъ князя Бебутова и при томъ въ достаточномъ размѣрѣ для возможности устройства митинговъ.

Всѣ митинги на Петербургской сторонѣ были устроены въ Каменноостровскомъ театрѣ. Первый митингъ прошелъ достаточно плохо: рѣчи кадетскихъ ораторовъ, излагавшихъ программу кадетской партіи намѣренно прерывались; публика, настроенная значительно лѣвѣе кадетъ, кашляла, чихала, сморкалась. Конечно, ни одинъ ораторъ правѣе кадетъ и не думалъ выступать, а послѣ кадетскихъ ораторовъ выступали одинъ или два оратора болѣе лѣвыхъ, которые раздѣлывали кадетъ „подъ орѣхъ" за ихъ недостаточную революціонность. Я тоже пробовалъ выступить съ небольшою рѣчью, которую мнѣ не дали докончить. Тогда я сказалъ себѣ:

— Ну, погодите! въ слѣдующій разъ митингъ будетъ чисто кадетскій.

Нужно замѣтить, что для организацій выборовъ имѣлась небольшая контора, въ которой за-

нимались нѣсколько дамъ доброволицъ. Для этой конторы былъ купленъ экземпляръ справочной книги „Весь Петербургъ“, и мною было сдѣлано распоряженіе слѣдующій митингъ созвать по повѣсткамъ, которыя должны были разсылаться по Петербургской сторонѣ исключительно домовладѣльцамъ, чиновникамъ не ниже коллежскаго асессора, лавочникамъ, купцамъ, артистамъ, учителямъ, врачамъ и т. д. При томъ, во избѣжаніе проникновенія на митингъ максималистскихъ элементовъ, повѣстки печатались на цвѣтной бумагѣ и разсылались съ такимъ расчетомъ, чтобы онѣ могли быть получены адресатами только въ утро самаго дня митинга.

Состоявшійся вслѣдъ затѣмъ второй митингъ дѣйствительно превзошелъ всякія ожиданія. Кадетскіе ораторы — Милюковъ, Родичевъ и другіе, могли говорить свободно и послѣ рѣчей удостоивались аплодисментовъ. На митингъ, конечно, пришли и эсеры, и эсдеки, и возражали кадетскимъ ораторамъ, но общее настроеніе публики было уже не столь максималистское, какъ на первомъ митингѣ.

Такой же способъ печатанія повѣстокъ — каждый разъ на бумагѣ особаго цвѣта, примѣнялся мною до самаго конца выборной кампаніи, при чемъ, конечно, этотъ секретъ организаціи созыва митинга никому не былъ открытъ.

Я не слышалъ, чтобы въ другихъ частяхъ города приходилось устраивать такіе подтасованные митинги, но на Петербургской сторонѣ это было совершенно неизбѣжно.

Описанныя обстоятельства созыва митинговъ, конечно, указываютъ на то, что, какъ большинство русской интеллигенціи, такъ и большинство населенія Петербурга, особенно его пригородовъ, было настроено значительно лѣвѣе здраваго смысла. Если бы быть поумнѣе, то уже тогда можно было бы предсказать, къ чему приведетъ столь лѣвый уклонъ русской мысли или русскаго недомыслія.

Конечно, русскій максимализмъ былъ не только лѣвый, но и правый. Лѣвымъ максималистамъ

хотѣлось изъ абсолютной монархіи прямо шагнуть въ республику, и при томъ не простую, а соціалистическую или коммунистическую, а правымъ очень хотѣлось вернуться къ самодержавію безъ народнаго представительства.

Для характеристики тогдашняго настроенія петербургскихъ рабочихъ можетъ послужить еще слѣдующій фактъ. Въ петербургскій комитетъ кадетской партіи поступила просьба начальства Сестрорѣцкаго казеннаго оружейнаго завода прислать нѣсколькихъ членовъ комитета для того, чтобы поговорить съ рабочими на митингѣ. На этотъ митингъ были командированы П. Б. Струве, я и нѣсколько студентовъ Политехническаго Института и Института инженеровъ Путей Сообщенія, примыкавшихъ къ кадетской партіи.

Мы отправились въ Сестрорѣцкъ и въ одномъ изъ заводскихъ зданій нашли большое собраніе рабочихъ, насъ ожидавшихъ.

П. Б. Струве и я говорили о разныхъ частяхъ кадетской программы, и насъ спокойно выслушивали, но когда на заданный намъ кѣмъ то изъ рабочихъ вопросъ, сперва П. Б. Струве, а затѣмъ я, начали объяснять, почему кадетская партія включила въ свою программу конституціонно-монархическое устройство Россіи, а не республиканское, то насъ уже стали прерывать свистками и выкриками, а когда мы кончили наши объясненія, то поднялся вой и были слышны угрожающіе выкрики.

Съ помощью студентовъ намъ пришлось изъ помѣщенія митинга спасаться въ бывшую рядомъ небольшую комнату. Вскорѣ послѣ того мы уѣхали въ Петербургъ.

Столѣтній юбилей Института инженеровъ Путей Сообщенія и запросъ г. Замысловскаго

Институтъ инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I былъ основанъ въ царствованіе Императора Александра I по приказу, данному въ 1809 году.

То время было временемъ дружбы между Императоромъ Александромъ I и Наполеономъ I и для организаціи Института Наполеономъ были присланы изъ Парижа французскіе инженеры и профессора.

Первымъ директоромъ Института былъ назначенъ извѣстный французскій инженеръ Августинъ Бетанкуръ (бывшій также основателемъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ С.-Петербургѣ). Занятія въ Институтѣ начались 1 ноября 1810 года, по программамъ парижской Школы мостовъ и дорогъ. Профессорами были назначены прибывшіе изъ Парижа инженеры и профессора — Ламэ, Базенъ, Клапейронъ и др., и преподаваніе до 40-хъ годовъ велось на французскомъ языкѣ.

Въ 1910 году исполнилось 100-лѣтіе со дня начала занятій въ Институтѣ, и на 1 ноября было назначено торжественное собраніе въ память этого событія, въ большомъ залѣ Дворянскаго Собранія. Къ этому дню пріѣхали изъ Парижа делегаты парижской Школы мостовъ и дорогъ — директоръ

Kleine и профессора Rabut и D'Ocagne. Къ этому же дню ожидались 102 делегацiи, которыя должны были привѣтствовать Институтъ отъ разныхъ учрежденiй и учебныхъ заведенiй. Въ Институтѣ уже съ сентября шли приготовленiя къ празднованiю 100-лѣтняго юбилея. Между прочимъ, въ торжественномъ актѣ должны были принимать участiе студенческiе оркестръ и хоръ. Въ то время среди студентовъ еще чувствовались отголоски 1905 года, и, по дошедшимъ до меня слухамъ, лѣвая часть студенчества была недовольна тѣмъ, что студенческiй хоръ будетъ исполнять на торжественномъ актѣ русскiй гимнъ. Когда я объ этомъ услышалъ, то сразу заявилъ, что отказываюсь отъ какого либо участiя студенческихъ организацiй, оркестра и хора на предстоящемъ празднествѣ, что гимнъ и туши послѣ рѣчей будутъ исполняться нанятымъ для этой цѣли военнымъ оркестромъ, который будетъ играть то, что я ему прикажу, и тогда, когда я ему это прикажу. Объ этомъ мною тогда же было доложено министру Путей Сообщенiя Рухлову. Однако, этимъ оказались недовольны такъ называемые студенты академисты, представлявшiе въ то время правую часть студенчества и непремѣнно желавшiе, чтобы студенческiй оркестръ Института игралъ гимнъ, при пѣнiи студенческаго хора.

За два дня до празднества, 28 октября, ко мнѣ вечеромъ пришли трое студентовъ академистовъ и заявили, что они пришли съ порученiемъ отъ члена Государственной Думы Замысловскаго. Фамилiю одного изъ нихъ я помню,— это былъ Чельцовъ, сынъ священника, издателя катихизиса. По ихъ словамъ, г. Замысловскiй требовалъ, чтобы я непремѣнно въ тотъ же вечеръ сообщилъ ему черезъ нихъ или по телефону, какiя мѣры мною приняты для предотвращенiя возможнаго скандала на торжественномъ засѣданiи въ Дворянскомъ Собранiи. Они сообщили мнѣ, что въ случаѣ неполученiя отъ меня этихъ свѣдѣнiй г. Замысловскiй на слѣдующiй день сдѣ-

лаетъ запросъ по этому дѣлу въ Государственной Думѣ.

Если бы г. Замысловскій затребовалъ отъ меня эти свѣдѣнія, заѣхавъ ко мнѣ, или по телефону, то, конечно, я далъ бы ему всѣ необходимыя разъясненія, особенно если бы требованіе было предъявлено мнѣ не въ ультимативной формѣ. Мнѣ показалась слишкомъ не педагогичною передача мнѣ этого требованія и ультиматума черезъ студентовъ. Поэтому я отвѣтилъ имъ, что я не обязанъ давать имъ, или черезъ нихъ г. Замысловскому, какія либо разъясненія, и что онъ можетъ обратиться къ министру Путей Сообщенія, которому мои распоряженія извѣстны, или, если онъ пожелаетъ, сдѣлать запросъ въ Государственной Думѣ.

И дѣйствительно, на другой день г. Замысловскій сдѣлалъ свой запросъ, въ которомъ мои разговоры со студентами были искажены и переиначены. Текстъ запроса былъ слѣдующій.

„1 ноября 1910 г. предполагается большое юбилейное торжество въ память столѣтія со времени основанія Института Путей Сообщенія. Характеръ торжества вполнѣ оффиціальный, приглашенъ рядъ должностныхъ лицъ съ министрами во главѣ и даже представители нѣкоторыхъ иностранныхъ учрежденій. Уже выработанная программа торжествъ включаетъ, разумѣется, исполненіе русскаго гимна. Предполагалось, что его исполнитъ тотъ оркестръ, который вообще будетъ играть на торжествѣ, и, между прочимъ, сыграетъ особую кантату, спеціально сочиненную для этого случая. Въ значительной своей части оркестръ состоитъ изъ студентовъ - путейцевъ. Распорядительная часть была поручена тремъ лицамъ, выбраннымъ студентами Института изъ своей среды и утвержденнымъ затѣмъ въ этомъ званіи директоромъ Института. 27 октября 1910 г. распорядителей вызвалъ къ себѣ директоръ Института д. с. с. Брандтъ и заявилъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, студенты, не ограничиваясь оркестровымъ исполненіемъ гимна,

собираются его пѣть. Распорядители отвѣчали, сказавъ, что вполнѣ сочувствуютъ такой мысли. На это директоръ возразилъ, что, какъ дошло до его свѣдѣнія, лѣвые студенты Института намѣрены встрѣтить такое пѣніе свистомъ, а потому онъ настаиваетъ, чтобы распорядители пошли „переговорить со своими лѣвыми товарищами во избѣжаніе на актѣ конфликта“. „Я считаю, — добавилъ д. с. с. Брандтъ, — что пѣніе гимна въ данномъ случаѣ неумѣстно; достаточно исполненія его оркестромъ. Хоровое пѣніе не можетъ быть гармоничнымъ, не можетъ доставить эстетическаго удовольствія.“ На замѣчаніе распорядителей, что они считаютъ нѣсколько страннымъ убѣждать лѣвыхъ студентовъ, чтобы тѣ не свистѣли гимну, директоръ настаивалъ на своемъ первоначальномъ рѣшеніи, подтвердивъ распорядителямъ, что они „должны сговориться, дабы не было выступленій ни съ той, ни съ другой стороны.“ Подчиняясь своему начальнику, студенты-распорядители пошли къ одному изъ представителей лѣвыхъ студентовъ Чихачеву. Въ разговорѣ, происшедшемъ въ чертежной пятаго курса, Чихачевъ, въ присутствіи постороннихъ студентовъ, заявилъ отъ имени лѣвыхъ студентовъ вполнѣ опредѣленно, что они „считаютъ демонстраціей: 1) пѣніе гимна, 2) крики „ура“ послѣ гимна и 3) участіе студентовъ въ оркестрѣ, когда послѣдній будетъ исполнять гимнъ“. Если хотя бы одно изъ этихъ трехъ событій произойдетъ, то, какъ утверждалъ Чихачевъ, лѣвые студенты устроятъ „контръ-демонстрацію, а именно, поднимутъ свистъ, выкинутъ красные революціонные флаги, а съ хоръ будутъ разбрасывать особыя прокламаціи, будто бы уже отпечатанныя. Если хотите пѣть гимнъ, можете это дѣлать въ клозетѣ“, закончилъ Чихачевъ. Находя, что дальнѣйшее исполненіе директорскаго приказанія о переговорахъ съ представителями лѣваго студенчества совершенно неосуществимо, распорядители пошли обратно къ д. с. с. Брандту. По дорогѣ ихъ встрѣтили студенты,

входящіе въ составъ оркестра, и заявили, что исключеніе ихъ изъ оркестра на время исполненія гимна, они сочтутъ за тяжкое для себя оскорбленіе, въ случаѣ котораго немедленно же совершенно выступятъ изъ оркестра и не будутъ исполнять уже разученной кантаты. Одновременно къ распорядителямъ подходили и другіе студенты, которые заявили, что будутъ пѣть гимнъ, несмотря ни на какія запрещенія, а всякія уступки крайне незначительной по численности группѣ лѣвыхъ студентовъ, грозящихъ скандаломъ, считаютъ возмутительными, хотя бы эта группа и пользовалась сочувствіемъ или поддержкою начальства. Явившись снова къ директору, распорядители, на сей разъ въ присутствіи инспектора П. К. Янковскаго, подробно сообщили о происшедшемъ, не повторяя, впрочемъ, ругательнаго сравненія, допущеннаго Чихачевымъ. Д. с. с. Брандтъ, въ полномъ согласіи съ инспекторомъ, сталъ, однако, всецѣло на сторону требованій лѣвыхъ студентовъ. Онъ заявилъ, что для исполненія гимна пригласитъ наемный оркестръ, а что касается пѣнія, то попрежнему считаетъ его совершенно нежелательнымъ, а потому настаиваетъ, чтобы за общими подписями, какъ распорядителей, такъ и представителей лѣвыхъ студентовъ, было бы вывѣшено особое „коллективное“ объявленіе, чтобы съ одной стороны не было пѣнія гимна, а съ другой — шиканья. Поставленные въ положеніе безвыходное требованіями состоящаго на государственной службѣ начальника, идущими, однако, явно въ разрѣзъ съ обязанностями вѣрноподданнаго, студенты-распорядители ушли отъ д. с. с. Брандта, не давъ опредѣленнаго отвѣта на его домоганія. Немедленно вслѣдъ за ними былъ позванъ къ Брандту студентъ Чихачевъ.“

Голосъ слѣва: „Это производитъ впечатлѣніе провокаціи.“

Гегечкори (съ мѣста): „Настоящій Азефъ.“

Замысловскій: „Прошу (обращаясь къ предсѣдательствующему) оградить меня отъ оскорбленій“.

Гегечкори (съ мѣста): „Это — оскорбленіе? Я не зналъ.“

Предсѣдательствующій: „Я покорнѣйше прошу не говорить съ мѣста.“

Гегечкори (съ мѣста): „Я не зналъ, что это сравненіе можетъ его оскорбить.“ (Смѣхъ слѣва).

Предсѣдательствующій: „Покорнѣйше прошу васъ, членъ Государственной Думы Гегечкори, замолчать и дать возможность огласить запросъ, а васъ (обращаясь къ чл. Гос. Думы Замысловскому) прошу продолжать.“

Замысловскій (читаетъ): „Выйдя отъ директора, онъ заявилъ, что въ разговорахъ съ распорядителями д. с. с. Брандтъ, видимо, позабылъ еще объ одномъ требованіи лѣваго студенчества — чтобы послѣ исполненія наемнымъ оркестромъ гимна не было со стороны студентовъ криковъ „ура“. Онъ, Чихачевъ, напомнилъ директору и объ этомъ пунктѣ, и директоръ сказалъ, что этотъ пунктъ тоже долженъ быть включенъ въ „коллективное“ объявленіе. Этотъ свой разговоръ со студентами-распорядителями Чихачевъ закончилъ вызывающей фразой: „вы у меня будете въ стрункѣ ходить.“

„На основаніи изложеннаго и за силою ст. 33 Учр. Гос. Думы, мы, нижеподписавшіеся, предъявляемъ Министру Путей Сообщенія запросъ: 1) извѣстно ли ему, что 27 октября 1910 г. директоръ Института Путей Сообщенія А. А. Брандтъ, въ явное нарушеніе вѣрноподданической присяги, обратился къ тремъ состоящимъ подъ его начальствомъ студентамъ названнаго Института съ требованіемъ, чтобы они, какъ выбранные студенчествомъ распорядители оффиціальныхъ торжествъ по случаю столѣтія Института, оказали воздѣйствіе на своихъ товарищей, дабы тѣ не пѣли національнаго русскаго гимна, когда оркестръ будетъ его играть, при чемъ одновременно директоръ Брандтъ объявилъ студентамъ-распорядителямъ о своемъ рѣшеніи замѣнить, на время исполненія гимна, оркестръ, состоящій въ значительной мѣрѣ изъ студентовъ,

оркестромъ наемнымъ, несмотря на извѣстное ему, Брандту, желаніе, входящихъ въ составъ оркестра студентовъ, исполнять гимнъ? 2) если описанное Министру извѣстно, то почему онъ не принялъ немедленныхъ, требуемыхъ важностью и неотложностью дѣла, мѣръ къ устраненію А. А. Брандта отъ должности и преданію его суду? Запросъ просимъ признать спѣшнымъ."

Изъ запроса совершенно ясно, что лица, возглавлявшіяся Замысловскимъ, были недовольны тѣмъ, что я стремился достигнуть согласія двухъ враждующихъ группъ студентовъ. Имъ, напротивъ, нужно было, чтобы передъ самымъ днемъ празднованія 100-лѣтія Института я поддержалъ одну группу студентовъ и покаралъ другую, обострилъ отношенія и тѣмъ вызвалъ скандалъ на торжественномъ засѣданіи. Того же, повидимому добивались и лѣвыя группы. Мнѣ же было, конечно, особенно важно достигнуть согласія и избѣжать всякихъ осложненій.

Я не буду приводить здѣсь рѣчей членовъ Государственной Думы Замысловскаго и Пуришкевича, говорившихъ въ пользу признанія спѣшности запроса, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести рѣчи членовъ Государственной Думы Шубинскаго и Дворянинова (Тверской губ.), говорившихъ противъ признанія спѣшности запроса.

Шубинскій: „Господа, я рѣшительно ни одного мотива, ни одного обстоятельства не вижу, если только не перетолковывать вкривь и вкось событій, для признанія настоящаго запроса спѣшнымъ. Поэтому я рѣшилъ выступить, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ, мотивируя эти слова тѣмъ самымъ запросомъ, тѣми самыми строками запроса, которыя изложены въ немъ. Своевременно въ комиссіи мы сдѣлаемъ оцѣнку по существу этому запросу и квалифицируемъ, что̀ въ дѣйствительности онъ представляетъ собой: есть-ли это порывъ высокаго патріотизма или это просто домашнія дрязги... Эту оцѣнку мы сдѣлаемъ потомъ, когда будемъ

говорить о существѣ этого предмета. Я думаю, патріотическія ноты не мѣсто здѣсь затрогивать. Надо просто взглянуть на настоящее дѣло. Бываютъ, дѣйствительно, важные запросы, которые кричатъ къ Гос. Думѣ и къ обществу и требуютъ немедленной постановки и разрѣшенія; бываютъ запросы, отъ которыхъ дымится человѣческая кровь. Тамъ мы спѣшить должны. Какой мотивъ поспѣшности въ настоящемъ случаѣ? Поддержать группу, которая что-то собирается дѣлать. Событій еще не было, они ожидаются въ будущемъ; надо что-то предупредить, кого-то похвалить, кого-то поддержать. Я думаю, что въ этомъ запросѣ вовсе нѣтъ зерна по существу, потому что не дѣло Гос. Думы заниматься поощреніемъ, помощью и поддержкой какихъ-то группъ, которыя внутри Института борются между собой. Когда это дѣло приметъ, дѣйствительно, какія-нибудь рѣзкія формы, тогда мы обсудимъ его значеніе, а пока ему не слѣдуетъ, съ моей точки зрѣнія, придавать не только значенія важности, но не слѣдуетъ придавать рѣшительно никакого значенія. Прошу васъ взглянуть на первую и послѣднюю строки этого запроса. Что говоритъ первая строчка? „1-го ноября собираются праздновать юбилейное торжество въ Институтѣ". 1 ноября — прошу васъ это замѣтить. Вчера произошло событіе, которое угрожаетъ этому торжеству съ точки зрѣнія данной группы. Что мы можемъ сдѣлать? Завтра — 30, въ воскресенье — 31, 1 ноября — въ понедѣльникъ. Что мы въ состояніи сдѣлать, что̀ комиссія въ порядкѣ спѣшности можетъ сдѣлать, чтобы предотвратить, предвосхитить? Мы рѣшительно ничего не въ состояніи сдѣлать; мы не можемъ въ этотъ промежутокъ высказаться. Установленіе спѣшности — повѣсить какой-то бубенчикъ на этотъ запросъ! Возьмите заключительныя строки запроса: на что негодуютъ, чего хотятъ, въ чемъ обвиняютъ? Въ томъ, что Министръ Путей Сообщенія, изволите видѣть, не принялъ немедленныхъ мѣръ къ устраненію отъ должности и

къ преданію г. Брандта суду. Пощадите г. г., что это такое? Произошли какія-то семейныя дрязги, а здѣсь уже преданіе суду. (Смѣхъ въ центрѣ и слѣва; шумъ справа; звонокъ предсѣдательствующаго). По моему это — недостойно Государственной Думы.“ (Рукоплесканія въ центрѣ и слѣва).

Дворяниновъ: „Я высказываюсь противъ спѣшности этого нелѣпаго запроса. Я совѣтую заняться вопросомъ о спѣшномъ проведеніи законопроекта о мѣстномъ самоуправленіи, а не такимъ пустымъ запросомъ.“

Государственная Дума не признала запроса г. Замысловскаго спѣшнымъ.

Делегація парижской Школы мостовъ и дорогъ прибыла въ Петербургъ въ субботу 30 октября и была на вокзалѣ встрѣчена мною и депутаціей отъ Совѣта Института и студентовъ. Въ тотъ же день вечеромъ я давалъ обѣдъ, на которомъ присутствовали члены французской делегаціи и многіе профессора Института. Передъ обѣдомъ я долженъ былъ давать объясненія по запросу г. Замысловскаго директору Канцеляріи министра Путей Сообщенія, Н. И. Туганъ-Барановскому, пріѣхавшему ко мнѣ по требованію предсѣдателя Совѣта министровъ Столыпина и министра Путей Сообщ. Рухлова. Къ счастью, эти объясненія могли быть краткими, такъ какъ я докладывалъ своевременно и подробно министру Путей Сообщ. о разногласіяхъ между студентами. Я могъ ограничиться заявленіемъ, что въ виду появленія этихъ разногласій непосредственно передъ самымъ днемъ празднованія 100-лѣтія Института, моя роль должна была ограничиться сглаживаніемъ этихъ разногласій. Я требовалъ отъ студентовъ одного — согласія, и не долженъ былъ поддерживать ни одной изъ двухъ враждебныхъ группъ. Желая быть совершенно независимымъ отъ студентовъ, я пригласилъ военный оркестръ и рѣшительно отказался отъ какого либо

распорядительства студентовъ и отъ какого либо участія студенческихъ оркестра и хора на празднествѣ; тѣмъ болѣе, что этотъ оркестръ и хоръ были студенческіе больше по названію, такъ какъ большое участіе въ нихъ принимали посторонніе любители и профессіоналы.

Въ то время Союзъ русскаго народа, возглавляемый докторомъ Дубровинымъ, Пуришкевичемъ и Замысловскимъ, былъ въ большой силѣ, между прочимъ и въ Министерствѣ Путей Сообщенія. Министръ С. В. Рухловъ покровительствовалъ Союзу, и мѣстныя отдѣленія Союза имѣли нѣкоторое вліяніе на желѣзнодорожную службу и часто присылали свои делегаціи. Мнѣ помнится, что одной изъ такихъ делегацій директоръ Канцеляріи министра сказалъ, что онъ давно носитъ въ душѣ значекъ Союза русскаго народа. Носить его на вицъ-мундирѣ онъ, повидимому, еще стѣснялся. Союзъ русскаго народа производилъ на правительственныхъ лицъ впечатлѣніе мощной организаціи, широко раскинутой по всей Россіи. В. В. Шульгинъ въ своей книгѣ „Дни“ (на стран. 244 и слѣд.) подробно описываетъ, какъ онъ въ началѣ 1909 года втиралъ очки Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, когда съ особой депутаціей подносилъ Государю вѣрноподданническій адресъ отъ Союза русскаго народа Волынской губерніи. Въ этомъ адресѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ переплетенныхъ томовъ, былъ одинъ милліонъ подписей, собранныхъ архимандритомъ Виталіемъ въ одной Волынской губ., въ которой въ то время числилось всего 3½ милліона населенія. При поднесеніи адреса присутствовалъ и митрополитъ Антоній. Въ адресѣ было выражено желаніе, чтобы Царь сталъ снова самодержавнымъ, какъ было раньше.

Понятно, что и предсѣдатель Совѣта министровъ и министръ Пут. Сооб., считаясь съ мощностью Союза русскаго народа, придавали большое значеніе запросу Замысловскаго. Только черезъ

шесть лѣтъ, въ началѣ 1917 года выяснилось, что Союзъ русскаго народа былъ большой бутафоріей, и что ни одинъ изъ милліоновъ его членовъ въ минуту опасности не всталъ на защиту Государя.

Въ воскресенье утромъ, 31 октября, были отслужены панихиды въ Петропавловской крѣпости на могилѣ Императора Александра I и на Смоленскомъ кладбищѣ на могилѣ перваго директора Института генерала Бетанкура. На могилы были возложены вѣнки.

Торжественное засѣданіе въ большомъ залѣ Дворянскаго Собранія началось въ понедѣльникъ 1 ноября въ половинѣ второго и тянулось до 6 часовъ вечера. Происходило оно подъ предсѣдательствомъ министра Пут. Сооб. Рухлова, и послѣ моего привѣтствія и рѣчи министра военнымъ оркестромъ былъ исполненъ гимнъ. Затѣмъ мною было доложено объ избраніи нѣсколькихъ лицъ почетными членами Института, въ томъ числѣ нѣсколькихъ французскихъ ученыхъ и инженеровъ. Послѣ того инспекторъ Института прочелъ историческій очеркъ Института, затѣмъ слѣдовала рѣчь директора парижской Школы мостовъ и дорогъ и чтеніе 102-хъ адресовъ различныхъ русскихъ и иностранныхъ учрежденій. Во время рѣчи, сидѣвшій рядомъ со мной министръ Пут. Сооб. сказалъ мнѣ, что къ нему обратились съ просьбою о томъ, чтобы послѣ этой рѣчи былъ исполненъ французскій гимнъ, марсельеза. Я сразу почувствовалъ какую то провокацію, исходившую не со стороны министра, но со стороны кого то другого, и сказалъ министру, что послѣ рѣчи будетъ исполненъ русскій гимнъ, но что марсельеза будетъ исполняться военнымъ оркестромъ, на ряду съ русскимъ гимномъ, въ 10 ч. вечера того же дня во время раута, который по программѣ торжествъ будетъ устроенъ въ актовомъ залѣ Института въ честь французской делегаціи. Раутъ состоялся, и на немъ нѣкоторымъ лицамъ

раздавалась бронзовая медаль, исполненная по барельефу скульпторшей г-жей Диллонъ. Послѣ 1910 года печатное изображенiе этой медали помѣщалось въ заголовкѣ дипломовъ на званiе инженера Путей Сообщенiя, выдаваемыхъ Институтомъ.

Празднества 100-лѣтiя Института были продолжены во вторникъ, 2 ноября, большимъ баломъ въ большомъ залѣ Дворянскаго Собранiя. Затѣмъ въ среду, 3 ноября, въ актовомъ залѣ Института, былъ банкетъ, устроенный Собранiемъ инженеровъ Пут. Сооб. Въ немъ приняло участiе около 300 человѣкъ. Банкетъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ министра Пут. Сооб., и на немъ военнымъ оркестромъ снова исполнялся нѣсколько разъ русскiй гимнъ, сопровождаемый пѣнiемъ присутствующихъ.

Во время всѣхъ торжествъ я постоянно встрѣчался съ министромъ Путей Сооб. и часто сидѣлъ рядомъ съ нимъ. За все это время, а также и послѣ празднествъ, при частыхъ докладахъ министру о дѣлахъ Института, онъ ни разу ни однимъ словомъ не упомянулъ мнѣ о запросѣ г. Замысловскаго. Конечно, и я о немъ ни разу съ министромъ не говорилъ.

При встрѣчѣ французской делегацiи, на панихидахъ въ Петропавловской крѣпости и на Смоленскомъ кладбищѣ, на торжественномъ засѣданiи въ залѣ Дворянскаго Собранiя, на раутѣ въ Институтѣ и на балу въ Дворянскомъ Собранiи студенты Института участвовали въ очень большомъ числѣ; послѣ исполненiя русскаго гимна кричали „ура“, и ни свистковъ, ни шиканья не было. Только на раутѣ дѣйствительные любители музыки были избавлены отъ выслушиванiя той кантаты, о которой въ своемъ запросѣ упомянулъ г. Замысловскiй. Обидѣвшiеся участники студенческаго оркестра и хора отказались отъ ея исполненiя.

Запросъ все же имѣлъ нѣкоторыя непріятныя послѣдствія, а именно Государю Императору Николаю II еще до 1 ноября было доложено о запросѣ, и Институтъ не получилъ въ день 100-лѣтія никакого рескрипта. Кромѣ того, по требованію министра Путей Сообщенія, Совѣтъ Института вынужденъ былъ назначить разслѣдованіе разговора между студентами въ чертежной и дисциплинарный судъ надъ студентомъ Чихачевымъ. Я не находилъ для себя возможности принимать какое либо участіе въ этомъ разслѣдованіи или судѣ и потому никакихъ подробностей не помню, но знаю, что студентъ Чихачевъ, кончавшій курсъ Института въ 1911 году, по рѣшенію суда, не долженъ былъ приниматься на правительственную службу по путямъ сообщенія. Для меня лично весь этотъ инцидентъ тоже имѣлъ послѣдствія: мнѣ стало представляться, что при всѣхъ моихъ разговорахъ со студентами кто то подслушиваетъ; кромѣ того у меня было ясное убѣжденіе, что въ случаѣ возникновенія какого либо новаго инцидента, всегда возможнаго въ большомъ учебномъ заведеніи, Министерство Пут. Сооб. меня уже не поддержитъ. Поэтому весною 1911 года, когда должны были быть выборы директора Института на новый срокъ, я рѣшительно отказался отъ выставленія своей кандидатуры.

Юбилей имѣлъ еще одно послѣдствіе нѣсколько забавнаго характера. Послѣ отъѣзда французскихъ делегатовъ, мною былъ возбужденъ вопросъ о награжденіи ихъ русскими орденами. Черезъ нѣкоторое время министръ Путей Сообщенія сообщилъ мнѣ на словахъ, что Государь по его докладу согласился пожаловать директору парижской Школы мостовъ и дорогъ орденъ св. Станислава 1-ой степени, а двумъ профессорамъ Rabut и D'Ocagne, орденовъ св. Анны и Станислава 2-ой степени. Въ Россіи звѣзда св. Станислава 1-ой степени всегда жаловалась съ лентой, поэтому я и написалъ директору Школы мостовъ и дорогъ, что ему будетъ

пожалована звѣзда св. Станислава съ лентой. Черезъ нѣкоторое время я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что по справкѣ, наведенной имъ во французскомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, ему дѣйствительно предположено пожаловать звѣзду св. Станислава 1-ой степени, но безъ ленты, и что онъ, съ цѣлью исправленія такого не удовлетворяющаго его пожалованія, представилъ мое письмо, въ которомъ ясно сказано со словъ министра Путей Сообщенія, что Государь согласился на пожалованіе ему звѣзды съ лентой. Потомъ я узналъ, что послѣ продолжавшейся нѣкоторое время переписки русскаго и французскаго Министерствъ Иностр. Дѣлъ, директоръ парижской Школы мостовъ и дорогъ въ концѣ концовъ получилъ Станиславскую звѣзду съ лентой. Затѣмъ я получилъ изъ канцеляріи министра Путей Сообщенія запросъ. Въ этомъ запросѣ значилось, что мое письмо дало поводъ къ непріятной перепискѣ между французскимъ и русскимъ Министерствами Иностр. Дѣлъ, а потому канцелярія министра Путей Сообщенія, по требованію русскаго Министерства Иностр. Дѣлъ, запрашиваетъ меня, на какомъ основаніи я написалъ указанное выше письмо директору парижской Школы мостовъ и дорогъ. На это я отвѣтилъ, что не считалъ свое письмо разглашеніемъ государственной тайны, что на основаніи словъ министра Пут. Сооб. я былъ совершенно увѣренъ, что приказаніе Государя будетъ исполнено, и что по моему мнѣнію Министерство Ин. Дѣлъ не могло быть заинтересовано въ уменьшеніи наградъ. Я прибавилъ, что письмо мое было написано съ цѣлью поддержанія дружескихъ чувствъ французовъ къ Россіи. Послѣ этого отвѣта меня оставили въ покоѣ и никакихъ дальнѣйшихъ запросовъ я не получалъ.

Празднованіе 100-лѣтія Института подробно описано въ VI томѣ французскаго журнала „Annales des ponts et chaussées“, въ статьѣ г. Kleine подъ заглавіемъ: „Participation de l'Ecole nationale des ponts

et chaussées aux fêtes du centenaire de l'Institut des voies de communication de St-Pétersbourg". Къ статьѣ приложены пять прекрасно исполненныхъ фотографій большого формата; на нихъ представлены: 1) надгробный памятникъ на могилѣ Бетанкура на Смоленскомъ кладбищѣ, 2) группа, состоящая изъ министра Пут. Сооб., французскихъ делегатовъ, профессоровъ и студентовъ Института при выходѣ изъ церкви Петропавловской крѣпости, 3) группа участниковъ раута въ Институтѣ съ министромъ Пут. Сооб. во главѣ, 4) группа тѣхъ же лицъ въ лабораторіи Института, 5) группа участниковъ банкета 3 ноября.

Вскорѣ послѣ празднествъ я прочелъ въ одной изъ газетъ текстъ запроса, но не зналъ ничего о рѣчахъ, произнесенныхъ членами Государственной Думы за и противъ признанія спѣшности запроса. Только теперь бывшій инспекторъ Института, П. К. Янковскій, нынѣ состоящій профессоромъ техническаго факультета Ковенскаго Университета, прислалъ мнѣ найденный имъ въ одной изъ ковенскихъ библіотекъ стенографическій отчетъ засѣданія Государственной Думы 3-го созыва отъ 29 октября 1910 года. При этомъ П. К. Янковскій пишетъ мнѣ слѣдующее:

„Посылаю Вамъ запросъ Замысловскаго во всей его текстуальной прелести. Вы вновь почувствуете дыханіе той атмосферы, которая насъ окружала послѣдніе годы передъ Великой войной.

„Празднованіе 100-лѣтняго юбилея Института инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I не оставило во мнѣ особенно яркихъ воспоминаній. Было получено болѣе сотни великолѣпныхъ адресовъ отъ разныхъ учрежденій и желѣзнодорожныхъ обществъ. Чтеніе ихъ продолжалось нѣсколько часовъ и сопровождалось тушами. Черезъ четыре года, въ началѣ Великой войны, осенью 1914 года, рѣшено было всѣ эти адреса, представлявшіе собою большею частью массивныя серебряныя доски значительной цѣнности, увезти въ Москву. Адреса

были упакованы въ пяти большихъ ящикахъ, но мнѣ удалось задержать отправку этихъ ящиковъ, и адреса остались въ музеѣ Института.

„Припоминаю одинъ характерный эпизодъ, произошедшій во время юбилейнаго засѣданія въ залѣ Дворянскаго Собранія. Я читалъ очеркъ исторіи Института и, описывая порядки, существовавшіе въ немъ въ эпоху царствованія Императора Николая I, когда Институтъ былъ еще военноучебнымъ заведеніемъ, выразился, что времена были строгія и при директорѣ Эгерштромѣ (кажется такъ) въ Институтѣ были введены наказанія розгами. Министръ Пут. Сооб. Рухловъ, предсѣдательствовавшій въ собраніи, не выдержалъ и громко замѣтилъ: „Ну, зачѣмъ это!“

Обѣдъ съ Распутинымъ

Дѣло было въ самомъ началѣ 1916-го года, въ февралѣ или мартѣ. Я только что всталъ, сидѣлъ за утреннимъ кофе въ столовой и читалъ газету. Вдругъ слышу телефонный звонокъ. Подхожу къ телефону и слышу голосъ знакомой дамы: „здравствуйте; не хотите ли сегодня пообѣдать у меня съ Распутинымъ“. Я поблагодарилъ за приглашеніе, но отказался. Помнится, сказалъ: „стану я обѣдать со всякой с...“

Однако черезъ четверть часа я уже снова подошелъ къ телефону и принялъ приглашеніе. Мои домашніе, слышавшіе телефонный разговоръ, стали уговаривать меня не отказываться отъ обѣда съ Распутинымъ. Обдумавъ, я рѣшилъ принять приглашеніе. Все-таки, тогда Распутинъ гремѣлъ на всю Россію и былъ, такъ сказать, историческою личностью. Было интересно отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что это за птица и что даетъ ему возможность вліять на судьбы Россіи.

Во время телефоннаго разговора я поставилъ два условія. Первое заключалось въ томъ, чтобы Распутинъ сидѣлъ за столомъ противъ меня, — мнѣ хотѣлось наблюдать за всѣми его движеніями и жестами. Второе условіе было, чтобы Распутинъ не говорилъ со мной на „ты“. Оба мои условія были приняты и, дѣйствительно, за обѣдомъ Распутинъ сидѣлъ противъ меня и ни разу не обра-

щался ко мнѣ на „ты“, ни на „вы“, а вступалъ со мной въ разговоръ или отвѣчалъ на мои вопросы, избѣгая обращенія. Мнѣ тогда же показалось, что онъ очень искусно избѣгалъ надобность въ произнесеніи словъ обращенія.

Ровно въ шесть часовъ я пріѣхалъ къ моей знакомой. Всѣ гости уже были налицо, но хозяйки не было дома. Она взяла автомобиль и поѣхала за Распутинымъ. У него было въ обычаѣ ѣздить на званые обѣды только въ томъ случаѣ, если за нимъ пріѣзжали; кромѣ того онъ охотно ѣздилъ только на обѣды въ дамскомъ обществѣ. Поэтому въ числѣ гостей, кромѣ меня, не было мужчинъ, а только шесть дамъ: три замужнихъ дочери хазяйки и три ея пріятельницы.

Примѣрно черезъ четверть часа пріѣхала хозяйка съ Распутинымъ. На немъ была свѣтло-коричневая шелковая рубаха со стоячимъ воротомъ, а поверхъ рубахи длиннополый купеческій сюртукъ. Брюки выпущены за голенища сапогъ. Вѣроятно многіе помнятъ Распутина по его портретамъ, появлявшимся въ иллюстрированныхъ журналахъ. На этихъ портретахъ онъ очень похожъ, особенно на фотографіи, изображавшей его въ кругу его поклонницъ.

Длинные, начинающіе рѣдѣть, волосы съ проборомъ по серединѣ, высокій лобъ, продолговатое лицо, длинная заостренная бородка, довольно выразительные глаза. Въ общемъ лицо такъ называемаго русскаго типа; такія лица иногда встрѣчаются у второстепенныхъ святыхъ на иконахъ.

Мнѣ помнится, что передъ обѣдомъ, въ гостиной, послѣ того какъ гости и Распутинъ познакомились, одна изъ дамъ обратилась къ нему съ вопросомъ: „Григорій Ефимовичъ, кто это вамъ сшилъ эту чудную рубашку?“ Онъ, отвѣтилъ: „да я уже и не помню; никакъ, княгиня Ки-ку-ка“. „А, вѣрно княгиня Куракина?“ „Да, да, Куракина. Она меня любитъ и постоянно балуетъ“.

Садясь за обѣдъ, Распутинъ перекрестился. Во

время обѣда пилъ водку и вино, но въ умѣренныхъ количествахъ. Зато онъ безъ всякой умѣренности пилъ квасъ; полагаю, что онъ выпилъ шесть или семь стакановъ. Нисколько не стѣсняясь, онъ два раза икнулъ.

Въ началѣ обѣда, за супомъ, разговоръ былъ мало значительный. Распутинъ разговаривалъ со своею сосѣдкой, молоденькой дамой. Говорили они что то о любви и о томъ, что кто много любитъ, тому много и простится. Я не особенно внимательно прислушивался, но мнѣ помнится, что Распутинъ велъ разговоръ такъ, что трудно было понять, о чемъ онъ говоритъ: о любви во Христѣ или объ обыкновенной земной любви.

Черезъ нѣкоторое время одна изъ дочерей хозяйки внесла оживленіе въ разговоръ. Говорили почему то о домашнихъ животныхъ, кошкахъ и собакахъ. Дочь хозяйки высказала удивленіе понятливости собакъ и увѣренность, что и собаки попадутъ въ Царство Небесное.

Григорій Распутинъ по этому поводу разсказалъ одинъ случай или притчу. Не знаю, хотѣлъ ли онъ этой притчей тонко посмѣяться или разсказалъ ее просто, безъ заднихъ мыслей, не имѣя ничего въ виду, кромѣ самаго разсказа, слѣдующаго содержанія:

„Въ Соловецкомъ монастырѣ, много лѣтъ тому назадъ, жилъ монахъ, большой любитель собакъ. У него была небольшая собачка, которую онъ очень любилъ, ласкалъ и всегда бралъ съ собой на прогулки. Вотъ, однажды, пошелъ онъ съ нею гулять. Зашли они далеко и монаху показалось, что собачка голодна. Тутъ онъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ есть просфора, вынулъ ее, отломилъ нѣсколько кусковъ и сталъ бросать собакѣ. Къ удивленію и ужасу своему онъ увидѣлъ, что кусочки просфоры, раньше чѣмъ собака успѣвала ихъ схватить, сжигались небеснымъ огнемъ.

„Изъ этого я заключаю“, сказалъ Распутинъ, „что собаки не попадаютъ въ Царство Небесное“.

А я прибавилъ: „особенно, если онѣ въ земной жизни много лаяли и мѣшали спать“.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другія темы. Незадолго передъ тѣмъ, осенью 1915 года, турецкое судно обстрѣляло нѣсколько мѣстностей южнаго берега Крыма и, между прочимъ, нѣсколько снарядовъ попало въ ялтинскую гостиницу „Россія“. Объ этомъ стали говорить и, между прочимъ, Распутинъ сказалъ: „вчера я былъ *у нихъ* въ Царскомъ Селѣ. Теперь ихъ трудно застать: онѣ весь день заняты, то въ одномъ, то въ другомъ лазаретѣ. Вчера видѣлся съ ними и онѣ показывали мнѣ фотографію комнаты, въ которую попалъ снарядъ. А рядомъ, въ другой комнатѣ, спалъ ребенокъ и чудомъ былъ избавленъ отъ смерти“.

Одна изъ дамъ спросила Распутина о г-жѣ Вырубовой, незадолго передъ тѣмъ сломавшей ногу.

Распутинъ отвѣтилъ, что ей лучше, что онъ часто съ ней видится, и прибавилъ: „а если бы можно было, то бывалъ бы у нея еще чаще; такой она душевный человѣкъ“.

За жаркимъ Распутинъ сказалъ: „Вотъ, недавно, я доброе дѣло сдѣлалъ и очень доволенъ, что оно сдѣлалось. Вы навѣрно слыхали про одесскихъ дантистовъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ и отсидкѣ въ тюрьмахъ за поддѣлку документовъ. Ну, развѣ это возможно! Ихъ чуть ли не сто человѣкъ и у нихъ сто семей. А теперь война и такъ трудно жить, а тутъ всѣ семьи пошли бы по міру. Да и нехорошо во время войны возбуждать противъ властей такую кучу людей. Ну, я *у нихъ* попросилъ о дантистахъ и, благодаря Богу, ихъ всѣхъ простили“.

Тутъ моя сосѣдка сказала мнѣ на ухо: „за каждаго дантиста по тысячѣ рублей получилъ“. Оставляю это замѣчаніе на ея отвѣтственности.

Одна изъ дамъ спросила Распутина, много ли къ нему приходитъ просителей. Онъ отвѣтилъ: „охъ, ужъ мнѣ эти прошатели. Повѣрите ли! съ утра одолѣваютъ: одна проситъ достать мѣсто пле-

мяннику, другой проситъ помочь деньгами, третій сына устроить. А все больше хлопочутъ о мѣстахъ. Ну, какъ я съ кѣмъ познакомлюсь изъ большихъ лицъ, такъ и даю къ нему записки съ просьбами устроить. И устраиваютъ. Ко мнѣ и министры съ просьбами ходятъ и помощники министровъ — думаютъ, что я имъ помогу въ министры пройти".

И вѣрно: моя знакомая, хозяйка обѣда, называла мнѣ очень видныхъ лицъ изъ чиновничьяго міра, ожидавшихъ пріема въ гостиной Распутина во время ея посѣщеній.

Потомъ Распутинъ сталъ разсказывать, что у него и по вечерамъ нѣтъ покоя. „Придутъ барыни, а ну ихъ! чай пить и разговоры разговаривать. Также съ просьбами пристаютъ и много времени отнимаютъ".

Во время или послѣ обѣда Распутинъ два раза высказался по поводу войны. Если я не запамятовалъ, то дѣло было такъ. Распутинъ сказалъ какую то общую фразу объ ужасахъ войны. Тогда одна изъ дамъ ему говоритъ: „да Вы, Григорій Ефимовичъ, тоже противъ войны"! Онъ отвѣтилъ: „да ты, матушка, если бы немного подумала, то тоже была бы противъ войны". Надо замѣтить, что ко всѣмъ дамамъ Распутинъ обращался на „ты", хотя между ними были и такія, которыя видѣлись съ нимъ въ первый разъ и не причислялись къ его постояннымъ поклонницамъ.

Во второй разъ Распутинъ высказался о войнѣ по слѣдующему поводу. Одна изъ дамъ спросила его о здоровьѣ и о томъ, зажила ли рана, нанесенная ему въ Тобольскѣ, лѣтомъ или весною 1914 года. Онъ отвѣтилъ, что рана окончательно зажила, но что онъ долго болѣлъ. Онъ прибавилъ: „да, если бы эта стерва не пырнула меня ножомъ, то пріѣхалъ бы я въ Петербургъ и оттянулъ бы эту войну еще хоть на годъ". Повидимому, онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своей силѣ, а, можетъ быть, ему и раньше уже удавалось оттягивать войну.

Вѣроятно онъ инстинктивно сознавалъ опасность, таившуюся въ продолжительной войнѣ, необходимость которой не сознавалась простымъ народомъ.

Послѣ обѣда мы перешли въ гостиную. Въ то время были произведены какіе то политическіе аресты. Разговаривая съ Распутинымъ, я старался навести на нихъ разговоръ. Однако, онъ очень искусно увиливалъ и я отъ него отсталъ. Я остался въ гостиной, а Распутинъ ушелъ въ кабинетъ, гдѣ сидѣло нѣсколько дамъ. Минутъ черезъ десять и я пошелъ въ кабинетъ, но Распутина тамъ уже не было. Бывшая тамъ младшая дочь хозяйки разсказала мнѣ, что, когда другія дамы ушли, Распутинъ старался ее облапить и хваталъ за подбородокъ. Она очень негодовала и говорила, что у Распутина грязные пальцы и ногти въ траурѣ.

Вскорѣ пришли другія дамы съ Распутинымъ и, по почину одной изъ нихъ, стали его просить написать имъ что нибудь на память. Распутинъ сейчасъ же согласился и сталъ писать безграмотныя записки примѣрно въ такомъ родѣ: „всегда съ Господомъ Гри Ра“.

Около десяти часовъ вечера Распутинъ со всѣми попрощался и хозяйка дома отвезла его домой въ автомобилѣ. Передъ отъѣздомъ Распутинъ приглашалъ меня пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ хозяйкой дома вечеромъ, на чашку чая.

Я не поѣхалъ. Мнѣ представлялась не вполнѣ чистоплотной компанія, бывавшая у Распутина, и я опасался испортить свой некрологъ.

Подводя итоги описанному знакомству съ Распутинымъ, я долженъ сказать, что онъ представлялся мнѣ умнымъ мужикомъ. Онъ умѣлъ пользоваться окружающею обстановкою и имѣлъ нѣкоторое гипнотическое вліяніе на истерическихъ женщинъ. Благодаря природному уму Распутина, у Государя и Государыни могло получиться впечатлѣніе, что его устами Россія глаголетъ. По словамъ моей знакомой, близко знавшей всѣ дѣла Распутина,

его вліяніе основывалось на томъ, что онъ, случайно или при помощи гипнотизма, дѣйствительно останавливалъ кровотеченіе у покойнаго наслѣдника Алексѣя Николаевича. По ея словамъ, иногда начнется кровотеченіе и ничто не помогаетъ. Позовутъ Распутина и онъ сразу остановитъ кровь. Онъ этимъ и пользовался, и говорилъ: пока я живъ, съ Алексѣемъ ничего худого не случится. Въ этомъ онъ случайно оказался правъ. Государыня почитала въ Распутинѣ спасителя сына и вѣрила въ его святость.

Моя знакомая тогда и послѣ смерти Распутина утверждала, что всѣ разсказы объ отношеніяхъ между Распутинымъ и г-жей Вырубовой — злостная выдумка.

Его вліяніе на судьбы Россіи и царской семьи не было бы столь зловѣщимъ, какъ оно оказалось, если бы все общество того времени было здоровѣе, если бы царская семья не была окружена атмосферой рабскаго угодничества, и если бы разные сановники не ползали передъ Распутинымъ.

Февральская революція и 1917 годъ

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ точныхъ записей о 1917 годѣ, поэтому я вынужденъ ограничиться краткими замѣтками.

Въ Крыму у меня былъ садъ, которымъ завѣдывалъ садовникъ, довольно интеллигентный человѣкъ. Въ 1916 году онъ былъ призванъ въ войска и отправленъ въ одинъ изъ полковъ южнаго фронта. Послѣ нѣсколькихъ боевъ полкъ этотъ былъ переведенъ въ С.-Петербургъ и помѣщенъ въ казармахъ на Васильевскомъ островѣ. Въ одно изъ воскресеній я пригласилъ садовника къ себѣ на обѣдъ на Забалканскій проспектъ. Надо замѣтить, что незадолго до революціи нижнимъ чинамъ разрѣшался безплатный проѣздъ на передней площадкѣ трамваевъ. Но въ 1917-мъ году это разрѣшеніе было отмѣнено и на всѣхъ остановкахъ трамваевъ учреждено особое дежурство унтеръ-офицеровъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить за исполненіемъ новаго постановленія и въ случаѣ надобности даже стаскивать съ площадокъ солдатъ. Садовникъ, уѣзжая вечеромъ отъ меня, вскочилъ на переднюю площадку трамвая. Находившійся на остановкѣ унтеръ-офицеръ потребовалъ, чтобы онъ сошелъ съ площадки; садовникъ

запротестовалъ; слово за слово они поссорились и садовникъ сорвалъ фуражку съ унтеръ-офицера. За обиду, нанесенную старшему при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, садовникъ былъ арестованъ и посаженъ въ военную тюрьму. Ему угрожали арестантскія роты или тѣлесное наказаніе; онъ написалъ мнѣ объ этомъ, и я, считая себя невольной причиной происшедшаго, счелъ необходимымъ за него вступиться.

Въ то время командующимъ войсками Петербургскаго военнаго округа былъ генералъ Хабаловъ. Черезъ своего родственника генерала Э. А. Верцинскаго я обратился къ начальнику штаба генералу Тяжельникову съ просьбой устроить мнѣ аудіенцію у генерала Хабалова, которая и была мнѣ назначена на пятницу 24-го февраля. Когда я въ пятницу нанималъ извозчика на Забалканскомъ проспектѣ, для поѣздки къ генералу Хабалову въ Управленіе, находившееся на Дворцовой площади, извозчикъ боялся ѣхать туда: „это, баринъ, опасно, насъ еще застрѣлятъ", сказалъ онъ. Я предложилъ ему 3 рубля; въ то время это еще были деньги, за которыя по мнѣнію извозчика стоило рискнуть жизнью. Проѣзжая по Гороховой, я видѣлъ, смотря вдоль Екатерининскаго канала и Малой Морской, движущуюся по Невскому толпу народа, слышалъ крики и отдѣльные выстрѣлы. Проѣхавъ Гороховую и миновавъ Александровскій садъ, я выѣхалъ на Дворцовую площадь къ Управленію Петербургскаго военнаго округа. Генералъ Хабаловъ принялъ меня въ назначенный часъ, и по крайней мѣрѣ съ 1/2 часа мы бесѣдовали о случаѣ съ садовникомъ. Ген. Хабаловъ обѣщалъ сдѣлать все возможное.

Мнѣ помнится, что я очень удивился его хладнокровію и военной выдержкѣ. Рядомъ, на Невскомъ, происходятъ революціонныя выступленія, а онъ можетъ хладнокровно обсуждать пустячное дѣло садовника. Я думалъ — вотъ что значитъ военная выправка. Когда я выходилъ изъ подъѣзда Управленія, мнѣ показалось страннымъ, что около подъ-

ѣзда толпился спѣшившійся разъѣздъ казаковъ, и что многіе изъ нихъ съ папиросами въ зубахъ разговаривали съ извозчиками.

Въ воскресенье 26 февраля, вечеромъ, садовникъ уже явился ко мнѣ изъ тюрьмы, откуда его выпустилъ революціонный народъ, а генералъ Хабаловъ былъ осажденъ, если не ошибаюсь, въ Адмиралтействѣ.

Повидимому ген. Хабаловъ въ пятницу еще не отдавалъ себѣ отчета въ серьезности положенія.

Ген. Э. А. Верцинскій въ книгѣ „Годъ революціи", изданной въ Ревелѣ въ 1929 году, между прочимъ пишетъ, что въ четвергъ 23 февраля онъ былъ у начальника штаба Петербургскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта Тяжельникова, и спросилъ его, не обремененъ ли онъ вопросами политическаго характера. На это ген. Тяжельниковъ отвѣтилъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ опытенъ и нисколько не затрудняется. Дальше Э. А. Верцинскій пишетъ, что въ субботу, 25-го февраля, утромъ, генералъ квартирмейстеръ Гл. Упр. Ген. Штаба Занкевичъ не придавалъ особо большого значенія петербургскимъ безпорядкамъ, несмотря на то, что ему только-что сообщили по телефону о нападеніи толпы на Выборгской сторонѣ на полицмейстера Выборгской части, и о серьезномъ его раненіи.

Спрашивается, почему всѣ эти лица ничего не знали объ опасности положенія и о возможности солдатскаго бунта?

Между тѣмъ солдатскій бунтъ былъ вполнѣ возможенъ, и Военное Вѣдомство въ значительной мѣрѣ способствовало успѣху февральской революціи, собравъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ въ запасныхъ батальонахъ огромное число недисциплинированныхъ рядовыхъ, при недостаточномъ числѣ офицеровъ.

Запасные батальоны, среди которыхъ было очень много призванныхъ петербургскихъ рабочихъ, лучше всего обрисовываются слѣдующими данными.

Въ самомъ началѣ марта 1917 года Институтъ

инженеровъ Путей Сообщенія, какъ и другія высшія учебныя заведенія С.-Петербурга, былъ занятъ войсками, пришедшими изъ окрестностей якобы для того, чтобы спасать революцію. Въ Институтѣ размѣстились солдаты одного изъ запасныхъ батальоновъ, если не ошибаюсь 186-го пѣхотнаго полка, пришедшіе изъ Краснаго Села. Общее число солдатъ введенныхъ въ Институтъ доходило до 4.000 и при нихъ было около 30 офицеровъ. Въ Красномъ Селѣ оставалось еще 15.000 рядовыхъ при 100 офицерахъ. Пришедшіе солдаты были плохо обмундированы и плохо вооружены. Далеко не всѣ имѣли винтовки, и почти у всѣхъ винтовки висѣли черезъ плечо не на ремняхъ, а на веревкахъ. Офицеры не имѣли никакого значенія, и всѣмъ управлялъ какой то солдатскій комитетъ. Эти солдаты оставались въ Институтѣ въ теченіе долгаго времени, мѣсяцъ или полтора. Такъ какъ они мѣшали занятіямъ студентовъ, размѣстившись во всемъ зданіи, кромѣ одной чертежной выпускного курса, я скоро сталъ стараться, чтобы ихъ вернули въ Красное Село и освободили Институтъ.

Раньше всего я обратился въ солдатскій комитетъ полка съ просьбой оставить Институтъ и вернуться въ казармы полка въ Красномъ Селѣ. Однако, на мою просьбу мнѣ было заявлено слѣдующее: „казармы въ Красномъ Селѣ едва вмѣщаютъ оставшихся тамъ 15 тысячъ рядовыхъ. Здѣсь мы спимъ подъ чертежными столами, но лежимъ свободно и можемъ и повернуться на бокъ, и полежать на спинѣ. Въ Красномъ же Селѣ такъ тѣсно, что мы можемъ лежать только на боку. Кромѣ того у васъ здѣсь тепло, а въ нашихъ казармахъ холодно и сыро“.

Въ виду такого отвѣта солдатскаго комитета пришлось обратиться къ начальству. По моей просьбѣ министръ Путей Сообщенія Некрасовъ писалъ объ этомъ военному министру Гучкову, но это не имѣло никакого результата. Тогда, по совѣту одного изъ профессоровъ Института, я отправился хлопо-

тать о выводѣ солдатъ въ военно-революціонный комитетъ, помѣщавшійся въ зданіи Государственной Думы. Тамъ меня принялъ молодой человѣкъ, еврей, и на этотъ разъ мое ходатайство увѣнчалось успѣхомъ: вскорѣ солдаты были выведены изъ Института. Это лишній разъ показываетъ, насколько Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ былъ сильнѣе Временнаго Правительства.

Можетъ показаться, что сообщенная мною цифра — 30 офицеровъ при 4.000 солдатъ, преуменьшена, но, будучи уже въ эмиграціи, я справлялся — сколько же было офицеровъ въ запасныхъ батальонахъ гвардейскихъ полковъ, напр., въ Преображенскомъ полку. Такую справку я получилъ отъ бывшаго офицера Преображенскаго полка С. В. К. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ запасномъ батальонѣ Преображенскаго полка къ моменту революціи было 40 офицеровъ на 9.000 солдатъ; изъ 40 офицеровъ въ строю служило 27. С. В. К. объяснялъ малое количество офицеровъ тѣмъ, что преображенцы страдали невѣроятнымъ снобизмомъ: даже во время войны въ Преображенскій полкъ, и въ запасный батальонъ его, офицеры принимались лишь по баллотировкѣ, съ условіемъ оставаться въ полку и послѣ войны. Такъ называемыхъ прикомандированныхъ, т. е. принятыхъ на время войны, въ полку не было. Въ запасномъ батальонѣ служили или свои раненые офицеры, которымъ по состоянію здоровья еще нельзя было вернуться на фронтъ, или молодежь, только-что выпущенная изъ Пажескаго корпуса и очень рѣдко изъ военныхъ училищъ. Дисциплина по словамъ С. В. К. поддерживалась среди солдатъ кадровыми фельдфебелями и унтеръ-офицерами. Дисциплина была суровая, и пропаганды до 1916 г. не замѣчалось, а когда и началась пропаганда, то была не нѣмецкая, а только анти-монархическая.

Совершенно ясно, что такое же соотношеніе между числомъ офицеровъ и числомъ рядовыхъ, было и въ другихъ гвардейскихъ полкахъ, напр.,

въ Волынскомъ полку, который первымъ перешелъ на сторону бунтовавшихъ рабочихъ.

При указанномъ соотношенiи, конечно, не было никакой возможности слѣдить за солдатами, быть освѣдомленнымъ о происходившей среди нихъ пропагандѣ и предупредить ее.

Недостатокъ офицеровъ, не только въ запасныхъ батальонахъ, но и на фронтѣ, повидимому былъ естественнымъ слѣдствiемъ недостатка образованныхъ людей въ Россiи, о чемъ должно было знать Военное Вѣдомство. Зная это, оно не должно было производить совершенно безумной мобилизацiи 14-и миллiоновъ солдатъ.

По переписи 1897 года въ числѣ 125.140.000 населенiя Россiи было:

Потомственныхъ дворянъ	1,0%
Личныхъ дворянъ и чиновниковъ .	0,5%
Духовенства всѣхъ христ. исповѣд.	0,5%
Почетныхъ гражданъ	0,3%
Купцовъ	0,2%

Всего интеллигентныхъ лицъ всѣхъ разрядовъ съ ихъ семьями было 2,5%, или 3.141.000.

Вѣроятно, къ числу интеллигентныхъ лицъ слѣдуетъ прибавить еще около одного миллiона изъ числа крестьянъ, мѣщанъ, казаковъ и инородцевъ. Тогда общее число образованныхъ людей опредѣлится для 1897 года въ 4 миллiона.

Къ 1914 году, при увеличившемся населенiи Россiи, эта цифра вѣроятно возросла до пяти миллiоновъ. Изъ нихъ половина была женщинъ, а въ остающихся $2^1/_2$ миллiонахъ много было мальчиковъ и стариковъ. Въ Европѣ число людей въ возрастѣ между 15 и 40 годами составляетъ отъ 37 до 40% населенiя, а слѣдовательно число людей въ Россiи въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ, годныхъ быть офицерами, было не болѣе 30% т. е. 750 тысячъ. Въ хорошихъ армiяхъ вообще полагается не болѣе 40 рядовыхъ на одного офицера, а слѣдовательно на 14 мил. мобилизованныхъ рядовыхъ необходимо было имѣть 350.000 офицеровъ. Изъ

этого слѣдуетъ, что каждый второй человѣкъ изъ образованныхъ людей, въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ долженъ былъ быть офицеромъ во время Великой войны; но вѣдь такая пропорція только смѣшна, и ничего больше.

Число образованныхъ людей въ до-военной Россіи было такимъ же, какъ и число рабочихъ, именемъ которыхъ теперь управляется Россія, и вѣроятно было бы лучше, если бы она продолжала управляться именемъ прежнихъ пяти милліоновъ образованныхъ людей.

Конечно, запасные батальоны не были исходнымъ началомъ революціи, но Военному Вѣдомству должны были быть извѣстны слѣдующія двѣ азбучныя истины: во-первыхъ, что во всякой странѣ, во всякое время существуютъ революціонные элементы, готовые произвести революцію, во-вторыхъ, что революціи бываютъ успѣшны только тогда, когда ружья полиціи и войскъ перестаютъ стрѣлять.

А вотъ для этого все нужное и было сдѣлано Военнымъ Вѣдомствомъ. Начальство С.-Петербургскаго военнаго округа легкомысленно приняло на себя всѣ функціи вѣрныхъ правительству городовыхъ и жандармовъ и вывело на улицу, противъ бунтовавшаго народа, запасные батальоны, на которые нельзя было полагаться. При этомъ Военное Вѣдомство упустило изъ виду третью азбучную истину, повидимому забытую, что для подавленія бунта нельзя употреблять части войскъ, расквартированныя въ томъ городѣ, въ которомъ происходитъ бунтъ. Вѣдь московское возстаніе 1905 года, на Прѣснѣ, было подавлено только потому, что въ Москву были посланы гвардейскіе полки изъ Петербурга.

Кромѣ того Военному Вѣдомству ни въ какомъ случаѣ нельзя было размѣщать въ столицѣ и ея окрестностяхъ нѣсколько сотъ тысячъ рядовыхъ запасныхъ батальоновъ. Столицу должны были охранять только кадровыя войска, а противъ на-

рода можно было выводить только полицію и жандармовъ, и въ самомъ крайнемъ случаѣ — юнкеровъ военныхъ училищъ.

Въ общемъ можно сказать, что февральская революція и первые шаги Временнаго Правительства были сочувственно встрѣчены петербургскимъ обществомъ, несмотря на безпорядочную стрѣльбу на улицахъ и разбитіе винныхъ складовъ. Отъ перемѣны правительства повидимому ожидали всякихъ благъ, между прочимъ удачнаго и побѣднаго веденія войны.

Теперь многое забыто, и ко многимъ тогдашнимъ политическимъ дѣятелямъ предъявляются разныя обвиненія. Забываютъ, что и они въ то время жили и дѣйствовали въ какомъ то чаду и угарѣ. Конечно, вина ихъ огромна, но мало кто теперь помнитъ, что̀ тогда писали за своими подписями даже такіе публицисты, какъ Меньшиковъ и Розановъ, всегда считавшіеся столпами прежняго режима и сотрудничавшіе въ „Новомъ Времени". Такъ Меньшиковъ въ статьѣ „Кто кому измѣнилъ" („Новое Время" 18 марта 1917 г.) писалъ: „Всѣ стихіи народа русскаго отшатнулись отъ монархіи, почувствовавъ въ ней народную гибель. Монархъ царствовалъ не на славу намъ, а на безславіе, не на страхъ врагамъ, а на нашъ собственный страхъ. Мы должны быть благодарны судьбѣ, что столѣтія измѣнявшая народу монархія, наконецъ, измѣнила себѣ и сама надъ собой поставила крестъ. Откапывать ее изъ подъ креста и заводить великій раздоръ о кандидатахъ на рухнувшій престолъ, было бы по моему роковой ошибкой."

Въ той же газетѣ („Нов. Вр." 8 марта 1917 г.) Розановъ писалъ: „Все царствованіе было печально. И даже не печально, а неудачно. Неудача-бы ничего. Было упорство въ неудачѣ. И вотъ это была настоящая бѣда. Наконецъ, была безжалостность къ странѣ, къ населенію. Россія не живодерня. И гроз-

ный народъ возсталъ. Заклокоталъ и возсталъ. Улицы закружились.“

Также всѣми забыто, что рѣчи Милюкова и Керенскаго дискредитировали правительство не болѣе, чѣмъ рѣчи самыхъ правыхъ депутатовъ (напр. Пуришкевича).

Забыто, что начальники всѣхъ фронтовъ, не исключая великаго князя Николая Николаевича, по прямымъ проводамъ „на колѣняхъ“ умоляли Государя Императора отречься отъ престола, но не подумали съѣхаться и обсудить, что̀ будетъ завтра, послѣ отреченія Государя.

Также совершенно забыто, что многіе офицеры и генералы на фронтѣ очень быстро нацѣпили красные банты, и что общее собраніе всего офицерства, находившагося тогда въ Петербургѣ, состоявшееся въ зданіи Арміи и Флота черезъ нѣсколько дней послѣ отреченія Государя, приняло резолюцію съ требованіемъ предать Государя Императора суду.

Я долженъ сказать, что и я тогда поддался общему настроенію и думалъ, что все обойдется благополучно, несмотря на солдатскій бунтъ.

Однако, вскорѣ начались разныя непріятности, касавшіяся меня лично, какъ директора Института. (Такъ, напр., занятіе Института четырьмя тысячами рядовыхъ 186 полка).

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ революціи, студенческіе старосты собрали сходку студентовъ для обсужденія событій. На этой сходкѣ я сказалъ краткую рѣчь о томъ, что послѣ измѣненія режима требуется усиленная работа, чтобы вывести Россію изъ труднаго положенія, вызваннаго войной.

Начиная съ первыхъ дней революціи, полиція исчезла, и роль полиціи перешла къ милиціонерамъ. Въ Спасскомъ районѣ роль милиціонеровъ играли студенты Института. Однажды эти студенты-милиціонеры привезли во дворъ Института цѣлую

подводу бутылокъ съ виномъ, вывезенныхъ ими изъ разгромленнаго солдатами и народомъ виннаго склада.

Въ Институтѣ тогда еще стояло четыре тысячи солдатъ; поэтому необходимо было избавиться отъ этого вина. Я уговорилъ студентовъ въ ту же ночь разбить бутылки и вылить вино въ водостокъ. Это и было исполнено.

Со средины марта стали появляться требованія разныхъ лицъ о расширеніи ихъ правъ. Прежде всего преподаватели, не имѣвшіе званія профессора и не состоявшіе членами Совѣта, предъявили требованіе о приглашеніи ихъ въ засѣданія Совѣта. Это требованіе было удовлетворено, хотя послѣ этого работа Совѣта стала очень затруднительной вслѣдствіе огромнаго числа его членовъ.

Затѣмъ начались разныя пререканія со студентами. Студенты перваго курса, не выдержавшіе переходныхъ экзаменовъ на второй курсъ, увольнялись прежде изъ Института, и принимались вновь только послѣ вступительнаго экзамена. Они потребовали отмѣны этого правила. Кромѣ того были предъявлены требованія объ отмѣнѣ экзаменаціонныхъ отмѣтокъ и о приглашеніи старостъ въ засѣданія Совѣта и хозяйственнаго комитета.

Вообще всѣ повидимому думали, что новый режимъ установленъ спеціально съ цѣлью расширенія ихъ правъ.

Со всѣми этими требованіями мнѣ пришлось считаться; я старался по возможности оттягивать рѣшенія, и удовлетворялъ требованія съ особой осторожностью.

Сомнѣнія въ возможности продолжать войну сколько нибудь успѣшно появились у меня очень скоро.

Въ серединѣ марта въ Петербургъ пріѣхала съ фронта моя хорошая знакомая, сестра милосердія А. М. Х. Она разсказала о непоправимомъ паденіи

дисциплины, причиненномъ извѣстнымъ приказомъ № 1, выпущеннымъ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, и почему то допущеннымъ военными властями на фронтъ.

Мнѣ казалось необходимымъ, чтобы А. М. Х. разсказала о всемъ ею видѣнномъ кому либо изъ членовъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. Я слышалъ, что въ военно-революціонномъ Комитетѣ играетъ большую роль Н. Д. Соколовъ, впослѣдствіи сенаторъ. Я встрѣчалъ его раньше въ домѣ извѣстной художницы Е. С. Кавосъ, но зналъ про него очень мало. Его считали недалекимъ человѣкомъ. Онъ былъ соціалъ-демократъ и при томъ довольно богатъ, такъ какъ получалъ солидныя деньги за изданіе катихизисовъ, составленныхъ его отцомъ, протоіереемъ Соколовымъ. Къ нему то я и направилъ А. М. Х., не зная, что онъ является однимъ изъ авторовъ приказа № 1. Конечно, онъ принялъ А. М. Х. довольно холодно и говорилъ ей, что все обстоитъ прекрасно.

Въ концѣ мая ко мнѣ пріѣхалъ г. Патулье, директоръ Франко-Русскаго Института въ С.-Петербургѣ и просилъ организовать въ новой большой аудиторіи Института митингъ, на которомъ выступитъ пріѣхавшій въ С.-Петербургъ Альбертъ Тома.

Митингъ былъ устроенъ. Послѣ моей краткой вступительной рѣчи, выступали г. г. Альбертъ Тома, Масарикъ, Милюковъ, Терещенко, Патулье и др. Всѣ рѣчи произносились на французскомъ языкѣ.

Митингъ повидимому былъ организованъ для того, чтобы убѣдить г. Альберта Тома въ томъ, что русская армія еще не окончательно разложилась. Повѣрилъ ли онъ этому или нѣтъ — я не знаю.

Сомнѣнія въ томъ, что Временному Правительству удастся справиться съ финансовыми затрудненіями, появились у меня уже въ началѣ лѣта

1917 года, когда выяснилось, что въ Выборгѣ за одинъ рубль даютъ только одну финскую марку. Это значило, что рубль потерялъ больше 60% своей цѣнности. Сомнѣнія въ компетентности лицъ, руководившихъ финансами, скоро усилились. Однимъ изъ министровъ Временнаго Правительства былъ нѣкто Скобелевъ, выдвинувшійся только тѣмъ, что онъ былъ соціалъ-демократъ и богатъ.

Къ нему явилась депутація отъ промышленниковъ, о чемъ то ходатайствовавшая. Этой депутаціи онъ между прочимъ сказалъ слѣдующую напечатанную во всѣхъ газетахъ фразу: „Вы не должны думать, что мы завтра откроемъ Ваши сейфы" и т. д. Помню, что я тогда же подумалъ: значитъ, вы разсчитываете вскрыть сейфы не завтра, а послѣзавтра. На слѣдующій же день я поѣхалъ въ Учетный и Ссудный банкъ и опорожнилъ мой сейфъ. Въ немъ было, къ сожалѣнію, очень немного цѣнныхъ бумагъ, но все-таки я благодаренъ г. Скобелеву за одно удовольствіе, полученное мною въ концѣ 1917 года: будучи вызванъ большевиками въ Учетный и Ссудный банкъ, я открылъ мой сейфъ и предъявилъ озадаченнымъ большевицкимъ чиновникамъ только нѣсколько смятыхъ газетныхъ листовъ.

Московское Совѣщаніе я помню очень плохо. Помню, что г. Керенскій говорилъ рѣчь со своего мѣста на сценѣ Большого театра, въ которомъ происходило совѣщаніе. За его кресломъ стояли два адъютанта. Онъ говорилъ очень складно, съ большимъ паѳосомъ говорилъ о полнотѣ власти, которой онъ обладаетъ и пр. Всѣ военные сидѣли въ ложахъ, при чемъ большинство ложъ было занято делегатами разныхъ солдатскихъ комитетовъ. Они очень демонстративно остались сидѣть, когда весь театръ привѣтствовалъ генерала Корнилова. Помню я еще, что театръ былъ оцѣпленъ юнкерами московскаго военнаго училища, охранявшими входы

и выходы театра. Говорили, что на солдатъ московскаго гарнизона уже нельзя было полагаться.

Въ комиссіи, состоявшей изъ профессоровъ, обсуждался текстъ резолюціи, которая должна была быть отвѣтомъ профессоровъ на декларацію Временнаго Правительства или на рѣчь г. Керенскаго. Мнѣ помнится, что я отстаивалъ необходимость оказать всякую поддержку правительству въ лицѣ г. Керенскаго, пока не явится генералъ на бѣломъ конѣ, который заступитъ его мѣсто. Помню еще, что я указывалъ, что г. Керенскій является первымъ послѣ Моисея и Аарона штатскимъ главнокомандующимъ большой арміи во время войны, и что слѣдуетъ требовать его ухода съ этого поста. Краснорѣчіе и нѣсколько защитительныхъ рѣчей на политическихъ процессахъ считаются во всей Европѣ достаточнымъ стажемъ для того, чтобы быть главою большого государства, но едва ли этотъ стажъ достаточенъ для главнокомандующаго.

Осенью я ѣздилъ въ Крымъ. На желѣзныхъ дорогахъ уже тогда замѣчалось полное разстройство движенія. Вѣдь уже давно дѣйствовалъ пресловутый Викжель (Временный исполнительный комитетъ желѣзныхъ дорогъ), и желѣзнодорожные служащіе уже руководили всѣмъ движеніемъ черезъ свои комитеты. Они считали, что новый режимъ установленъ спеціально для того, чтобы передать имъ желѣзныя дороги въ качествѣ вотчины, для улучшенія ихъ положенія.

Въ Крыму былъ еще относительный порядокъ. Изъ Симферополя на южный берегъ еще ходили автомобили, а въ Алуштѣ еще были извозчики.

Однако, пріѣхавъ въ свое имѣніе Семидворье, я узналъ, къ моему удивленію, что зимою 1916/17 года въ Крыму уже не было керосина. Садовникъ объяснилъ мнѣ, что по вечерамъ приходилось жечь лучины.

Сообщеніе по берегу съ Алуштой было затруднено тѣмъ, что прекратили ремонтъ береговой

тропы, которая раньше ремонтировалась для удобства пѣшеходовъ и для проѣзда верховыхъ пограничной стражи. Замѣчалось какое то запустѣніе. Въ имѣніи, находившемся недалеко отъ моего сада, уже не было садовника, и оно находилось въ очень заброшенномъ состояніи.

Тогда я еще не понималъ, что все это было первымъ признакомъ постепеннаго перехода Россіи къ Средневѣковью, къ лучинамъ и къ бездорожью.

Я очень мало помню о дѣятельности Совѣта республики. Помню какія то безконечныя словопренія о томъ, слѣдуетъ ли резолюціей поддерживать Временное Правительство и г. Керенскаго, или не слѣдуетъ. Отчетливо я помню слѣдующіе эпизоды. За нѣсколько дней до большевицкой революціи я разговаривалъ въ амбразурѣ одного изъ оконъ Маріинскаго дворца съ тогдашнимъ министромъ путей сообщенія Ливеровскимъ и спросилъ его, — на какіе изъ петербургскихъ полковъ можетъ еще опираться Временное Правительство. Къ моему удивленію онъ отвѣтилъ мнѣ, что объ этомъ онъ ничего не знаетъ, да едва ли знаютъ и другіе министры. Мнѣ это незнаніе показалось очень симптоматичнымъ. Въ финансовой комиссіи однажды шла рѣчь о продовольственномъ дѣлѣ. Докладывалъ довольно извѣстный статистикъ Громанъ, нынѣ служащій у большевиковъ. Случайно я спросилъ г. Громана о цифрѣ мѣсячнаго расхода на продовольственныхъ чиновниковъ. Когда онъ назвалъ какую то чудовищную цифру (величину ея я не могу вспомнить), я выразилъ удивленіе, что при новомъ режимѣ расходы на чиновниковъ такъ сильно возрасли. На это г. Громанъ отвѣтилъ: да, но вѣдь зато нѣтъ огромнаго расхода на Императорскій Дворъ. Тогда я попросилъ министра финансовъ профессора М. В. Бернацкаго сказать, каковъ былъ бюджетъ министерства Императорскаго Двора. Онъ назвалъ цифру 25 милліоновъ рублей

въ годъ и прибавилъ, что изъ того же кредита содержались императорскіе театры, дворцы, Эрмитажъ, нѣсколько музеевъ и пр., и что расходъ въ 25 милліоновъ рублей нѣсколько меньше расхода на одни сутки войны.

За нѣсколько дней до созыва Совѣта республики, въ помѣщеніи клуба к.-д. партіи было назначено обсужденіе вопроса объ арміи и о войнѣ. Профессора, бывшіе членами Совѣта республики, были приглашены въ это засѣданіе. На немъ выступало много ораторовъ, утверждавшихъ, что фронтъ еще можно возстановить, и что армія еще можетъ воевать. Возражали только г. Пепеляевъ и я. Мы говорили, что по нашимъ свѣдѣніямъ ни о какомъ продолженіи войны не можетъ быть рѣчи. Вскорѣ въ одной изъ комиссій Совѣта республики то же мнѣніе высказалъ военный министръ Верховскій, и за это былъ на слѣдующій день уволенъ Временнымъ Правительствомъ. Это увольненіе армію не возстановило, а черезъ нѣсколько дней большевики свергли Временное Правительство.

Я еще помню, какъ въ утро занятія Маріинскаго дворца большевицкимъ военнымъ отрядомъ, предсѣдатель Совѣта республики г. Авксентьевъ, въ одномъ изъ залъ Маріинскаго дворца, объяснялъ членамъ Совѣта необходимость разойтись и прочелъ резолюцію съ протестомъ противъ насилія, совершеннаго надъ Совѣтомъ республики. Тогда объясняли, что въ Совѣтѣ республики засѣдали не избранники народа, а лица назначенныя Временнымъ Правительствомъ и разными учрежденіями, и что поэтому нельзя было оказывать сопротивленіе.

Однако впослѣдствіи матросъ Желѣзнякъ съ такимъ же успѣхомъ, безъ всякаго сопротивленія, разогналъ Учредительное собраніе, члены котораго были избраны по всѣмъ правиламъ, — общенароднымъ голосованіемъ.

Размышленія о войнѣ.

Когда говорятъ и пишутъ о войнѣ 1914-1918г.г., то обыкновенно высказываютъ мысль, что эта война все равно была неизбѣжна, и что главная ея причина — экономическое соперничество Англіи и Германіи. При этомъ англофилы говорятъ, что Германія провоцировала и устроила войну, а германофилы, наоборотъ, утверждаютъ, что Англія подготовила войну, вызвала ее, и проч.

Мнѣ кажется, что все это — не такъ. Я думаю, что экономическія соотношенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, могутъ вызывать войны, но только войны колоніальныя — бурскую войну, войну съ афганцами, съ ахалъ-текинцами, суданскую. Но англійскіе, французскіе и нѣмецкіе купцы всегда совершенно ясно сознавали, что европейская война значительно отличается отъ колоніальной, что такая война грозитъ разореніемъ, и что для торговли и промышленности, а особенно для желѣзодѣлательной, гораздо выгоднѣе, если войны не будетъ, а всѣ европейскія государства будутъ продолжать только бряцать оружіемъ, готовиться къ войнѣ, строить броненосцы и заказывать орудія. Во всякомъ случаѣ промышленная и торговая конкуренція въ возникновеніи войнъ имѣетъ сравнительно малое значеніе. Есть другія причины, способствующія возникновенію войнъ,— это доминирующее значеніе въ большинствѣ государствъ военнаго класса и различныя націоналистическія и имперіалистическія идеи,

разлитыя въ интеллигенціи Европы. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ есть классъ людей, у которыхъ мысли направлены къ войнѣ, и которые видятъ во всякой новой распрѣ возможность отличиться, вовсе не существующую для нихъ въ мирное время. Этотъ классъ людей — офицеры всѣхъ армій Европы, имѣющіе во многихъ странахъ огромное вліяніе не только на военныя, но и на гражданскія дѣла.

Въ этомъ отношеніи Европа всегда отличалась отъ Китая, въ которомъ военное сословіе не пользуется любовью, и гдѣ даже существуетъ отвращеніе къ военному ремеслу. Китаецъ, въ отличіе отъ европейца, не дѣлаетъ различія между солдатомъ и разбойникомъ: „Было собрано столько то тысячъ молодыхъ негодяевъ и отправлено на войну", часто говорятъ китайскіе лѣтописцы, когда описываютъ какой нибудь походъ. „Изъ хорошаго желѣза не дѣлаютъ гвоздей, а въ солдаты не сдаютъ хорошихъ людей", гласитъ китайская пословица.

Въ Европѣ совершенно не то; не то и въ Россіи. По отношенію къ Россіи уже Бокль говорилъ слѣдующее: „Въ Россіи всякія способности оцѣниваются по примѣненію къ военному дѣлу... Войска считаются главнымъ источникомъ славы націи... Всѣ лица не военныя, каковы бы ни были ихъ достоинства, не уважаются, какъ люди несравненно низшаго свойства"*).

Приведенныя слова Бокля относятся къ Россіи того времени, когда онъ писалъ „Исторію цивилизаціи въ Англіи", т. е. ко времени Крымской кампаніи, и Бокль противопоставлялъ воинственность Россіи миролюбію Англіи. Конечно, въ этомъ онъ ошибался. Военный классъ Англіи всегда былъ столь же воинственно настроенъ, какъ военный классъ Россіи, и такъ же всегда готовъ былъ воевать. Но развѣ картина, нарисованная Боклемъ, не вѣрно рисуетъ русское общество, не только временъ Крымской

---

*) Бокль „Исторія цивилизаціи въ Англіи." Стр. 77 и 78 I тома въ изд. Павленкова. С.-Петербургъ 1895 г.

кампаніи, но и болѣе поздняго времени? Развѣ военное сословіе не имѣло у насъ доминирующаго вліянія, развѣ окончанія военнаго училища не было достаточно для занятія любой должности въ любой отрасли управленія, и развѣ большинство офицеровъ не радовалось объявленію войны?

Объявленіе Великой войны застало меня во Владивостокѣ, гдѣ я по обязанностямъ службы вращался почти исключительно въ военномъ обществѣ. Всѣ тамъ были убѣждены, что война будетъ побѣдоносная, всѣ видѣли въ ней не только возможность возстановить престижъ русскихъ войскъ, нѣсколько утраченный въ японскую войну, но и — панацею противъ революціи. „Слава Богу, говорили военные, что война объявлена. По крайней мѣрѣ мы на тридцать лѣтъ застрахованы отъ революціи". Конечно, всѣ были убѣждены въ томъ, что война продолжится только нѣсколько мѣсяцевъ. Всѣ ожидали, что Германія вскорѣ вынуждена будетъ прекратить войну вслѣдствіе недостатка продовольствія, который Россіи совершенно не грозитъ.

И дѣйствительно, вѣдь вывозъ зерна изъ Россіи почти прекратился съ началомъ войны. Кромѣ того съ самаго начала войны было прекращено винокуреніе, что также увеличивало количество зерна для прокормленія населенія. Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ концѣ 1916 года въ Россіи сталъ кое-гдѣ чувствоваться недостатокъ хлѣба, вызванный либо несовершенствомъ транспорта, либо отвлеченіемъ отъ полевыхъ работъ 14 милліоновъ мобилизованныхъ людей. Дѣйствительнаго недостатка хлѣба еще не было, но онъ послужилъ предлогомъ волненій среди петербургскихъ рабочихъ, волненій, окончившихся революціей, вслѣдствіе перехода войскъ на сторону бунтовавшихъ.

Мнѣ помнится, что въ самомъ началѣ войны я говорилъ, что она продолжится не болѣе семи лѣтъ, и этими словами вызывалъ всеобщее негодованіе; между тѣмъ я почти не ошибся, такъ какъ

война, считая и гражданскую, продолжалась шесть лѣтъ и три мѣсяца.

Нужно замѣтить, что не одно военное сословіе желало у насъ войны. Наши старыя мечты о проливахъ возбуждали не только военный классъ противъ Германіи, утвердившей свое вліяніе въ Константинополѣ и желавшей строить багдадскую желѣзную дорогу. Многіе были враждебно настроены противъ Германіи изъ за существовавшаго тогда торговаго договора. Также имѣло значеніе оживленіе славянофильскихъ настроеній, охватившее русское интеллигентное общество послѣ предъявленія Австріей ультиматума Сербіи. Нельзя не признать, что вся образованная Россія желала помочь сербамъ, но мало кто думалъ, что эта помощь непремѣнно должна выразиться ужасной войной. Вѣдь помощь могла быть оказана и дипломатическимъ путемъ; вѣдь можно было ранѣе объявленія мобилизаціи устроить конгрессъ трехъ императоровъ или министровъ иностранныхъ дѣлъ всѣхъ великихъ державъ и придти, при помощи переговоровъ, къ мирному рѣшенію дѣла.

Славянофильскія вѣянія въ то время отразились и на всей печати, бряцавшей оружіемъ почти единодушно. Въ этомъ общемъ хорѣ газетъ временно не участвовала одна газета „Рѣчь" и даже была закрыта правительствомъ въ день объявленія войны. Но и она, какъ извѣстно, заплатила дань шовинизму, желанію захватовъ и расширенія границъ.

Высшія военныя лица, а именно военный министръ Сухомлиновъ и начальникъ Главнаго Штаба Янушкевичъ, проявили, необычайное легкомысліе и объявили всеобщую мобилизацію, не предупредивъ Государя даже о томъ, что объявленіе всеобщей мобилизаціи равнозначуще съ объявленіемъ войны. Утромъ Государь далъ согласіе на всеобщую мобилизацію, а вечеромъ того же дня онъ по телефону требовалъ отъ Сухомлинова ея отмѣны. Это требованіе однако не было выполнено, а на

слѣдующее утро Государю было доложено, что всеобщая мобилизація въ полномъ ходу.

Да и министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ не обладалъ въ достаточной мѣрѣ осторожностью и, вѣроятно, забылъ, что всякая война можетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ либо побѣду, либо пораженіе.

Какъ извѣстно, русское общество встрѣтило объявленіе войны съ восторгомъ, вѣроятно разсчитывая, что война будетъ военной прогулкой и не потребуетъ ни жертвъ, ни лишеній.

Конечно, не въ одной Россіи, но и въ другихъ государствахъ Европы, господствовало то же сословіе военныхъ, а подъ его вліяніемъ и подъ вліяніемъ разбойныхъ инстинктовъ, свойственныхъ человѣчеству, вездѣ Міровая война была встрѣчена съ восторгомъ. Военные круги Германіи и Австріи, и даже нѣкоторые неотвѣтственные военные круги Сербіи*), были настроены очень воинственно.

Разъ во всей Европѣ наиболѣе вліятельное сословіе желало войны, и разъ подъ его вліяніемъ всѣ государства готовились къ войнѣ, то, конечно, достаточно было малѣйшей искры, чтобы война возгорѣлась.

Все сказанное приводитъ меня къ заключенію, что главнѣйшей причиной Европейской войны 1914-1918 годовъ, да и вообще всѣхъ послѣднихъ войнъ, является огромное вліяніе военнаго сословія на всѣ государственныя дѣла Европы, а также имперіализмъ и націонализмъ большей части интеллигенціи.

Вліяніе военнаго сословія, на мой взглядъ, есть пережитокъ Среднихъ вѣковъ и временъ феодализма. Пережитокъ этотъ не нуженъ въ капиталистическомъ обществѣ, не нуждающемся въ войнахъ для своихъ завоеваній. Эти завоеванія гораздо лучше производятся имъ при помощи торговли и

---

*) Ст. Станојевић. „Убиство аустриског престолонаследника Фердинанда“. Београд. 1923.

промышленности естественнымъ и безболѣзненнымъ путемъ.

Выше было отмѣчено, что въ Россіи въ числѣ идей, приведшихъ къ войнѣ, большое значеніе принадлежало идеѣ о призваніи Россіи защищать христіанское населеніе Балканскаго полуострова и особенно балканскихъ славянъ, сперва отъ турокъ, а затѣмъ отъ австрійцевъ. На этой идеѣ основаны войны 1828 г., 1854 г., 1878 г. и 1914 г.

Вся русская эмиграція и всѣ русскіе интеллигенты должны понять, что справедливое Провидѣніе ихъ покарало за то, что они вовлекали въ войны русскій народъ, въ ущербъ его интересамъ.

Безъ русскихъ интеллигентовъ, безъ сегодняшнихъ эмигрантовъ, ихъ отцовъ, родичей и дѣдовъ, на всемъ Балканскомъ полуостровѣ не было бы ни одного самостоятельнаго христіанскаго государства.

Нѣкоторые мало освѣдомленные балканскіе политики думаютъ, что Россія призвана всегда помогать балканскимъ славянамъ, и что эта естественная помощь Россіи не зависитъ отъ того, какіе слои интеллигенціи руководятъ русскимъ народомъ. Политики эти не знаютъ или не хотятъ знать, что нынѣшнее русское правительство и нѣкоторыя русскія политическія партіи совершенно неповинны въ симпатіи ни къ балканскимъ славянамъ, ни къ балканскимъ христіанамъ. Что же касается простого народа, то онъ даже не зналъ о существованіи такихъ народовъ, какъ сербы, болгары, греки, и участвовалъ въ войнахъ за нихъ только по принужденію своего правительства.

Великая война началась у насъ съ того, что Ставка легкомысленно измѣнила вырабатывавшійся десятилѣтіями планъ войны. По этому плану, какъ

извѣстно, не предполагалось начинать войну съ наступленія въ Восточную Пруссію и Галицію, и потому всѣ крѣпости первой линіи были разоружены, а Либавскій военный портъ былъ перенесенъ въ Ревель; первые бои предполагалось принять на второй линіи крѣпостей. Говорятъ, что измѣненіе плана войны было сдѣлано по требованію союзниковъ, для спасенія Парижа, но вѣдь такая уступчивость граничила съ самоубійствомъ. Генрихъ IV сказалъ, „Paris vaut bien une messe", но Парижъ не стоитъ потери Россіи.

Нѣмецкая армія заняла Бельгію только потому, что заранѣе выработанный планъ этого требовалъ, и она это сдѣлала несмотря на то, что именно занятіе Бельгіи вовлекало въ войну и Англію. У насъ же планъ войны былъ совершенно отброшенъ.

Нужно еще замѣтить, что черезъ всю Великую войну, а также черезъ гражданскую, красной нитью проходятъ глубокія наступленія и затѣмъ откатыванія назадъ далеко за предѣлы исходнаго положенія. Въ этой стратегіи есть что-то напоминающее гунновъ или татаръ. Мы пережили набѣгъ на Восточную Пруссію, набѣгъ на Галицію, набѣгъ съ востока на Волгу, набѣгъ Юденича на Петербургъ, набѣгъ Деникина почти до Москвы, — и во всѣхъ этихъ случаяхъ мы пережили и отступленія. Эти отступленія сопровождались ужасами.

Надо сказать, что во время Великой войны, вслѣдствіе кѣмъ то изобрѣтенной теоріи, производились совершенно безумныя эвакуаціи цѣлыхъ заводовъ, промышленныхъ заведеній, университетовъ и высшихъ техническихъ школъ съ ихъ библіотеками, изъ Варшавы, Риги, Юрьева, Кіева и т. д.. При этомъ съ отступавшими войсками часто уходило добровольно или по принужденію все населеніе оставляемыхъ мѣстностей. Эвакуируемые грузы и бѣженцы забивали собою всѣ пути и всѣ станціи желѣзныхъ дорогъ и затрудняли подвозъ продовольствія къ тѣмъ же отступавшимъ войскамъ. Слово эвакуація вскорѣ стало русскимъ словомъ, и

эвакуація стала безъ разбора примѣняться и во время гражданской войны.

Въ продолженіе всей войны русское общество относилось къ ней не достаточно серьезно.

Въ 1915 году мнѣ пришлось встрѣтиться въ С.-Петербургѣ съ однимъ японскимъ журналистомъ, корреспондентомъ газеты „Асахи", съ которымъ я познакомился незадолго передъ тѣмъ въ Японіи.

Въ бесѣдѣ со мной онъ удивилъ меня заявленіемъ, что намъ будетъ чрезвычайно трудно побѣдить. На мой вопросъ, почему же, — онъ отвѣтилъ, что мы по его мнѣнію не достаточно желаемъ побѣды. Въ подтвержденіе этого онъ указывалъ на то, что жизнь въ С.-Петербургѣ не измѣнилась: всѣ живутъ совершенно такъ же, какъ жили въ мирное время, нисколько не заботясь о томъ, что происходитъ на фронтѣ.

Когда же я ему возразилъ, что это происходитъ только потому, что С.-Петербургъ далекъ отъ театра военныхъ дѣйствій, и что ему слѣдуетъ побывать въ Могилевѣ, — онъ мнѣ отвѣтилъ, что въ Могилевѣ онъ былъ, но не нашелъ тамъ иной жизни, чѣмъ въ С.-Петербургѣ.

Тогда я сказалъ ему, что Могилевъ, въ сущности, тоже далекъ отъ фронта, и что ему нужно отправиться въ Варшаву или во Львовъ, а онъ мнѣ снова сказалъ, что былъ и въ этихъ городахъ, и что тамъ война совершенно не отозвалась на укладѣ жизни, — тамъ также танцуютъ и предаются развлеченіямъ, какъ и въ столицѣ.

„Вотъ вы бы посмотрѣли, — прибавилъ онъ, — какъ мы жили во время русско-японской войны. У насъ всѣ думали только о войнѣ и о томъ, какъ бы одержать побѣду".

Какіе же были результаты Великой войны?

Было убито, по самому скромному расчету,

9 милліоновъ европейцевъ, въ томъ числѣ болѣе 2 милліоновъ русскихъ. Потери же въ гражданской войнѣ совершенно не поддаются подсчету.

Бѣда въ томъ, что и послѣ Великой войны и послѣ столь плачевныхъ ея результатовъ Европа не застрахована отъ новыхъ войнъ. Въ этомъ отношеніи совершенно не могутъ помочь такія лицемѣрныя учрежденія, какъ Гаагскій трибуналъ и Лига націй. Также не можетъ помочь такъ называемый пацифизмъ, взятый какъ бы на откупъ и пропагандируемый соціалистами. Они вѣдь пацифисты лишь постолько, посколько войска находятся не подъ ихъ командой. Это показали большевики, создавшіе большую армію съ цѣлью войны съ Европой для насажденія въ ней большевизма.

Всеобщая воинская повинность, появившаяся со времени Наполеоновскихъ войнъ и считающаяся демократическимъ и свободолюбивымъ установленіемъ, на самомъ дѣлѣ — мѣра несправедливая и вредная. Дѣйствительно, при ея посредствѣ государство заставляетъ своихъ подданныхъ, зачастую и противъ ихъ желанія и убѣжденій, отправляться на войну, чтобы убивать себѣ подобныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщая воинская повинность способствуетъ разбуханію численности армій и превращаетъ современныя войны изъ войнъ профессіоналовъ въ войны народовъ.

Оградить отъ этого можетъ одно: всѣ люди во всей Европѣ должны проникнуться сознаніемъ, что человѣческая жизнь драгоцѣнна, и что никакая государственная власть не имѣетъ права заставлять своихъ подданныхъ воевать по набору или по мобилизаціи. Если какое либо государство желаетъ воевать, то оно должно создать для этой цѣли войско не только съ офицерами профессіоналами, но и изъ солдатъ профессіоналовъ. Кадры солдатъ, такъ же какъ и кадры офицеровъ, должны состоять изъ людей, выбравшихъ добровольно эту профес-

сію. Они должны получать соотвѣтствующее образованіе, соотвѣтственную плату, пенсію, обезпеченіе семей и т. д. Такое войско, конечно, будетъ стоить гораздо дороже, чѣмъ нынѣшнія войска, и расходъ на такое войско положитъ естественный предѣлъ безразсудному разбуханію численности войскъ и превращенію войнъ въ войны не армій, а цѣлыхъ народовъ. Конечно, во время войны профессіональныя войска могутъ пополняться добровольцами, но государство не должно оказывать никакого принужденія. Ясно, что такой порядокъ можетъ водвориться только тогда, когда все человѣчество придетъ къ твердому убѣжденію, что никто не имѣетъ права заставить людей воевать, и когда это убѣжденіе засядетъ въ головахъ такъ же твердо, какъ убѣжденіе, что никакая власть не имѣетъ права заставить людей измѣнить вѣру. Къ сожалѣнію, до этого еще очень далеко.

Даже христіанство съ его проповѣдью любви къ ближнему нисколько не повліяло на прекращеніе войнъ. Произошло это потому, что христіанская Церковь, съ первыхъ же вѣковъ христіанства и врученія Константину Великому знамени съ изображеніемъ креста и надписью „симъ побѣдиши“, изъ матеріальныхъ выгодъ пошла на служеніе государству. Въ наше время, при объявленіи войны двумя христіанскими народами, первымъ дѣломъ, на обѣихъ враждующихъ сторонахъ, назначаются молебствія о дарованіи побѣды. При этомъ, повидимому, совершенно забываютъ, что войны христіанскихъ народовъ нѣсколько отличаются отъ Троянской войны, и что на небесахъ уже нѣтъ Геры, покровительствовавшей троянцамъ, и Аѳины Паллады, покровительствовавшей грекамъ. Вѣдь даже почему то считается доблестью, когда полковой священникъ, съ крестомъ въ рукахъ, идетъ впереди полка на штурмъ укрѣпленія, тогда какъ дѣйствительное его призваніе состоитъ только въ томъ, чтобы утѣшать раненыхъ и умирающихъ. Къ сожалѣнію, даже такіе факты, какъ дарованіе побѣды языче-

скимъ войскамъ надъ христіанскими (напр. Японская война) не заставили христіанскую Церковь пересмотрѣть свое благосклонное отношеніе къ войнѣ и начать рѣшительную пропаганду мира между народами, а также пропаганду за уничтоженіе всеобщей воинской повинности.

Церковь даже не заступается за такъ называемыхъ „назаренъ" и менонитовъ. Будучи призваны къ отбыванію воинской повинности, они, слѣдуя велѣніямъ Христа, отказываются брать въ руки оружіе. За это ихъ въ нѣкоторыхъ государствахъ присуждаютъ къ тюремному заключенію и другимъ наказаніямъ. Переносятъ они эти наказанія съ тѣмъ же стоицизмомъ, съ какимъ первые христіане переносили гоненія за свою вѣру. Между тѣмъ государство могло бы использовать ихъ, а во время войны въ качествѣ санитаровъ. Именно такъ поступала Россія со времени Екатерины II съ менонитами, и только большевики упразднили эту ихъ прерогативу.

Въ Англіи всеобщей воинской повинности нѣтъ. Однако Англія во время Великой войны ввела у себя эту мѣру, отступивъ отъ своего принципа — держать только платное войско. Все же послѣ войны Англія отмѣнила всеобщую воинскую повинность и едва ли когда нибудь къ ней вернется. Въ февралѣ 1928 года министръ внутреннихъ дѣлъ Великобританіи Гиксъ заявилъ въ одной рѣчи, что разоруженіе Европы не подвинется, пока разныя страны придерживаются всеобщей воинской повинности.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что всеобщую воинскую повинность слѣдуетъ считать чрезвычайно несправедливымъ учрежденіемъ. Въ этомъ отношеніи больше справедливости было въ Средніе вѣка, когда въ войнахъ участвовали либо одни рыцари, принадлежавшіе къ тому сословію, которое вліяло на объявленіе войны, либо хорошо оплаченные кондотьеры.

Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Кіевъ въ 1918 году.

Въ концѣ октября 1917 года, когда большевики захватили власть, я состоялъ директоромъ Института инженеровъ Путей Сообщенія. Будучи самымъ старымъ изъ директоровъ и ректоровъ высшихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга, я созвалъ ихъ на совѣщаніе, чтобы обмѣняться мнѣніями о создавшемся положеніи.

На этомъ совѣщаніи было постановлено не входить ни въ какія сношенія съ большевиками.

Придерживаясь этого постановленія, я тогда же принялъ мѣры для поддержанія жизни Института безъ такихъ сношеній, а именно взялъ взаймы 60 тысячъ рублей у Совѣта съѣздовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ и временно позаимствовалъ 50 тысячъ рублей изъ переходящихъ суммъ Мурманской желѣзной дороги. Этимъ существованіе Института было обезпечено на нѣкоторое время, и я не входилъ ни въ какія сношенія съ комиссаріатомъ путей сообщенія.

Однако съ теченіемъ времени такой образъ дѣйствій становился все болѣе и болѣе затруднительнымъ, особенно въ виду все возраставшей дороговизны. Директора другихъ учебныхъ заведеній постепенно стали входить въ сношенія съ большевиками, и только директоръ Горнаго Института В. В. Никитинъ оставилъ въ январѣ 1918 года свою должность.

Мнѣ, предсѣдательствовавшему въ совѣщаніи, постановившемъ не входить ни въ какія сношенія съ новой властью, было невозможно отступить отъ этого постановленія. Между тѣмъ моя позиція относительно большевицкой власти была совершенно непонятна многимъ изъ моихъ коллегъ-профессоровъ. Меня спрашивали, почему я, собственно, не хочу пойти въ комиссаріатъ путей сообщенія и познакомиться съ его руководителями, и почему не хочу посылать ассигновокъ для того, чтобы совѣтскіе чиновники ставили на нихъ свой грифъ. Когда я отвѣчалъ, что вѣдь было постановлено, да еще въ собраніи подъ моимъ предсѣдательствомъ, не входить ни въ какія сношенія съ большевиками, и что это рѣшеніе было одобрено Совѣтомъ Института, то мнѣ возражали, что такіе то директора высшихъ учебныхъ заведеній уже давно вошли въ сношенія съ большевицкой властью. На томъ, чтобы были начаты сношенія съ совѣтской властью, настаивали между прочимъ тѣ профессора, которые считались правыми; среди нихъ былъ, напримѣръ, одинъ профессоръ, который въ 1912 году внесъ въ Академію наукъ особый капиталъ для выдачи преміи за наилучшее описаніе царствованія Императора Николая II. Поддерживали меня только тѣ изъ профессоровъ, которые и при старомъ режимѣ были иногда строптивыми и высказывали независимыя сужденія. Ихъ было меньшинство. Преподаватели Института, не имѣвшіе званія профессора, также меня не поддерживали. Это объясняется можетъ быть тѣмъ, что новый уставъ Института, бывшій уже во время войны на разсмотрѣніи Государственной Думы и утвержденный Временнымъ Правительствомъ, улучшилъ положеніе профессоровъ, но нисколько не улучшилъ положенія преподавателей, не имѣвшихъ профессорскаго званія.

Въ то же время низшіе служащіе стали предъявлять требованія относительно приглашенія ихъ къ участію въ засѣданіяхъ хозяйственнаго комитета.

Однако я долженъ сказать, что мои сѣдины, большой ростъ и серьезный видъ мѣшали имъ обращаться со мною за панибрата: за все время моего директорства никто не сказалъ мнѣ „товарищъ“. Я помню, что въ первый разъ я услышалъ такое обращеніе уже лѣтомъ 1918 года, когда шелъ отъ станціи Левашево къ той дачѣ, гдѣ я нанималъ комнату. Проходившая женщина спросила меня: „товарищъ“, гдѣ такая то дача? Я ей отвѣтилъ — помилуйте, какой я вамъ товарищъ, когда я вамъ гожусь въ дѣды: мнѣ болѣе 60-ти лѣтъ, а вамъ пожалуй и 30-ти нѣтъ. — Она очень смутилась, стала извиняться и увѣрять меня, что ей уже 35 лѣтъ.

Не чувствуя поддержки своей позиціи относительно большевиковъ въ самой средѣ Института, я въ началѣ апрѣля 1918 года заявилъ Совѣту Института объ оставленіи мною должности директора.

Но раньше чѣмъ отказываться отъ должности, я вызвалъ студенческихъ старостъ и изложилъ имъ всѣ обстоятельства дѣла. Изъ разговора съ ними я увидалъ, что и они не согласны со мною и въ сущности предпочли бы оппортунистическую позицію.

Все это я объясняю замѣченной мною тогда и позже чертою національнаго характера — недостаточною принципіальностью и неувѣренностью въ томъ, что борьба приведетъ къ побѣдѣ.

Конечно, у многихъ изъ моихъ коллегъ и у преподавателей огромную роль играло и матеріальное положеніе, особенно у тѣхъ, кто долженъ былъ заботиться о своихъ семьяхъ. У меня не было семьи, и я былъ болѣе или менѣе независимъ; поэтому я не хочу никого осуждать.

Вскорѣ послѣ заявленія Совѣту Института объ оставленіи должности я сталъ подумывать о томъ, чтобы выѣхать изъ С.-Петербурга.

Лѣтомъ 1918 года мнѣ не хотѣлось оставаться въ городѣ и я нашелъ комнату въ Левашевѣ въ одной мало знакомой мнѣ семьѣ.

Хозяева согласились дать мнѣ комнату съ полнымъ пансіономъ, но уже, конечно, безъ хлѣба и безъ сахара; ихъ я долженъ былъ привозить изъ С.-Петербурга. Въ то время въ Левашевѣ очень многія дачи были заняты красноармейцами, которые, повидимому, должны были отражать нападеніе финскихъ бѣлыхъ войскъ, на случай если бы они задумали перейти въ наступленіе. Всѣ дачи, занятыя красноармейцами, были до крайности загажены, заборы поломаны, стекла выбиты и проч. Однако все-таки въ нѣкоторыхъ дачахъ жили хозяева или дачники. Я помню, что въ одинъ прекрасный день населеніе Левашева, считая въ томъ числѣ и дачниковъ, было призвано къ исполненію трудовой повинности: копанію рва для защиты отъ финскихъ войскъ. Къ счастью, эта затѣя продолжалась только нѣсколько дней; вѣроятно, начальствующія лица замѣтили, что непривычнымъ дачникамъ и дачницамъ не вырыть рва достаточной глубины. А можетъ быть опасность нападенія финновъ миновала.

Поѣзда въ Левашево ходили довольно исправно, жизнь текла мирно, и ни я, ни мои хозяева не испытывали никакихъ тревогъ. Въ С.-Петербургъ я ѣздилъ довольно часто и иногда оставался тамъ ночевать. Въ то время въ С.-Петербургѣ всегда можно было ожидать обыска; я не ожидалъ ареста, но находилъ необходимымъ принимать нѣкоторыя предосторожности противъ ограбленія при обыскѣ. По примѣру многихъ петербуржцевъ, я заказалъ себѣ шкатулку съ двойнымъ дномъ, а на ночь прикалывалъ деньги къ наружной сторонѣ темныхъ шторъ, такъ какъ думалъ, что обыскивающіе не очень догадливы.

Аресты въ то время производились совершенно безъ толку, и однажды я чуть было не попался. Дѣло было въ августѣ или въ сентябрѣ, черезъ день послѣ того какъ большевики напали на англійское посольство. Послѣ этого нападенія между прочимъ былъ арестованъ англійскій вице-консулъ,

сестра котораго была замужемъ за смотрителемъ зданій Института Бобылевымъ. Узнавъ объ арестѣ брата, она отправилась справиться о немъ въ англійское консульство. Находившіеся тамъ большевики ее отпустили, но въ тотъ же вечеръ произвели обыскъ въ квартирѣ Бобылева. Происходило это въ прекрасный вечеръ, и я, пріѣхавъ изъ Левашева, сидѣлъ въ нашемъ садикѣ. Окна квартиры Бобылева были освѣщены a-giorno, и я было рѣшилъ пойти къ нимъ въ гости, но задержался только потому, что было довольно поздно. На другой день я узналъ, что у Бобылева какъ разъ въ это время производился обыскъ, и что онъ съ женою были арестованы и отправлены въ тюрьму. Надо сказать, что Бобылевъ былъ человѣкъ болѣзненный, никогда не занимался никакой политикой, и что вся его вина заключалась лишь въ томъ, что онъ былъ женатъ на сестрѣ англійскаго вице-консула.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, въ октябрѣ, этотъ вице-консулъ былъ изъ тюрьмы выпущенъ и приходилъ ко мнѣ съ визитомъ, а Бобылевъ и его жена все еще сидѣли въ тюрьмѣ. Послѣ я узналъ, что Бобылевъ скончался въ тюрьмѣ. Жена его много позже уѣхала въ Англію.

Уже съ іюля я началъ запасаться различными документами нужными для выѣзда. Въ іюлѣ еще считалось достаточнымъ для выѣзда получить такъ называемый красный билетъ. Этотъ красный билетъ и былъ мною полученъ 20 іюля отъ чрезвычайной комиссіи по разгрузкѣ С.-Петербурга. Оффиціально этотъ документъ назывался удостовѣреніемъ на право обратнаго въѣзда въ С.-Петербургъ и былъ снабженъ штемпелемъ центральной коллегіи по эвакуаціи и разгрузки Петербурга.

Однако этого документа было недостаточно для въѣзда въ Украину. Прежде всего надо было запастись врачебнымъ свидѣтельствомъ на нѣмецкомъ языкѣ для предъявленія въ Оршѣ нѣмецкимъ пограничнымъ властямъ. Это врачебное свидѣтель-

ство было выдано мнѣ знакомымъ врачемъ и гласило: „Симъ удостовѣряю, что проф. Института Путей Сообщенія тайный совѣтникъ Брандтъ, 63-хъ лѣтъ, привитъ противъ холеры и оспы и свободенъ отъ вшей. С.-Петербургъ 31 авг. 1918 г.

Затѣмъ надо было получить отъ Украинскаго генеральнаго консульства разрѣшеніе на въѣздъ въ Украину. Украинскимъ консуломъ въ С.-Петербургѣ состоялъ одинъ инженеръ, служившій у Санъ-Галли, и консульство помѣщалось въ домѣ Санъ-Галли по Лиговкѣ. Руководители Украинской державы уже тогда предвидѣли эфемерность этой державы, не хотѣли производить излишнихъ расходовъ и ютились въ маленькой квартиркѣ перваго этажа. Квартирка эта имѣла то преимущество, что она выходила на дворъ, служившій пріемной для публики. Секретарь консула и другіе служащіе сидѣли у оконъ, черезъ окна принимали прошенія и выдавали справки. Когда я пришелъ въ консульство, то оказалось, что передъ каждымъ окномъ стоитъ по длинному хвосту ожидающихъ. Когда я подошелъ къ окну, то съ меня потребовали подать прошеніе о разрѣшеніи въѣзда въ Украину съ объясненіемъ дѣла, ради котораго я ѣду и проч.

Пришлось еще нѣсколько разъ ходить въ консульство, предъявлять врачебное свидѣтельство и купчую крѣпость на имѣніе въ Крыму. Мнѣ тогда уже показалось, что республики, вновь образовавшіяся на немощномъ тѣлѣ Россіи, если въ чемъ либо и отстали отъ Императорской Россіи, то во всякомъ случаѣ не въ отношеніи формалистики. Послѣ нѣсколькихъ визитовъ въ консульство и продолжительнаго стоянія въ хвостахъ, мнѣ наконецъ выдали документъ на украинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Замѣчу здѣсь, что на всякій случай я выправилъ и еще одинъ документъ.

Въ то время для защиты интересовъ лицъ, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ Крыму, въ С.-Петербургѣ образовалась крымская колонія.

Правленіе этой колоніи помѣщалось на Невскомъ проспектѣ, на углу Садовой улицы, въ бывшемъ помѣщеніи газеты „Вечернее Время". Здѣсь, безъ всякихъ мытарствъ, предупредительные члены Правленія выдали мнѣ документъ на русскомъ, украинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, о томъ, что я состою членомъ крымской колоніи.

Сверхъ этихъ документовъ я запасся еще рекомендательными записками къ уполномоченному С.-Петербургскаго Украинскаго консульства въ Оршѣ г. Пажару и къ комиссару Украинского Уреду г. Николаеву въ томъ же городѣ. Эти рекомендательныя записки любезно далъ мнѣ А. А. Клишевичъ, уполномоченный по эвакуаціи „Украинских громадян з Петрограду".

Всѣ перечисленные документы были мною получены къ началу сентября. Однако къ тому же времени выяснилось, что совѣтскія власти впредь будутъ выпускать на Украину исключительно только лицъ, запасшихся заграничными паспортами и уплатившихъ паспортный сборъ. Въ до-революціонное и до-большевицкое время полученіе заграничнаго паспорта, какъ извѣстно, было обставлено очень небольшимъ числомъ формальностей, причемъ всѣ эти формальности весьма успѣшно выполнялъ старшій дворникъ.

Теперь, когда управленіе Россіей перешло къ соціалистамъ, число формальностей значительно возросло. Прежде всего оказалось нужнымъ выправить свидѣтельство домоваго комитета о неимѣніи съ его стороны препятствій къ выѣзду; заручившись этимъ свидѣтельствомъ, мнѣ нужно было предъявить его въ комиссаріатъ Спасской части и получить оттуда соотвѣтствующее свидѣтельство; затѣмъ нужно было пойти на Литейную 2 за свидѣтельствомъ о несудимости за время до 1917 года и на Спасскую 9 за такимъ же свидѣтельствомъ о несудимости позже 1917 года. Всѣ эти свидѣтельства нужно было предъявить на Дворцовую набережную 2 въ Военный контроль.

Получивъ всѣ указанные документы, нужно было еще пойти за заграничнымъ паспортомъ на Дворцовую площадь въ иностранный отдѣлъ комиссаріата внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь уже съ ранняго утра стояли хвосты гражданъ, имѣвшихъ страстное желаніе выѣхать изъ Совѣтской Россіи. Придя въ это учрежденіе, я поразился огромнымъ числомъ служащихъ въ немъ еврейскихъ молодыхъ людей и барышень. Впрочемъ, я и раньше поражался тѣмъ же въ комиссаріатѣ народнаго просвѣщенія, когда въ качествѣ предсѣдателя бюро союза профессоровъ безуспѣшно ходилъ къ товарищу комиссара народнаго просвѣщенія Гринбергу требовать разслѣдованія убійства студентовъ, братьевъ Генглезъ, и преслѣдованія убійцъ.

Несмотря на то, что я запасся всѣми документами, мнѣ заграничнаго паспорта не выдали, а выдали только для заполненія особый анкетный листъ съ различными вопросами: кто я такой, чѣмъ занимаюсь, для какой цѣли ѣду на Украину и проч.

Полученіе заграничнаго паспорта затянулось. Изъ разспросовъ сосѣдей въ хвостѣ выяснилось, что разрѣшенія на выѣздъ даются далеко не всѣмъ желающимъ, а только лицамъ, представившимъ либо свидѣтельство спеціальнаго совѣтскаго врача о болѣзни, либо имѣющимъ командировочное свидѣтельство. Такое свидѣтельство отъ Института Путей Сообщенія мною было получено. Институтъ давалъ мнѣ командировку въ Кіевъ, въ Политехническій Институтъ, якобы по вопросу объ обмѣнѣ профессорами. Кромѣ того одинъ мой знакомый досталъ мнѣ свидѣтельство отъ 4 окт. 1918 г., подписанное товарищемъ областного комиссара по просвѣщенію Гринбергомъ. Въ этомъ свидѣтельствѣ было сказано, что я срочно командируюсь по дѣламъ службы въ Кіевъ.

Одновременно съ хлопотами о паспортѣ, я старался найти болѣе удобный способъ проѣзда въ Крымъ. Въ то время имѣлось два или три пути въ Крымъ: черезъ Оршу, черезъ Курскъ и черезъ

Брянскъ. На Брянскомъ и Курскомъ направленіяхъ рельсы были разобраны на большомъ протяженіи, въ 30 или даже 40 верстъ; пассажиры переправлялись черезъ границу на подводахъ, и по слухамъ при этомъ происходилъ прямой грабежъ. Вы рисковали не только тѣмъ, что совѣтскіе пограничные служащіе отнимутъ деньги свыше 1.000 рублей, золотыя вещи, бѣлье и проч., но и тѣмъ, что вы будете еще разъ ограблены простыми грабителями, не состоящими даже въ числѣ чиновниковъ соціалистическаго правительства. Въ виду этого предпочтительнымъ являлся путь на Оршу, несмотря на то, что избирая это направленіе, необходимо было переѣхать въ Оршѣ двѣ границы: нѣмецкую и украинскую.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время нѣкоторые поѣзда, а именно украинскіе и совѣтскіе санитарные поѣзда, доходили до Кіева и далѣе безъ пересадки; мои родственники, выѣхавшіе въ августѣ санитарнымъ поѣздомъ, проѣхали до Кіева безъ пересадки.

Въ это именно время въ Кіевъ направлялся поѣздъ № 7, составленный изъ вагоновъ Подольской и Токмакской дорогъ и носившій оффиціальное названіе „особиста влака № 7 варядмена на підставі взаімности". Въ этомъ поѣздѣ эвакуировались нѣкоторые служащіе Подольской, Токмакской и другихъ дорогъ. Конечно, подъ видомъ служащихъ и ихъ семей эвакуировались также и нѣкоторые буржуи, не имѣвшіе никакого отношенія къ желѣзнымъ дорогамъ. Начальникомъ этого поѣзда былъ инженеръ путей сообщенія Гришпанъ. Онъ любезно предоставилъ мнѣ мѣсто I класса въ этомъ поѣздѣ, а Правленіе общества Токмакской дороги, бравшее общій заграничный паспортъ для всѣхъ своихъ служащихъ, включило меня въ этотъ общій паспортъ и избавило меня тѣмъ самымъ отъ дальнѣйшихъ хожденій на Дворцовую площадь за отдѣльнымъ паспортомъ.

Послѣ этого начались различныя мытарства.

Поѣздъ № 7 долженъ былъ отойти изъ С.-Петербурга въ началѣ октября, но полученіе общаго паспорта затягивалось. Когда же онъ былъ полученъ, то отъѣздъ снова былъ отложенъ по распоряженію одного изъ большевицкихъ начальствъ для осмотра погруженнаго багажа. Затѣмъ было получено распоряженіе изъ Москвы не выпускать поѣздъ. Начальникъ поѣзда два раза ѣздилъ въ Москву хлопотать о выпускѣ поѣзда и во второй разъ привезъ, наконецъ, разрѣшеніе на выѣздъ, но только до Витебска. Между тѣмъ многіе изъ эвакуировавшихся желѣзнодорожныхъ служащихъ успѣли распродать свое петербургское имущество, сдать квартиры и ликвидировать всѣ дѣла. Они поневолѣ уже переселились въ поѣздъ и въ немъ жили. Когда получилось разрѣшеніе двинуться до Витебска, они настояли на отходѣ поѣзда, справедливо полагая, что жизнь, хотя бы и въ поѣздѣ, будетъ все же дешевле въ Витебскѣ, чѣмъ въ С.-Петербургѣ. Въ виду этого поѣздъ и двинулся въ Витебскъ 27 октября поздно вечеромъ. Поѣздъ состоялъ изъ нѣсколькихъ вагоновъ I и II класса и двухъ багажныхъ вагоновъ. Скорость движенія была ничтожная; до Витебска мы добрались только 29-го октября, и здѣсь поѣздъ былъ поставленъ на запасный путь. Въ Витебскѣ дѣйствительно жизнь оказалась дешевле, чѣмъ въ С.-Петербургѣ. Въ концѣ октября въ С.-Петербургѣ фунтъ ржаной муки стоилъ 12-15 рублей, фунтъ сахару 30-35 рублей, бутылка молока 4 рубля, а въ Витебскѣ на рынкѣ близъ вокзала мы покупали бѣлый хлѣбъ по 5 рублей за фунтъ, сахаръ по 17-18 рубл. и бутылку молока за 2 р. 50 к. На рынкѣ можно было купить и бѣлыя булки, такъ называемыя франзоли, по 7 р. за штуку и баранки изъ бѣлой муки по 8, 9 рубл. за фунтъ. Въ поѣздѣ у меня было много знакомыхъ, такъ что первые дни стоянки въ Витебскѣ прошли незамѣтно. Въ это время начальникъ поѣзда Гришпанъ и его помощникъ Папаянъ ѣздили въ Москву и Могилевъ хлопотать о дальнѣйшемъ продвиженіи поѣзда. Но

дни шли за днями и поѣздъ только передвигали съ одного запасного пути на другой, иногда на большое разстояніе отъ станціи и буфета. Витебскій вокзалъ былъ очень грязенъ; такъ же грязенъ былъ и буфетъ, и на вокзалѣ всегда толпилось очень много солдатъ и мѣшечниковъ. Дни проходили въ розыскахъ молока, яицъ и другихъ продуктовъ продовольствія; погода стояла дождливая, и постепенно у всѣхъ стало истощаться терпѣніе.

Во время стоянки въ Витебскѣ мы узнали изъ газетъ, что въ Германіи произошла революція и что Императоръ Вильгельмъ бѣжалъ въ Голландію. Извѣстіе это было встрѣчено пассажирами со смѣшаннымъ чувствомъ. Съ одной стороны, выражалась радость, что Германія сама оказалась разъѣденной тѣмъ же большевизмомъ, который она успѣшно насаждала въ Россіи, съ другой стороны, возникало опасеніе въ прочности охраняемой нѣмецкими властями Украинской державы, куда мы держали путь. Въ то же время выяснилось, что нѣмцы, по соглашенію съ совѣтскими властями, постепенно отходили отъ Орши къ Могилеву, что они уже за Могилевомъ, и что граница проходитъ въ двадцати верстахъ отъ Могилева у станціи Дашковки.

31 октября стараго стиля исполнилось сорокалѣтіе моей службы, и мнѣ помнится, что именно въ этотъ день я началъ раздумывать о способѣ продвинуться дальше.

1 или 2 ноября я отправился въ городъ Витебскъ къ нотаріусу и получилъ копію съ общаго паспорта для того, чтобы съ этой копіей пуститься въ дальнѣйшее странствованіе, уже независимо отъ поѣзда № 7.

Паспорта, конечно, было недостаточно для выѣзда изъ соціалистическаго отечества и спеціально изъ соціалистическаго Витебска. Поэтому мнѣ пришлось отправиться въ витебскій революціонный комитетъ и выхлопотать себѣ пропускъ. Когда я собирался идти туда, нѣкоторые изъ моихъ спут-

никовъ уговаривали меня не ходить и выражали даже опасеніе, что меня арестуютъ, — настолько обыватели были тогда перепуганы безпричинными арестами. Несмотря на эти предупрежденія я пошелъ въ революціонный комитетъ или, какъ тогда и позже это учрежденіе называлось, — ревкомъ. Пропусками вѣдалъ тамъ молодой человѣкъ, плохо знавшій географію. Онъ сказалъ, что можетъ пропускъ выдать только до Быхова, а я сталъ просить пропускъ до Жлобина, утверждая, что Жлобинъ сѣвернѣе Быхова. Онъ мнѣ повѣрилъ и выдалъ слѣдующее удостовѣреніе:

„Рос. социалист. федерат. советская республика. Исполнит. комитет Витебскаго Совета раб. и красноармейских депутатов. Ноября 2 дня 1918 № 10215. Действительно в течении 10 дней. Пропуск. Пред'явителю сего гражданину Александру Брандту разрешается безпрепятственный в'езд в город Жлобин, что подписями и приложением советской печати удостоверяется. Основание: по усмотрению отдела по выдаче пропусков.“

Послѣ полученія мною засвидѣтельствованной нотаріусомъ копіи съ общаго проѣздного паспорта и пропуска до Жлобина, нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ начали также собираться въ отдѣльное плаванье. Съ помощью комиссара Токмакской дороги Бека, имѣвшаго связи съ Риго-Орловской ж. д., мы достали вагонъ. 6 ноября вечеромъ этотъ вагонъ (4-го класса) прицѣпили къ товарному поѣзду, и мы двинулись въ путь. 7 ноября утромъ мы прибыли въ Могилевъ.

Замѣчу здѣсь, что осенью 1918 года начальникомъ отдѣленія по выдачѣ заграничныхъ паспортовъ въ С.-Петербургѣ былъ нѣкій Лордкипанидзе. Въ нашемъ поѣздѣ № 7 одно мѣсто перваго класса было предоставлено его помощнику, почему то уѣзжавшему въ Кіевъ, и многіе надѣялись именно на его протекцію при переѣздѣ черезъ границу. Однако онъ еще ранѣе ноября уѣхалъ въ Могилевъ и мы его больше не видали. У Лордкипанидзе былъ

еще помощникъ, нѣкто Гуревичъ. Когда одинъ изъ моихъ пріятелей въ С.-Петербургѣ пошелъ однажды вмѣсто меня на Дворцовую площадь за паспортомъ и кстати наводилъ справки о моихъ бумагахъ, этотъ Гуревичъ выказалъ особенную предупредительность. Нѣсколько позже она получила естественное объясненіе: Гуревичу нужно было помѣстить въ Институтъ въ качествѣ студента своего родственника и онъ разсчитывалъ на мою протекцію.

Въ Могилевѣ нашъ вагонъ поставили на запасный путь. Спать въ немъ было не очень удобно, и потому я началъ искать себѣ помѣщеніе на сторонѣ. Меня пріютилъ у себя одинъ изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ на станціи Могилевъ.

6, 7 и 8 ноября комиссаръ Токмакской дороги и нѣкоторые другіе изъ числа нашихъ спутниковъ ѣздили въ могилевскій ревкомъ къ члену его Гуревичу за пропускомъ нашего вагона на станцію Дашковку, гдѣ тогда стояли нѣмцы. Все шло хорошо, и у всѣхъ были надежды на полученіе этого пропуска.

На субботу, 9 ноября, въ 3 ч. дня, былъ назначенъ отъѣздъ, и насъ попросили къ вагону. Идя къ вагону, я встрѣтилъ желѣзнодорожнаго служащаго, у котораго я жилъ; онъ отвелъ меня въ сторону и уговаривалъ не ѣздить, не выясняя однако причины такого совѣта. Подойдя къ вагону, я узналъ, что всѣ вещи, даже ручныя, надо принести и сдать въ багажный вагонъ. Всѣ это сдѣлали, и я въ томъ числѣ, предполагая, что мы скоро прибудемъ въ Дашковку и тамъ получимъ вещи.

Затѣмъ пришли для провѣрки нашихъ документовъ три члена станціонной чрезвычайки — Дарскій, Сегаль и третій, фамиліи котораго я не зналъ, всѣ трое — еврейскаго типа. Дарскій и Сегаль — молодые люди во френчахъ съ претензіей на щегольство. Они произвели на меня сразу самое отвратительное впечатлѣніе. Подойдя къ вагону, я услышалъ разговоръ Дарскаго съ комиссаромъ Токмакской дороги Бекомъ. Разговоръ велся Дарскимъ

въ отвратительномъ тонѣ; онъ упрекалъ въ чемъ то Бека, требовалъ документы и пр.

После оказалось, что Дарскій, имѣя въ виду арестовать насъ всѣхъ, просто придирался къ чему то въ спискѣ пассажировъ поѣзда № 7, предъявленномъ Бекомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что намъ всѣмъ, въ числѣ тридцати человѣкъ съ женщинами и дѣтьми, предложили войти въ нашъ вагонъ IV класса. Вагонъ былъ окруженъ красноармейцами, и мы оказались арестованными и находящимися въ плѣну у Дарскаго, Сегаля и проч. Мы совершенно не знали, за что мы были арестованы. Можно было только догадываться на основаніи нѣкоторыхъ намековъ, сдѣланныхъ Бекомъ, разговаривавшимъ съ Дарскимъ, что могилевская чрезвычайка сомнѣвалась въ томъ, что всѣ мы правильно занесены въ списокъ служащихъ Токмакской и Подольской желѣзныхъ дорогъ. И дѣйствительно, между нами были лица, никогда не состоявшія на службѣ этихъ дорогъ. Въ то время, время расцвѣта соціализма, принадлежности къ буржуазіи было достаточно для обвиненія въ контръ - революціонности, а обвиненія въ неправильномъ занесеніи въ желѣзнодорожный списокъ, конечно, было достаточно для лишенія всѣхъ насъ свободы.

Уже значительно позже нашего освобожденія выяснилась дѣйствительная причина нашего ареста. А именно оказалось, что послѣ нашего пріѣзда въ Могилевъ, могилевской чрезвычайкой и ревкомомъ была получена задержавшаяся или залежавшаяся телеграмма о задержаніи и невыпускѣ поѣзда № 7. При томъ эта телеграмма, съ текстомъ которой мы позже случайно ознакомились, была прислана изъ комиссаріата иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и возлагала на пограничныя власти наистрожайшую отвѣтственность за выпускъ поѣзда № 7. Могилевская чрезвычайка, въ своемъ рвеніи прислужиться руководителямъ соціалистическаго отечества, придала этой телеграммѣ распространительное толкованіе и, не имѣя возможности арестовать поѣздъ

№ 7, бывшій еще въ Витебскѣ, рѣшила арестовать насъ, пассажировъ этого поѣзда. Однако, все это оставалось намъ неизвѣстнымъ, и у насъ возникали нѣкоторыя опасенія и волненія по поводу причины нашего ареста, тѣмъ болѣе, что въ эти самые дни въ могилевской тюрьмѣ, по приказанію желѣзнодорожной чрезвычайки, были разстрѣляны князь Святополкъ-Мирскій, машинистъ, согласившійся провезти его вмѣстѣ съ его семьею до Дашковки, два священника и еще 16 другихъ лицъ.

9 ноября нашъ вагонъ для чего то оказался нуженъ, и насъ перевели въ арестантскій вагонъ. Всѣ вещи наши были заперты въ багажномъ вагонѣ. Намъ не позволили даже взять подушекъ. Двѣ или три ночи я спалъ на голыхъ доскахъ, подкладывая подъ голову два круглыхъ полѣна. У меня не было и полотенца. Одинъ изъ сторожившихъ насъ красноармейцевъ продалъ мнѣ за 10 рубл. солдатское полотенце. Надо было утѣшиться тѣмъ, что выборному изъ насъ разрѣшили ходить на вокзалъ и заказывать въ буфетѣ чай и обѣды. Кромѣ того намъ позволили послать въ Москву и С.-Петербургъ телеграммы съ протестомъ противъ нашего задержанія.

10 ноября на станцію Могилевъ прибылъ особый вагонъ комиссара службы движенія Риго-Орловской ж. д. „товарища" Куценко, бывшаго раньше простымъ слесаремъ дороги. Вагонъ его стоялъ рядомъ съ нашимъ. Сторожившіе насъ красноармейцы разрѣшили мнѣ пойти къ Куценкѣ. Онъ выслушалъ меня, но ничего не обѣщалъ; онъ держалъ себя важно и сухо и имѣлъ болѣе начальственный видъ, чѣмъ прежніе начальники — не слесаря, а инженеры. При мнѣ онъ принималъ служащихъ, и на одной изъ бумагъ, лежавшихъ на столѣ, я прочелъ его совершенно безграмотную резолюцію.

11 ноября вечеромъ насъ перевели изъ арестантскаго вагона на вокзалъ въ залъ I и II класса. Здѣсь мы размѣстились на стульяхъ и скамьяхъ, охраняемые нѣсколькими красноармейцами. О при-

чинахъ перевода у насъ ходили различныя версіи. Говорили, что насъ перевезутъ въ могилевскую тюрьму, такъ какъ красноармейцы желѣзнодорожнаго батальона отказались насъ сторожить. Они знали, что большинство изъ насъ служащіе желѣзныхъ дорогъ, и что намъ не предъявлено никакого обвиненія. Во всякомъ случаѣ, охранявшая насъ желѣзнодорожная стража была замѣнена стражею изъ другихъ красноармейцевъ. Около 12 часовъ ночи насъ перевели не въ тюрьму, а въ небольшую дамскую комнату. Здѣсь было трудно размѣститься тридцати человѣкамъ, но съ грѣхомъ пополамъ каждый изъ насъ нашелъ стулъ. Мы и провели ночь сидя на стульяхъ. Послѣ перевода въ дамскую комнату мы почувствовали, что почему то наступило измѣненіе нашего положенія, а именно стража не препятствовала намъ выходить въ залъ I кл. и буфетъ. Однако и 12 ноября утромъ насъ продолжали держать въ дамской комнатѣ, и только въ 12 часовъ пріѣхалъ важно, на автомобилѣ, третій членъ желѣзнодорожной чрезвычайки, фамиліи котораго я не знаю. Онъ объявилъ намъ, что мы свободны, и выдалъ намъ отобранные документы.

Послѣ освобожденія я обратился къ тому желѣзнодорожному служащему, у котораго я жилъ до ареста, съ просьбой вновь меня пріютить. Однако онъ на это не рѣшился; въ послѣднее время желѣзнодорожная чрезвычайка стала дѣлать обыски у желѣзнодорожныхъ служащихъ, ища у нихъ запасовъ муки и другихъ контръ-революціонныхъ предметовъ, поэтому онъ опасался меня принять, полагая, что и меня могутъ посчитать за контръ-революціонный предметъ. Въ тотъ же день мнѣ удалось устроиться у другого желѣзнодорожнаго служащаго. Онъ, по его словамъ, не боялся чрезвычайки, имѣя основаніе полагать, что его подчиненные его не выдадутъ. Онъ и его жена оказались очень милыми людьми. Хозяйка дома приняла во мнѣ большое участіе, за очень небольшую плату кормила меня хорошими обѣдами и доставала мнѣ по утрамъ отличное молоко.

Она и ея мужъ, а также другіе желѣзнодорожные служащіе, приходившіе къ нимъ, не разъ сравнивали время послѣ прихода большевиковъ съ временемъ, когда Могилевъ былъ въ рукахъ нѣмцевъ. Сравненіе это было рѣшительно въ пользу нѣмцевъ. При нихъ французская булка стоила 2 р. 50 к., а тотчасъ послѣ прихода большевиковъ цѣна возросла до 7 рублей. Въ той же пропорціи возросли и цѣны на всѣ остальные предметы продовольствія. Возрастаніе цѣнъ объяснялось всѣми слѣдующимъ образомъ. Близъ могилевскаго вокзала, находящагося далеко отъ города, имѣлись открытые лари или лавки, въ которыхъ продавались булки, хлѣбъ, баранки, молоко, яблоки и пр. Въ нѣмецкое время на вокзалѣ былъ полный порядокъ, торговцы свободно допускались къ своимъ ларямъ. Нѣмцы слѣдили только за чистотой передъ ларями и за внѣшнимъ порядкомъ. Когда появились большевики, то торговцы никогда не могли быть спокойными за свой товаръ: любой красноармеецъ отбиралъ все, что ему вздумается, и ни за что не платилъ. Вслѣдствіе этого, а также того, что по домамъ у торговцевъ производились реквизиціи муки, молока и пр., и необходимости все прятать, торговцы сразу повысили всѣ цѣны. То же явленіе мы наблюдали и въ другихъ городахъ на нашемъ пути, напр., въ Жлобинѣ и Быховѣ.

По вечерамъ я сидѣлъ дома, никакихъ дѣлъ у меня не было. Чтобы провести время, я занялся переводомъ стихотворенія Longfellow, случайно попавшаго въ мою записную книжку. Я его здѣсь привожу.

День прошелъ, и покровы
Падаютъ съ ночи крыла,
Какъ падаютъ перья съ крыльевъ,
Парящаго въ небѣ орла.

Я вижу свѣтъ въ деревнѣ, —
Онъ блеститъ сквозь туманъ и дождь;
А въ душѣ тоска и томленье,
И нѣтъ силъ, чтобы ихъ превозмочь.

Это чувство тоски такъ странно:
Будто боль заживающихъ ранъ.
Похоже оно на горе,
Какъ на дождь похожъ туманъ.

Простую красивую сказку
Иль поэму приди почитать,
Чтобы это тоскливое чувство
И мысли дня отогнать.

Не читай изъ великихъ поэтовъ,
Чьихъ стиховъ торжественный тонъ,
И слова, и шаги раздаются
Вдоль коридоровъ временъ.

Какъ звуки военнаго марша,
Ихъ пѣсни звучатъ, и съ собой
Несутъ они жизни волненья...
А сегодня мнѣ нуженъ покой.

Избери поскромнѣе поэта,
Чья пѣснь изъ груди лилась,
Какъ льется изъ тучъ лѣтній ливень,
Какъ льются слезы изъ глазъ.

Такой поэтъ въ дни работы,
Въ часы безпокойныхъ ночей,
Все-жъ музыку чудныхъ мелодій
Слышалъ въ душѣ своей,

И пѣснь его силу имѣетъ
Противъ буйнаго пульса заботъ,
И дастъ мнѣ она утѣшенье,
Какое молитва даетъ.

Прочти-жъ изъ завѣтной книги,
Что скромный поэтъ намъ поетъ.
Твой голосъ въ стихи поэта
Особую прелесть вольетъ.

Ночь будетъ полна этихъ звуковъ,
А заботы часовъ и минутъ,
Палатки сложивъ, какъ цыгане,
Крадучись, тихо уйдутъ.

За время пока я жилъ у моихъ хозяевъ, я присматривался къ жизни на станціи Могилевъ. Въ виду передвиженія нѣмцевъ по направленію къ Гомелю и очищенія ими русской территоріи, временно переѣздъ черезъ границу былъ закрытъ и рельсы передъ Дашковкой были разобраны. Приходившіе съ той и другой стороны санитарные поѣзда не передавались, а пассажиры должны были проходить пѣшкомъ или проѣзжать лошадьми разобранный участокъ.

Въ Могилевѣ, въ городѣ и на вокзалѣ, дѣйствовала еврейская компанія, бравшаяся за тысячу рублей съ физіономіи перевозить пассажировъ, съ гарантіей, что вещи даже не будутъ осмотрѣны. Не было сомнѣній, что соотвѣтственный комиссаръ былъ въ долѣ и получалъ мзду отъ этой компаніи.

Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ уѣхали на указанныхъ основаніяхъ и благополучно переѣхали черезъ границу. Однако представлялось желательнымъ проѣхать черезъ границу дешевле, безъ посредства еврейской компаніи, съ уплатою мзды однимъ комиссарамъ. Съ этою цѣлью Бекъ и Соловьевъ поѣхали 13 ноября въ деревню, лежавшую по пути къ Дашковкѣ, и дѣйствительно договорились тамъ, въ помѣщеніи пограничнаго комиссаріата, съ помощникомъ комиссара о переѣздѣ черезъ границу по 500 руб. съ пассажира. Выѣздъ въ Дашковку былъ назначенъ на 14 ноября утромъ. Въ этотъ день, очень рано утромъ, я забралъ свои вещи и поѣхалъ въ городъ Могилевъ къ Соловьеву, чтобы отъ него ѣхать дальше. Однако оказалось, что въ ночь на 14 ноября серьезно заболѣли жена и дѣти Соловьева, и поэтому выѣздъ пришлось отложить на неопредѣленное время. Я снова вернулся на свою квартиру. Черезъ нѣсколько часовъ мой хозяинъ, придя со службы, сообщилъ мнѣ, что поѣздъ № 7 только что прибылъ на станцію Могилевъ. Тотчасъ я отправился въ поѣздъ, и М. А. Гришпанъ согласился снова меня принять въ число пассажировъ, но мое мѣсто въ первомъ классѣ

было уже занято, и мнѣ отвели мѣсто въ вагонѣ II класса. Я долженъ здѣсь замѣтить, что отношеніе многихъ лицъ, остававшихся въ поѣздѣ, къ намъ, вернувшимся въ него послѣ неудачнаго отдѣльнаго путешествія, было самое гнусное, хотя мы передъ ними ничѣмъ не провинились, — развѣ тѣмъ, что послѣ нашего возвращенія (а возвратилось изъ 30 человѣкъ не болѣе 10 или 15) имъ пришлось немного потѣсниться.

Только 17 ноября, послѣ неоднократныхъ поѣздокъ Гришпана въ Дашковку для переговоровъ съ нѣмцами, нашъ поѣздъ двинулся. (Къ этому времени нѣмцы уже отошли къ Быхову). Не доѣзжая до Дашковки, поѣздъ нашъ былъ остановленъ. Оказалось, что наканунѣ большевики чѣмъ то не угодили нѣмцамъ и нѣмцы отказались уложить рельсы и пропустить насъ. Впрочемъ, я не увѣренъ, что дѣло обстояло такъ; вѣроятно, большевики не хотѣли насъ выпустить, такъ какъ составъ нашего поѣзда все еще нельзя было обмѣнять на соотвѣтственный составъ украинскаго поѣзда.

Отчаявшись въ возможности проѣхать на Украину черезъ Быховъ и Жлобинъ, начальникъ поѣзда избралъ другое направленіе, и 20 ноября нашъ поѣздъ направился изъ Могилева черезъ Оршу и Смоленскъ на Брянскъ и Михайловку. Пріѣхавъ въ Брянскъ, мы застали тамъ совѣтскаго чиновника Гоппнера и его помощника Румянцева, которые должны были на этомъ направленіи устроить обмѣнъ трехъ поѣздовъ: нашего, поѣзда украинскихъ консуловъ (петербургскаго — Веселовскаго и московскаго — Кривцова) и санитарнаго поѣзда № 10, — на равное число поѣздовъ, шедшихъ изъ Кіева съ консуломъ Совдепіи Мануильскимъ. Гоппнеръ заявилъ начальнику нашего поѣзда, что онъ не рискуетъ переправить насъ на Украину, такъ какъ здѣсь, на путяхъ Брянскъ - Унега - Гомель и Брянскъ - Зерново - Конотопъ, неспокойно: бродятъ банды, а также нѣмцы не соглашаются уложить разобранныя рельсы. Кромѣ того здѣсь, по слухамъ,

уже идетъ повстанческое движеніе подъ предводительствомъ Петлюры, который 19 ноября былъ освобожденъ гетманомъ изъ тюрьмы. Въ виду этого всѣмъ тремъ поѣздамъ пришлось вернуться по направленію къ Жлобину. Гоппнеръ увѣрялъ, что теперь съ нѣмцами уже достигнуто соглашеніе, что они возстановили разобранный путь у Буда-Кошелевской, между Жлобинымъ и Гомелемъ, и что намъ удастся проѣхать. 22 ноября мы выѣхали изъ Брянска черезъ Смоленскъ, Оршу и Могилевъ въ Жлобинъ, куда прибыли 24 ноября утромъ. За нами шли поѣздъ консуловъ и санитарный поѣздъ № 10.

На одной промежуточной станціи къ намъ вернулись дама и господинъ, оставившіе нашъ поѣздъ въ Витебскѣ и направившіеся не на Могилевъ, а на Брянскъ. По ихъ словамъ, они добрались до Зернова и здѣсь переѣхали черезъ границу. Передъ переѣздомъ багажъ ихъ былъ осмотрѣнъ большевиками. При этомъ было отобрано много вещей и 9 тысячъ рублей наличными деньгами. Пріѣхавъ на телѣгѣ на украинскую территорію, они не рѣшились ѣхать дальше, узнавъ, что тамъ грабятъ банды разбойниковъ. Поэтому они вернулись и сдали свой багажъ до Смоленска. Когда они пріѣхали въ Смоленскъ и пошли за своимъ багажомъ, чтобы ѣхать дальше, смоленская желѣзнодорожная чрезвычайка заинтересовалась этимъ багажомъ, и было отобрано еще нѣсколько вещей. Кромѣ того чрезвычайка заинтересовалась ихъ часами и бумажниками. Однимъ словомъ, они лишились еще нѣсколькихъ золотыхъ вещей и пяти тысячъ рублей. Не слѣдуетъ предполагать, что всѣ эти вещи и деньги пошли на пользу Совѣтской Россіи: въ Могилевѣ было извѣстно, что г. г. Дарскій и Сегаль отбирали наиболѣе интересныя и цѣнныя вещи для подарковъ знакомымъ дамамъ.

Въ Жлобинѣ, куда, какъ сказано, нашъ поѣздъ прибылъ 24 ноября, булки стоили только 5 руб. фунтъ. Низкая цѣна хлѣба объяснялась тѣмъ, что нѣмцы только что ушли изъ Жлобина, а больше-

вики только что пришли и еще не успѣли ввести свои порядки. Однако, они уже начали ихъ вводить. Я зашелъ въ аптекарскій магазинъ и здѣсь какъ разъ засталъ уходившихъ послѣ обыска красноармейцевъ. Хозяинъ магазина жаловался, что у него искали только оружіе, а взяли золотые часы и цѣпочку. Онъ кромѣ того ожидалъ реквизиціи аптекарскаго товара.

Простоявъ двое сутокъ въ Жлобинѣ, мы наконецъ двинулись 26 ноября по направленію къ пограничной станціи Будѣ - Кошелевской, гдѣ нѣмцы должны были собрать путь. Къ вечеру мы пришли въ Буду - Кошелевскую, но здѣсь снова произошла остановка, и только 27 ноября около 2-хъ часовъ дня мы, наконецъ, подошли къ самой границѣ, гдѣ состоялся размѣнъ поѣздовъ. Послѣ въѣзда на Украину всѣ пассажиры нашего поѣзда стали поздравлять другъ друга со счастливымъ исходомъ путешествія. Было радостно вырваться изъ соціалистическаго отечества.

29 ноября, послѣ нескончаемыхъ остановокъ на промежуточныхъ станціяхъ, мы пришли въ Гомель. Въ Гомелѣ вокзалъ оказался запруженнымъ. Съ большимъ трудомъ можно было протискаться на телеграфъ. Вокзалъ утопалъ въ грязи, какъ и всѣ вокзалы Совѣтской Россіи. Между тѣмъ по словамъ очевидцевъ, пока нѣмецкая армія не развалилась, на гомельскомъ вокзалѣ былъ полный порядокъ и чистота. Въ Гомелѣ нѣмцы еще оставались, но они ничѣмъ себя не проявляли и ихъ почти не было видно. Только кое гдѣ висѣли нѣмецкія вывѣски надъ дверьми помѣщеній занятыхъ нѣмецкими оффиціальными учрежденіями.

29 ноября изъ телеграммъ, появившихся на одной изъ станцій, я узналъ о бомбардировкѣ Кронштадта финскими войсками. Кромѣ того въ поѣздѣ говорили, что въ Ригѣ образовалась Латышская республика, и что подъ Бахмачемъ идетъ бой войскъ пана гетмана съ петлюровскими бандами.

Въ Гомелѣ въ нашъ поѣздъ сѣлъ нѣмецкій

офицеръ съ молодымъ адъютантомъ. Потомъ оказалось, что онъ инженеръ и завѣдуетъ мостами. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ, и потому я пригласилъ его въ наше купэ и угостилъ стаканомъ какао. Въ разговорѣ онъ призналъ, что нѣмцы, въ частности Императоръ Вильгельмъ, пожали то, что посѣяли, а именно большевизмъ; кромѣ того онъ говорилъ, что послѣднія побѣды союзныхъ войскъ объясняются не только дѣйствіемъ американскихъ танковъ, не только болгарскими и австрійскими неудачами, но главнымъ образомъ измѣненіемъ настроенія нѣмецкаго народа и солдатъ; по его словамъ, тутъ много значили русскія деньги, посылавшіяся совѣтскими дѣятелями въ Германію и разложившія германскую армію. Нѣмецкій офицеръ оказался антисемитомъ. По его мнѣнію, въ развалѣ не только Россіи, но и Германіи, въ значительной степени виноваты евреи. Въ составѣ новаго нѣмецкаго правительства половина евреевъ, напр. — Газе, Давидъ, Либкнехтъ и т. д. По словамъ офицера подъ Бахмачемъ войска гетмана хороши, они состоятъ почти только изъ офицеровъ, но ихъ очень мало.

Въ Нѣжинъ мы пришли 29 ноября около 5 часовъ вечера, а въ Кіевъ 30 ноября поздно вечеромъ.

Кіевъ въ концѣ 1918 г. и путешествіе въ Крымъ

Я попалъ въ Кіевъ 1 декабря 1918 года. Раньше всего я постарался отдать себѣ отчетъ въ происходящемъ на Украинѣ.

Уже въ вагонѣ изъ разныхъ обрывковъ разговоровъ и краткихъ газетныхъ свѣдѣній было ясно, что гетманъ и только что образовавшееся министерство стоятъ на платформѣ единой Россіи, а украинскіе самостійники ничего не желаютъ знать о Россіи и хотятъ только самостійной Украины, не входя въ федерацію съ Россіей. Между прочимъ ясно было, что самостійники даже косо смотрятъ на добровольческіе отряды, которые съ безмолвнаго согласія нѣмцевъ и по соглашенію гетмана съ генераломъ Деникинымъ уже съ лѣта формировались въ Кіевѣ. Здѣсь уже давно функціонировало бюро Добровольческой арміи, вызывавшее нападки самостійниковъ.

Политическое положеніе вскорѣ стало для меня вполнѣ яснымъ.

Въ концѣ октября произошелъ министерскій кризисъ. Какъ извѣстно, причиною кризиса послужила тогда записка десяти министровъ, предлагавшихъ измѣненіе политики по отношенію къ Россіи. Мнѣніе большинства министровъ тогда не восторжествовало, и протестанты вышли изъ кабинета, уступивъ мѣсто представителямъ украинскихъ самостійныхъ партій. Одержавшіе верхъ министры

самостійники потребовали между прочимъ освобожденія Петлюры изъ тюрьмы. Онъ былъ освобожденъ и немедленно послѣ того началъ повстанческое движеніе. Тогда кризисъ, можетъ быть и подъ вліяніемъ Деникина, пошелъ по другому, прямо противоположному направленію. Весьма осторожный подходъ къ вопросу о взаимоотношеніяхъ между Украиной и Россіей былъ воспринятъ новымъ министерствомъ, какъ „работа надъ возсозданіемъ единой Россіи на федеративныхъ началахъ". То, что нѣсколько недѣль назадъ отвергалось въ дозѣ минимальной во имя самостоятельности Украины, теперь принималось полностью. Вмѣсто самостоятельной Украины, разъ навсегда отрѣзанной отъ Россіи, — единая федеративная Россія.

Новое министерство довело до всеобщаго свѣдѣнія слѣдующее:

„Отъ совѣта министровъ украинской державы.

Вступивъ въ исполненіе своихъ обязанностей, совѣтъ министровъ украинской державы доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что ближайшими задачами его дѣятельности будутъ:

Первое. Работа надъ возсозданіемъ единой Россіи на федеративныхъ началахъ, съ сохраненіемъ за Украиною всѣхъ правъ на развитіе ея государственной и національной самобытности.

Второе. Сохраненіе и укрѣпленіе гражданскаго правопорядка на Украинѣ, что достижимо лишь при условіи огражденія державы отъ анархіи большевизма."

Одновременно новое министерство объявило о формированіи арміи и о мобилизаціи. Конечно, это объявленіе прежде всего получило отпоръ среди еврейскаго студенчества Кіевскаго Университета, настроеннаго большевицки и во всякомъ случаѣ не желавшаго подвергнуться мобилизаціи. Въ Университетѣ были сходки, а послѣ ихъ запрещенія, 15 ноября, толпа студентовъ, курсистокъ и другихъ лицъ, выкинувъ красный флагъ, двинулась съ пѣніемъ интернаціонала на Владимірскую улицу. Произошло столкновеніе этой толпы съ отрядомъ первой добровольческой офицерской дружины. Девять

демонстрантовъ было убито, а одиннадцать демонстрантовъ легко ранено.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было ясно, что послѣ ухода нѣмцевъ, безъ созданія своей арміи гетманскому правительству не устоять противъ большевизма, усердно насаждавшагося Мануильскимъ и другими совѣтскими агитаторами.

Правительство и все кіевское общество, конечно, ожидали помощи отъ союзниковъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ свѣдѣнія, появлявшіяся въ газетахъ. Такъ, напр., въ „Кіевской Мысли" 19 ноября были напечатаны слѣдующія сообщенія:

„Изъ вполнѣ авторитетныхъ источниковъ укр. телегр. агентству сообщаютъ, что украинскимъ правительствомъ получено слѣдующее извѣщеніе:

Переговоры въ Яссахъ привели къ благопріятнымъ для державы результатамъ. Союзныя войска немедленно вступаютъ на территорію Украины. Прибытіе ихъ передовыхъ эшелоновъ въ Кіевъ ожидается въ самые ближайшіе дни. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры къ подготовкѣ подвижного состава и увеличенію провозоспособности желѣзныхъ дорогъ для доставки союзныхъ силъ, а также для своевременной эвакуаціи германскихъ войскъ. Державы Согласія возлагаютъ отвѣтственность за сохраненіе порядка и спокойствія какъ на правительство, такъ и на самое населеніе державы."

„Изъ оффиціальныхъ источниковъ сообщаютъ о предстоящемъ на этихъ дняхъ прибытіи въ Кіевъ французскихъ воинскихъ частей. Кіевской военной администраціи поручено озаботиться подготовкою помѣщеній для воинскихъ частей доблестныхъ союзниковъ.

Намъ сообщаютъ, что въ Кіевъ, не позже чѣмъ черезъ 5-6 дней, долженъ прибыть изъ Одессы смѣшанный англо-французскій отрядъ.

Первыми въ городъ вступятъ англичане.

Общее количество союзныхъ войскъ, предназначенныхъ для Кіева, опредѣляется въ два полка."

Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что союзныя войска вовсе не пришли въ Кіевъ, а произошла смѣна сперва нѣмцевъ на украинцевъ, а затѣмъ украинцевъ на большевиковъ.

Украинцамъ самостійникамъ, небольшой но честолюбивой кучкѣ людей, возглавляемой посред-

ственнымъ романистомъ Винниченко и учителемъ Петлюрой, хотѣлось власти. Поэтому они выкинули большевицкіе лозунги и подняли возстаніе противъ гетмана и правительства.

Уже въ началѣ ноября или концѣ октября образовалась директорія подъ предсѣдательствомъ В. Винниченко, изъ членовъ — С. Петлюры, Ф. Швеця, П. Андріевскаго и А. Макаренко. Уже 21 листопада (ноября), т. е. почти непосредственно за освобожденіемъ Петлюры изъ тюрьмы, они опубликовали оповѣщеніе, въ которомъ заключались слѣдующія демагогическія обѣщанія:

„5) Одібрати землю у поміщиків і передати ії трудящим безземельним і малоземельним.

6) Повернути людям всі ті контрібуціі, що поздирали з них поміщики та глитаі.

7) Відновити всі ті права городського робочого клясу, які було здобуто за час революціі.

8) Поставити контроль робітників над фабриками та заводами, щоб капиталісти-фабриканти не мали змоги визискувати робітництво і все населення."

Дальше въ томъ же оповѣщеніи говорилось:

„Оце те найважніше, що мае зробити Директорія. Отож кожний повинен знати і памятати таке: гетьман хоче „единоі, неділимоі" Росіі, хоче оддати Украіну знов під власть російського царсько-поміщицького ладу, хоче панування поміщиків, і катуе селян та весь народ. Директорія хоче Самостійноі Украінськоі Народньоі Республіки без царів та гетьманів, хоче одняти землю у царів та передати на власть народові.

Отож хто хоче единоі неділимоі Росіі, той значить хоче собі гетьмана і поміщиків, а кто хоче Украінськоі Народньоі Республіки, той хоче землі трудящому людові і права народові."

Гетманское правительство, съ помощью нѣмцевъ, заставило мужичковъ возвращать помѣщикамъ добро, награбленное во время временнаго правительства и большевизма, а когда оно не могло быть возвращено, то оно отбиралось при помощи реквизицій.

Для увеличенія числа своихъ сторонниковъ

среди крестьянства, директорія уже 21 листопада опубликовала наказъ селянамъ № 1, въ которомъ было объявлено слѣдующее:

„1) Волосні Управи повині по волостях негайно зробити перепис живого та мертвого інвентаря — цеб то волів, корів, коней, свиней, овець, плугів, борів, молотилок, хліба в зерні, соломи та иншого добра у тих поміщиків та орендарів, на користь котрим було зроблено гетьманською владою реквізіції або контрибуції, і здати все це добро під росписку надійним людям на охорону, попередивши, що за розтрату добра буде велика кара; а також слідити за цим, щоб поміщики не продавали землі та не робили всяких запродажних та долгосрочних арендних договорів.“

Свое отношеніе къ союзникамъ и формированію на Украинѣ Добровольческой арміи для борьбы съ большевиками, директорія выяснила подписаннымъ главнымъ атаманомъ народныхъ республиканскихъ войскъ Петлюрою, 8 грудня 1918 года, наказомъ громадянамъ Украинской народной республики. Въ этомъ наказѣ находится слѣдующее запрещеніе:

„5) Забороняеться агітація устно і письмом за ввід на Украіну чужеземних військ, а також і формування військ на Украіні для инших краін;“

Впослѣдствіи, когда пришли большевики, директорія умоляла союзниковъ о вводѣ войскъ въ Кіевъ, но столь же безуспѣшно, какъ и гетманъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что во время борьбы гетмана съ Петлюрою, союзное или, вѣрнѣе, французское командованіе держало себя такъ же неопредѣленно, если не предательски, какъ оно держало себя позже, во время борьбы добровольцевъ съ большевиками въ Одессѣ, Николаевѣ, Херсонѣ и въ Крыму. Гетманъ велъ переговоры съ французскимъ командованіемъ черезъ французскаго консула Энно, роль котораго до сего времени не выяснена. Еще 10 декабря, почти непосредственно передъ занятіемъ Кіева Петлюрою, гетманъ не зналъ, поддержатъ ли его союзники. 10 декабря онъ телеграфировалъ въ Одессу генералу Рауху:

„Когда можно разсчитывать на приходъ въ Кіевъ хотя бы небольшихъ военныхъ силъ Согласія. Опредѣленно ли стоитъ Согласіе на почвѣ поддержанія меня и правительства, или есть противъ; въ послѣднемъ случаѣ, въ чемъ выражаются причины. Допускается ли дѣйствительно, что съ Петлюрой ведутся переговоры. Для спасенія страны необходимо рѣшительно вамъ настаивать: 1) на ясное категорическое немедленное заявленіе кого либо изъ высшаго командованія Согласія о томъ, что Согласіе насъ поддерживаетъ, и что Петлюра никогда успѣха имѣть не будетъ у Антанты. Сообщеніе должно быть сообщено нѣмцамъ — Оберкомандо и Совдепъ; въ Кіевѣ въ газетахъ; хорошо бы было и самому Петлюрѣ, какимъ либо путемъ. 2) На немедленной присылкѣ сюда военной комиссіи Антанты для изученія положенія дѣла, съ полномочіями. Послѣднее должно быть сдѣлано какъ можно скорѣе. 3) На присылкѣ хотя бы въ ближайшее время послѣ пріѣзда комиссіи минимальныхъ военныхъ силъ Согласія. Если эти условія выполнены не будутъ, въ ближайшее время Кіевъ и страна подвергнутся анархіи большевизма. Если условія будутъ выполнены, могу почти ручаться за успѣхъ. Прошу дѣйствовать крайне энергично. Жду скораго отвѣта.“

Телеграмма эта была перехвачена директоріей, которая телеграфировала Скоропадскому слѣдующее:

„1. На пріѣздъ представителей Согласія разсчитывать Вамъ врядъ ли умно, ибо таковые, очевидно не чувствуя особеннаго удовольствія лицезрѣть въ Кіевѣ пустое мѣсто, заняты въ настоящее време вопросомъ о томъ, какъ имъ войти въ соглашеніе съ Директоріею.

2. Нѣмецкія охраненія, съ помощью которыхъ Вы изволили величать себя гетьманомъ, въ большинствѣ случаевъ уже выѣхали за границу Украины по собственному желанію. Тѣ же изъ нихъ, которые думали оказать Вамъ поддержку, обезоруживаются и высылаются въ Германію.

3. Разсчитывать на скорый приходъ союзныхъ силъ еще болѣе не умно, ибо таковыхъ на Украинѣ нѣтъ, кромѣ прислуги того корабля, который привезъ въ Одессу союзническую миссію.

Если бы они и были, то продвинуться къ Вамъ, даже при искреннемъ желаніи, не смогли бы, ибо всѣ пути на Украинѣ заняты войсками Директоріи Украинской Народной Республики, которыя твердо рѣшили поступать со всѣми врагами У. Н. Р. такъ же, какъ поступили съ тѣми, кто до сихъ поръ охранялъ Васъ.“

Въ № 1 газеты „Ставка“, оффиціальнаго органа директоріи, отъ 17 декабря 1918 г., напечатано между прочимъ, что еще въ ноябрѣ

„виїхала до Яс місія від Укр. Національному Союзу, яка повернулася і повідомила Діректорію що із переговорів виявилося, **що Держави Антанти вже наперед вирішили, що Украіна, як і Фінляндія, мусить бути самостійною народньою республікою.“**

Нѣмецкія войска, находившіяся на Украинѣ, дѣйствовали приблизительно такъ же, какъ французское командованіе, т. е. неопредѣленно или даже предательски. Полки же гетмана передавались директоріи, такъ что вскорѣ вѣрнымъ гетману оставался только Кіевъ, защищаемый небольшой кучкой добровольцевъ, главнымъ образомъ офицеровъ.

Живя въ Кіевѣ со 2 декабря, мнѣ нельзя было думать о поѣздкѣ въ Крымъ. Дорога между Лозовой и Крымомъ была занята бандами Махно, грабившими пассажировъ, подъ Кіевомъ шли бои добровольцевъ съ петлюровцами, а дорога на Одессу также была занята, такъ какъ въ самой Одессѣ тоже было неспокойно. Французское командованіе заняло опредѣленную зону порта, въ городѣ дѣйствовали части Добровольческой арміи, а подступы къ Одессѣ были заняты петлюровцами. Жизнь въ Кіевѣ шла довольно нормально, такъ какъ порядокъ поддерживали не только „вартою“, но и нѣмецкими войсками.

Большинство моихъ знакомыхъ сперва возлагали надежды на помощь нѣмцевъ, затѣмъ на помощь союзниковъ. На гетманское войско мало было надежды. Мобилизація, объявленная гетманомъ, дала даже въ Кіевѣ самые плачевные результаты. По мѣрѣ того какъ къ Кіеву подступали петлюровцы, постепенно сокращался подвозъ продовольствія и жизнь дорожала. Тѣмъ не менѣе улицы былы полны народа. По ночамъ только была иногда слышна канонада и утромъ на базарахъ изрѣдка подбирали убитыхъ. Гетманская власть строго относилась къ газетнымъ извѣстіямъ. По газетамъ все обстояло благополучно, и со дня на день ожидалась ликви-

дація петлюровской авантюры, то съ помощью нѣмцевъ, то съ помощью союзныхъ войскъ, все ожидавшихся со дня на день. Несмотря на тревожное время, на кіевской биржѣ можно было купить одинъ англійскій фунтъ за 32 рубля. Догадливые люди могли разбогатѣть впослѣдствіи, купивъ тогда англійскіе фунты за свои керенки или карбованцы Украинской республики.

Дальнѣйшія событія извѣстны: 15 декабря въ Кіевъ вошли войска Петлюры. Гетманъ Скоропадскій нашелъ пріютъ у нѣмцевъ, и подъ видомъ больного нѣмецкаго офицера былъ вывезенъ въ Германію, а командовавшій въ послѣднее время добровольцами, защищавшими Кіевъ, графъ Келлеръ, не пожелавшій спасаться у нѣмцевъ, былъ убитъ на улицѣ. Выходъ русскихъ газетъ былъ запрещенъ, и выходили только газеты на украинскомъ языкѣ. Вся администрація министерствъ была смѣнена и замѣнена „щирыми украинцами". Остатки добровольцевъ, защищавшихъ Кіевъ, были согнаны въ театръ, и петлюровцы показали, какъ слѣдуетъ обращаться съ врагами соціалистическихъ правительствъ: согнавъ офицеровъ добровольцевъ въ театръ, они на чердакъ бросили бомбу. Тѣ добровольцы, которыхъ не удалось убить взрывомъ бомбы, были черезъ нѣсколько дней отправлены въ Германію, якобы для того, чтобы уберечь ихъ отъ неминуемой расправы со стороны украинской толпы.

Гоненіе на все русское принимало все большіе размѣры и становилось все болѣе явственнымъ и даже безстыднымъ. Въ Кіевѣ появился Грушевскій и былъ избранъ въ члены Академіи наукъ, вскорѣ принявшей постановленіе о печатаніи трудовъ Академіи на украинскомъ языкѣ и на любомъ иностранномъ языкѣ, за исключеніемъ русскаго. Въ концѣ декабря появилось распоряженіе о снятіи въ 24 часа всѣхъ вывѣсокъ на русскомъ языкѣ и замѣнѣ ихъ украинскими. Это распоряженіе дѣйствительно было приведено въ исполненіе. Всѣ русскія вывѣски были сняты, но нѣмецкія тщательно оста-

влялись на мѣстахъ. Нѣмцы еще не ушли изъ Кіева, были вооружены, и снятіе нѣмецкихъ вывѣсокъ было сопряжено съ нѣкоторою опасностью для украинскихъ войскъ, привыкшихъ воевать только съ безоружнымъ населеніемъ.

Будучи занято распоряженіями о снятіи русскихъ вывѣсокъ, украинское правительство не замѣтило роста большевизма въ разныхъ городахъ Украины. Между тѣмъ московское правительство не дремало. Оно ввозило на Украину вновь напечатанныя царскія деньги, а также „керенки", и съ ихъ помощью производило въ разныхъ мѣстахъ вспышки мѣстнаго большевизма. Когда въ какомъ либо городѣ мѣстные большевики захватывали власть, тогда появлялись комиссары изъ Москвы, начинала дѣйствовать чрезвычайка и проч. Такъ уже въ концѣ декабря Харьковъ сталъ большевицкимъ.

Въ правительствѣ произошелъ расколъ. Винниченко стоялъ за соглашеніе съ Москвою и за введеніе явно большевицкаго режима на Украинѣ, а прочіе члены правительства стремились къ соглашенію съ союзниками и полученію отъ нихъ военной помощи. Какое изъ этихъ двухъ теченій получило преобладаніе, я не знаю.

Для меня съ каждымъ днемъ становилось яснѣе близкое осуществленіе того, что я предсказывалъ съ самаго начала — смѣну самостійнаго правительства большевицкимъ. Поэтому, несмотря на нездоровье, я упаковалъ свои вещи и сталъ готовиться къ отъѣзду въ Одессу.

Въ то время, да и раньше, на Украинѣ нѣкоторые люди дѣлали головокружительныя карьеры. Между прочимъ, министромъ Путей Сообщенія былъ назначенъ очень милый молодой человѣкъ, инженеръ Филипчукъ или, по-украински, Пилипчук, окончившій Институтъ Путей Сообщенія въ декабрѣ 1917 года. Онъ принялъ во мнѣ участіе и выхлопоталъ мнѣ мѣсто въ спеціальномъ поѣздѣ, въ которомъ эвакуировались изъ Кіева въ Одессу итальянцы. Во избѣжаніе возможныхъ въ дорогѣ

недоразумѣній, инж. Филипчукъ выдалъ мнѣ особое удостовѣреніе.

Выѣхавъ изъ Кіева поздно вечеромъ 31 декабря, я черезъ сутки прибылъ въ Одессу.

Въ это время Одесса вся была занята добровольцами и французами. Петлюровцы стояли недалеко отъ Одессы и здѣсь останавливали всѣ поѣзда, шедшіе изъ Кіева, за исключеніемъ только консульскихъ поѣздовъ. Поѣзда тщательно осматривались: искали оружія и офицеровъ-добровольцевъ, причемъ, конечно, не обходилось безъ простого грабительства. Пассажиры должны были выгружать свои вещи, нанимать извозчиковъ и такимъ способомъ доѣзжать до Одессы.

Въ виду того, что только консульскіе поѣзда доходили до Одессы, на вокзалѣ, занятомъ французской стражею, не было ни носильщиковъ, ни извозчиковъ. Мнѣ пришлось переночевать на вокзалѣ, а на другое утро я отправился въ городъ.

Только черезъ 10 дней, по особой протекціи, мнѣ удалось получить билетъ на проѣздъ въ Ялту на пароходѣ Константинъ, отходившемъ изъ Одессы 16 января. Въ Ялту я пріѣхалъ 18-го, а 19-го — въ Алушту.

Въ это время стоимость проѣзда была уже довольно высока: проѣздъ на пароходѣ отъ Одессы до Ялты стоилъ 144 р. (въ I классѣ) безъ продовольствія, а экипажъ отъ Ялты до Алушты 300 р.

Я долженъ отмѣтить, что за все время пребыванія въ Кіевѣ и Одессѣ мнѣ было особенно пріятно сознаніе безопасности и увѣренность, что ночью никто не придетъ съ обыскомъ.

Позже я узналъ, что въ моей петербургской квартирѣ въ концѣ ноября или началѣ декабря былъ обыскъ. Мой письменный столъ былъ взломанъ, и при этомъ нѣкоторыя вещи пропали. Обыскъ, вѣроятно, закончился бы моимъ арестомъ, если бъ я не уѣхалъ. Повидимому, этотъ обыскъ былъ послѣдствіемъ объявленія внѣ закона кадетской партіи, хотя съ 1906 года я не принималъ въ ней участія.

Жизнь въ Крыму въ 1919 и 1920 годахъ

Имѣніе Семидворье, въ которомъ я прожилъ съ января 1919 года до октября 1920 года, находится въ Крыму на самомъ берегу Чернаго моря, въ разстояніи отъ г. Алушты около шести верстъ, считая по берегу. Проѣхать туда можно по Алушто-Судакскому шоссе; на одиннадцатой верстѣ съ шоссе надо свернуть къ морю по грунтовой дорогѣ, проложенной мною въ 1906 году. До войны въ Семидворье можно было проѣхать отъ Алушты въ парномъ экипажѣ за четыре-пять руб. Это было въ тѣ блаженныя времена, когда парные извозчики изъ Симферополя въ Алушту, за разстояніе около 70-и верстъ, брали всего восемь или десять рублей.

Имѣніе расположено на южномъ склонѣ балки, по которой протекаетъ горная рѣчка Тапшанъ-Гя, берущая начало у подножья горы Демерджи и имѣющая длину около пяти верстъ. Называется имѣніе Семидворьемъ потому, что въ балкѣ прежде было семь дворовъ, въ которыхъ жили греки; въ концѣ XVIII вѣка, а можетъ быть и раньше, эти греки были вырѣзаны турками. Я раскапывалъ одинъ изъ этихъ дворовъ: стѣны оказались сложенными насухо изъ неоколотыхъ камней, найдено много битыхъ черепковъ отъ глиняныхъ кувшиновъ и черепицы особенной формы, относящейся къ VIII-XIV вв. по Р. Х. На окрестныхъ горахъ, особенно на горѣ Малбѣ, имѣются древнія могилы, такъ называемые каменные ящики, относящіяся къ

VI-I вв. до Р. Х. Нѣкоторыя изъ нихъ также были мною раскопаны, и результаты раскопокъ были напечатаны въ трудахъ Императорской Археологической Комиссіи за 1914 годъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Замѣтки по археологіи Крыма".

Семидворье имѣетъ глинистую почву съ примѣсью шифера и состоитъ изъ двухъ участковъ. Первый изъ нихъ, собственно Семидворье, имѣетъ площадь около трехъ десятинъ, выходитъ на море по ширинѣ 90 саженей и тянется по южному склону балки по длинѣ около 250 саженей.

Въ имѣніи построено два маленькихъ дома: одинъ для семейнаго садовника и другой для рабочихъ съ двумя комнатами для хозяевъ. Около одного изъ домовъ разбитъ довольно большой декоративный садъ съ различными субъ-тропическими деревьями и кустами. Украшеніемъ этого сада до 1907 года было очень большое и очень старое шелковичное дерево, о которомъ упоминается во многихъ описаніяхъ Крыма, но въ 1907 году оно было сломлено бурей.

Второй участокъ имѣнія, Харатанъ, имѣетъ площадь около одной десятины и лежитъ выше по теченію рѣчки въ той же балкѣ. Рѣчка имѣетъ большое паденіе — около 4-хъ саж. на 100 саж. длины. Лѣтомъ она совершенно пересыхаетъ и представляетъ изъ себя, съ мая по сентябрь, какъ бы мостовую. Во время ливней, обыкновенно случающихся въ іюлѣ или августѣ, рѣчка сразу наполняется водой, которая идетъ стѣною или валомъ, несетъ съ собою камни и деревья и сноситъ все, что ей попадается на дорогѣ; на другой день послѣ ливня ложе рѣчки бываетъ опять совершенно сухимъ.

На обоихъ участкахъ прежде разводился табакъ. Когда въ рѣчкѣ бывала вода, т. е. весною, прежніе владѣльцы поливали табакъ оросительными канавами. Послѣ посадки на нижнемъ участкѣ около 2.000 штукъ карликовыхъ грушевыхъ деревьевъ, конечно, надо было озаботиться ихъ

поливкою не только весною, но и лѣтомъ. Между тѣмъ, лѣтомъ въ рѣчкѣ не было воды, и нечѣмъ было поливать груши. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось прибѣгнуть къ совершенно новому, и раньше нигдѣ не примѣнявшемуся, способу орошенія, который я считаю своимъ изобрѣтеніемъ.

Этотъ способъ былъ описанъ мною въ журналѣ „Плодоводство" за 1909 годъ и въ журналѣ „Водное Дѣло" за 1910 годъ. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ. Подъ слоемъ гальки и камней, представляющихъ ложе рѣчки, и подъ глинистой почвой всей балки или долины лежитъ шиферная скала, составляющая подпочву балки. На основаніи разныхъ соображеній я пришелъ къ заключенію, что во всей балкѣ, особенно подъ ложемъ рѣчки, имѣется какъ бы подземный потокъ воды, текущій по шиферной подпочвѣ и не исчезающій даже лѣтомъ при продолжительномъ бездождьѣ. Эту воду и надобно было получить изъ ложа рѣчки такимъ образомъ, чтобы она притекала въ нашу оросительную канаву самотекомъ и могла бы разводиться по всему участку. Для этого, лѣтомъ 1909 года, въ узкомъ мѣстѣ балки, выше нижняго участка, я перегородилъ все ложе рѣчки подземной бетонной стѣнкой на цементномъ растворѣ, уперевъ ея концы въ шиферные берега балки; устроилъ передъ стѣнкой, съ верхней ея стороны, небольшой водосборный колодезь, вставилъ въ стѣнку трубопроводъ изъ бетонныхъ четырехъ-дюймовыхъ трубъ, и вывелъ этотъ трубопроводъ къ верхнему устью оросительной канавы. Кромѣ того вся оросительная канава была бетонирована. Нельзя было терять воду, притекающую по трубопроводу ночью, когда поливка не производится. Поэтому въ верхней части нижняго участка былъ устроенъ желѣзобетонный бассейнъ емкостью 3.500 ведеръ. Въ бассейнъ этотъ вода можетъ подаваться основной оросительной канавой, а опорожняется онъ въ нижнюю канаву, разводящую воду по всему участку.

Всѣ работы были закончены осенью 1909 года.

Вся система орошенія совершенно исправно дѣйствовала до осени 1920 года, хотя стоимость всѣхъ работъ была только 785 рублей.

Надо сказать, что жизнь въ Семидворьѣ была чрезвычайно однообразна. До Алушты было шесть верстъ по береговой тропѣ, проложенной вдоль берега. Пройти пѣшкомъ эти шесть верстъ мнѣ было трудно, такъ какъ въ 1919 году мнѣ было уже 64 года отъ роду. Поэтому я могъ добираться до Алушты только однимъ способомъ — верхомъ на ослицѣ. Послѣ революціи никто больше не заботился о ремонтѣ береговой тропы, которая мѣстами шла по крутымъ откосамъ; ѣздить верхомъ по ней было не совсѣмъ безопасно, поэтому всегда приходилось ѣздить въ Алушту въ сопровожденіи рабочаго. Алушта — маленькій городокъ, болѣе похожій на село, съ населеніемъ около 10.000 человѣкъ, базаромъ и небольшимъ числомъ лавокъ. Знакомыхъ въ Алуштѣ у меня было всего двѣ семьи. Библіотека имѣлась только въ училищѣ при церкви, но книгъ было въ ней мало; въ единственной книжной лавкѣ книгъ было еще меньше. Со времени войны или съ начала революціи, когда въ Алушту стали стекаться бѣженцы, въ ней была основана и гимназія, но въ ней было немного учениковъ и немного учителей. У директора гимназіи А. К. Сынопалова была довольно большая библіотека, и онъ иногда ссужалъ мнѣ книги. Я не могъ часто пользоваться ослицей для поѣздокъ въ Алушту, такъ какъ у этой самой ослицы было много другого дѣла: на ея спинѣ, при помощи переметныхъ сумъ, доставлялась въ Семидворье изъ Алушты вся такъ называемая сухая провизія, т. е. мука, крупа, сахаръ, чай, кофе и т. д. За мукой иногда приходилось ѣздить въ деревню Демерджи, лежащую выше Алушто-Судакскаго шоссе, въ шести верстахъ отъ берега.

Сосѣдей у насъ было очень мало: въ верстѣ, вверхъ по нашей рѣчкѣ, жилъ одинъ татаринъ съ женой, въ трехъ верстахъ по берегу въ сторону

Судака былъ небольшой хуторъ Сотеры помѣщика Козлова, а въ шести верстахъ — его же имѣніе Куру-Узень. Однообразіе жизни въ Семидворьѣ скрашивалось только чудесной природой. Домъ былъ расположенъ всего въ 50 саженяхъ отъ берега моря; изъ оконъ дома былъ виденъ широкій его просторъ, весь берегъ до Алушты и дальше до выступающаго въ море Аю-Дага. Прогулки были возможны либо по береговой тропѣ, либо по дорогѣ въ гору до шоссе. Жили мы очень бѣдно, такъ какъ денегъ было мало, а фруктовый садъ давалъ незначительный доходъ. Мы почти никогда не ѣли мяса, коровы у насъ, конечно, не было, и мы получали молоко только съ поздней осени до ранней весны, когда стада спускались къ морю и можно было доставать козье молоко у чабановъ.

Когда я покупалъ и устраивалъ Семидворье, я напередъ зналъ съ достовѣрностью, что это имѣніе, какъ большинство имѣній въ Крыму, никогда не будетъ приносить никакого дохода. При покупкѣ и устройствѣ Семидворья у меня была та же цѣль, какъ при устройствѣ моей дачи на берегу моря въ Теріокахъ: на безплодномъ небольшомъ уголкѣ земли съ помощью моихъ знаній и изобрѣтательности (правда, наемнымъ трудомъ) украсить этотъ уголокъ земли и создать на немъ прекрасный садъ, посадить рѣдкіе деревья, кусты и цвѣты, однимъ словомъ — быть въ Крыму, въ маломъ масштабѣ, послѣдователемъ тѣхъ благородныхъ людей, которые создали Никитскій садъ, Гурзуфскій паркъ, садъ въ Алупкѣ и проч.

Для этой цѣли, приходилось какъ мнѣ, такъ и моему совладѣльцу — мужу моей сестры, ежегодно затрачивать всѣ наши сбереженія, получавшіяся вслѣдствіе очень скромной жизни въ Петербургѣ. Результаты были довольно хорошіе. Не получая ровно никакого дохода отъ нашихъ грушъ и яблокъ, мы получили за наши фрукты въ 1913 году большую золотую медаль на выставкѣ плодоводства въ Петербургѣ.

Когда въ 1919 и 1920 годахъ я жилъ въ Семидворьѣ, оно мнѣ казалось тюрьмою вслѣдствіе его отрѣзанности отъ всего остального міра; и это — несмотря на чудный садъ, море, солнце, красивую долину нашей рѣчки и горный видъ съ горою Демерджи. Но, конечно, теперь, въ изгнаніи, Семидворье и весь южный берегъ Крыма кажутся мнѣ чѣмъ то въ родѣ утеряннаго навсегда земного рая.

И дѣйствительно, южный берегъ Крыма чуденъ по своей красотѣ. Въ 1910 году я ѣздилъ въ Италію, былъ въ Неаполѣ, Соренто, на Капри,— и изъ Италіи проѣхалъ въ Крымъ. Я вспоминаю, что когда я по верхнему шоссе подъѣзжалъ изъ Ялты къ Гурзуфу, то видъ на Гурзуфъ съ его мечетью, садами и скалами, показался мнѣ значительно болѣе красивымъ, чѣмъ все видѣнное мною въ Италіи. Тяжело вспомнить о томъ, что и южный берегъ Крыма попалъ подъ мертвящую власть папуасовъ, способныхъ на то, чтобы все разрушить, все остричь подъ одну гребенку, задушить все въ своихъ чиновничьихъ лапахъ, но не способныхъ ничего создать.

Ко времени моего пріѣзда во всемъ Крыму уже не было ни одного нѣмца, а власть генерала Сулькевича уже смѣнилась властью Крымскаго краевого правительства.

О нѣмецкомъ времени крымскіе жители вспоминали безъ неудовольствія; повидимому, нѣмцы вели себя вполнѣ удовлетворительно. Когда они пришли смѣнить большевиковъ, ихъ встрѣтили, какъ избавителей. Нѣкоторыя свѣдѣнія о кратковременномъ пребываніи нѣмцевъ въ Крыму я получилъ еще въ Кіевѣ, изъ купленной въ нѣмецкомъ книжномъ магазинѣ книги участника похода нѣмцевъ въ Украину и Крымъ, подъ заглавіемъ „Durch Ukraine und Krim, von D-r Fritz Wertheimer“. Stuttgart 1918.

Когда я пріѣхалъ въ Крымъ, цѣны на предметы продовольствія стояли не высокія: фунтъ

сахара 4 р. 50 к., фунтъ манной крупы 3 руб. Цѣны эти постепенно повышались, но медленно. Порядокъ поддерживался чинами милиціи, но надо сказать, что власти никакой не чувствовалось. Отъ января до марта 1919 года мы жили довольно спокойно, не опасаясь прихода большевиковъ. Въ Крыму была произведена мобилизація офицеровъ, прошедшая довольно благополучно.

Вскорѣ однако я получилъ изъ Севастополя слѣдующее письмо отъ жены офицера-добровольца, указавшее мнѣ, что дѣла Добровольческой арміи въ Крыму обстоятъ не важно.

„Постараюсь разсказать по порядку свои впечатлѣнія. Пріѣхавъ сюда и проживъ нѣсколько дней, пришлось жестоко разочароваться въ Добровольческой арміи. Поразила меня страшная безалаберщина, царящая во всѣхъ ея учрежденіяхъ. Это — армія, которая проситъ, а не приказываетъ, и потому не имѣетъ никакого авторитета. Въ городѣ, несмотря на обиліе союзниковъ, настроеніе самое большевицкое, и, идя на рынокъ или въ какое нибудь подобное учрежденіе, не рекомендуется говорить, что ты жена добровольца; даже сами добровольцы спокойнѣе себя чувствуютъ въ штатскомъ платьѣ. По словамъ тѣхъ офицеровъ, которые были на фронтѣ, серьезныхъ боевъ не бываетъ: выпускаютъ нѣсколько снарядовъ, и противникъ бѣжитъ. Успѣхи Добров. арміи на крымскомъ фронтѣ объясняются тѣмъ, что большевики немногочисленны и столь же неорганизованны, какъ и добровольцы. Я еще не встрѣчала ни одного офицера, который служилъ бы охотно; благодаря этому большинство „ловчитъ", т. е. ничего не дѣлаетъ, а болѣе добросовѣстные, хотя и работаютъ, но очень не торопясь. Вообще здѣшнее офицерство мало къ себѣ располагаетъ, много приходится слышать о разныхъ не очень чистыхъ дѣлахъ, въ связи съ продажей и куплей казеннаго имущества. Все, что я пишу, касается исключительно Добровольческой арміи Крыма. Говорятъ, что въ другихъ арміяхъ все обстоитъ иначе, въ особенно-

сти хвалятъ армію Колчака. Можетъ быть всѣ эти краски слишкомъ черны и всѣ эти печальные факты случайны, но таковы мои севастопольскія впечатлѣнія. Французовъ въ городѣ много, они снуютъ повсюду и очень энергично выталкиваютъ толпящуюся демократію изъ общественныхъ мѣстъ, какъ вокзалъ и т. п. Есть греки и англичане. Вчера англичане дефилировали по городу въ числѣ 300 человѣкъ.

„Теперь разскажу о событіяхъ послѣднихъ дней, которыя для насъ довольно непріятны. 12 марта распространились по городу зловѣщіе слухи о полной забастовкѣ и возстаніи портовыхъ рабочихъ (ихъ 13.000). Причина забастовки слѣдующая. Рабочіе требовали открытія портовыхъ работъ; работы начались, но принято было только 200 человѣкъ и работа была исключительно на Добров. армію, противъ которой рабочіе возстановлены. Возможно, что забастуютъ и желѣзная дорога и пароходы, а слѣдовательно мы будемъ отрѣзаны отъ всего міра. Я уже писала, что паркъ переводится въ Симферополь, и что вся артиллерія и часть полка туда уже переѣхали; осталось здѣсь всего четыре офицера для ликвидаціи дѣлъ. Итакъ, — перспектива остаться наединѣ съ большевицкой слободкой, которая уже давно обѣщала вырѣзать добровольцевъ. Имѣя какъ защиту только винтовки безъ патроновъ, наши офицеры рѣшили испаряться на ночь въ городъ. Вотъ уже три ночи, какъ ночуемъ въ гостиницѣ. Должна сказать, что слухи о полной забастовкѣ рабочихъ не оправдались, бастуютъ только портовые рабочіе. Уѣзжаемъ же на ночь потому, что съ 10 вечера до 6 утра катеръ и безъ забастовки не ходитъ. Вчера, 13 марта, въ годовщину революціи, ожидалось выступленіе. Французы и англичане приготовились. По городу разъѣзжали конные патрули, были разставлены пулеметы и даже орудія; но къ вечеру почему то ихъ убрали, хотя охрана продолжалась. На Добр. армію никто не идетъ работать; для погрузки снарядовъ нужны

были люди, — вчера нѣсколько татаръ согласились за 30 рубл. въ день, но сегодня утромъ уже отказались, видимо струсили, и наши грузятъ собственными силами. Все это довольно непріятно, хотя особенно серьезныхъ событій благодаря союзникамъ не предвидится. Впрочемъ, завтра мы уѣдемъ въ Симферополь; думаю, что тамъ будетъ спокойнѣе".

Газеты, выходившія въ Крыму, возлагали необыкновенно большія надежды на помощь союзниковъ, хотя иногда въ нихъ и проскальзывали свѣдѣнія о тяжеломъ положеніи въ Парижѣ оффиціальнаго представительства, посланнаго туда генераломъ Деникинымъ. Это тяжелое положеніе объяснялось, повидимому, наличіемъ въ Парижѣ представителей всѣхъ новообразовавшихся окраинныхъ государствъ, развившихъ кипучую дѣятельность во вредъ „единой и недѣлимой Россіи". 25 марта въ крымскихъ газетахъ сообщалось о прибытіи въ Севастополь греческаго десанта въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, продефилировавшаго по улицамъ города. Въ тотъ же день сообщалось о прибытіи въ Севастополь главнокомандующаго союзными силами на востокѣ генерала Франше д'Еспере и главнокомандующаго морскими силами союзниковъ генерала Аметта, а также о пріемѣ генераломъ Франше д'Еспере генераловъ Боровскаго и Пархомова, премьеръ-министра Крымскаго правительства С. С. Крыма, министра юстиціи В. Д. Набокова и министра внѣшнихъ сношеній М. М. Винавера. Въ газетахъ сообщалось, что генералъ Франше д'Еспере выразилъ свое удовлетвореніе по поводу того, что ему придется работать съ правильно организованнымъ правительствомъ. Далѣе сообщалось о посылкѣ генераломъ Франше д'Еспере одного военнаго судна въ Хорлы, а другого въ Геническъ и о посадкѣ въ Салоникахъ на суда сербской дивизіи, вмѣстѣ съ которой будто бы отправляется королевичъ Александръ.

Позднѣе мы узнали, что при встрѣчѣ съ членами правительства ген. Франше д'Еспере либо не

выражалъ никакого удовлетворенія, либо не зналъ, какъ постыдно онъ завтра предастъ Крымское правительство. А еще позднѣе мы также узнали, что въ Салоникахъ не было никакой посадки сербскихъ войскъ, и что въ сербской Скупщинѣ ораторы настаивали на невозможности оказать помощь Добровольческой арміи, такъ какъ и большевицкая армія — русскіе, съ которыми сербскія войска не могутъ воевать.

Газеты продолжали обнадеживать населеніе. Еще 6 апрѣля вышла газета, „Таврическій Голосъ“, съ благопріятными извѣстіями, — а 11 апрѣля не только Симферополь и Севастополь, но и Алушта были заняты красными.

Послѣ этого вся жизнь замерла. У въѣзда въ Алушту былъ сразу установленъ шлагбаумъ, и рѣдкихъ прохожихъ и проѣзжихъ какіе то красные чиновники и солдаты стали останавливать, допрашивать, разсматривать документы и проч. Въ первые же дни были заняты большія имѣнія въ районѣ Алушты и было образовано особое правительственное учрежденіе для управленія этими имѣніями. Одинъ изъ занятыхъ частныхъ домовъ сразу наполнился откуда то появившимися чиновниками и барышнями, очевидно мѣстными, начавшими строчить какія то бумаги и стучать на машинкахъ. Вообще правительственный аппаратъ получилъ необычайно широкое развитіе. Тѣ правительственныя функціи, которыя раньше выполнялись двумя-тремя чиновниками, теперь потребовали огромнаго штата служащихъ. Однако, нѣкоторыя прежнія учрежденія, какъ напр. банкъ, продолжали функціонировать съ прежними служащими, но, конечно, подъ надзоромъ нѣскольких новыхъ чиновниковъ. Мѣстная пограничная стража получила также необыкновенное развитіе и стала заниматься охраною берега отъ нападенія бѣлогвардейцевъ и иностранныхъ капиталистовъ.

31 мая въ Семидворье пришли двое посланцевъ отъ алуштинскаго военкома съ объявленіемъ,

что они должны занять одинъ изъ нашихъ домовъ. Одинъ изъ пришедшихъ, бывшій офицеръ, немного стѣснялся, а другой, татаринъ, стѣснялся очень мало. На другой день пришелъ еще одинъ татаринъ по дѣлу о занятіи дома, — ждалъ чего то цѣлый день, а къ вечеру ушелъ. Еще черезъ день появились двадцать человѣкъ красноармейцевъ, для нихъ привезли провизію и кровати, и они устроились въ одномъ изъ нашихъ домовъ. Среди нихъ происходила частая смѣна выборнаго начальства; дисциплины, конечно, не было никакой. Съ первыхъ же дней солдаты ежедневно ходили въ ближайшую отъ насъ кошару для реквизиціи козьяго молока; однако это удовольствіе продолжалось недолго, такъ какъ чабаны угнали свои стада въ горы. По вечерамъ солдаты проходили дозоромъ мимо нашего дома въ садъ, вверхъ по рѣчкѣ, для того, чтобы искать врага. Врага они конечно не находили, но зато выкапывали въ огородѣ молодой картофель и ѣли черешни. Днемъ они обыкновенно забавлялись стрѣльбой съ береговой террасы по дельфинамъ. На этой террасѣ они поочередно дежурили и говорили нашей кухаркѣ, что они ожидаютъ нападенія бѣлогвардейцевъ или иностранныхъ капиталистовъ со стороны моря.

Въ воскресенье 22 іюня было получено извѣстіе о томъ, что добровольцы уже находятся въ Судакѣ, а вечеромъ въ морѣ, довольно близко отъ берега, появился какой то пароходъ, съ блестѣвшимъ на солнцѣ привязнымъ шаромъ. Дойдя до Алушты, онъ снова вернулся и пошелъ по направленію къ Судаку. Во время его прохода наши красноармейцы сидѣли на деревьяхъ, прятались за ними и запрещали намъ выходить на берегъ потому, что пароходъ будто бы идетъ съ чернымъ флагомъ, указывающимъ на имѣющуюся на борту эпидемію. Въ воскресенье же нашъ садовникъ ходилъ въ Алушту и сообщилъ, что коммунисты уже вывозятъ свои семьи изъ Алушты и Ялты въ Симферополь; газетъ не было и не было писемъ въ

нашемъ почтовомъ ящикѣ; вечеромъ, никому не позволяли гулять по набережной. Наша кухарка разговаривала съ однимъ изъ красноармейцевъ, бывшимъ парикмахеромъ, и онъ ей сказалъ: „васъ всѣхъ, не только хозяевъ, но и служащихъ, за контръ-революціонность надо бы поставить къ стѣнкѣ“.

Слѣдуетъ сказать, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ мы обращались въ алуштинскій военно-революціонный комитетъ съ жалобой на поведеніе красноармейцевъ; вслѣдствіе этого, какъ разъ въ воскресенье, къ намъ былъ присланъ новый взводный Бобаковъ съ помощникомъ. Повидимому, онъ привезъ красноармейцамъ тревожныя извѣстія; по крайней мѣрѣ, у нихъ было замѣтно смятеніе. Въ 11 часовъ вечера Бобаковъ подходилъ къ двери нашего дома и объявилъ: „Мы уходимъ черезъ два часа. Есть дурные люди, берегитесь“. Я отвѣтилъ, что мы будемъ осторожны. Послѣ нѣсколько тревожной ночи, въ понедѣльникъ 23 іюня, рано утромъ, мы съ садовникомъ пошли осматривать садъ. Оказалось, что домъ, въ которомъ жили красноармейцы, пустъ, и что на береговой террасѣ надъ моремъ лежитъ мертвый Бобаковъ въ крови, съ большой раной отъ револьвернаго выстрѣла въ правый високъ. Можетъ быть красноармейцы убили его, а можетъ быть онъ самъ покончилъ съ собой. Дѣло въ томъ, что онъ только что вернулся изъ Венгріи, изъ австрійскаго плѣна, и пробылъ только двѣ недѣли въ Алуштѣ; поступивъ въ красную армію, онъ вѣроятно увидѣлъ, что снова попалъ въ передѣлку: снова явилась необходимость куда то бѣжать изъ родной Алушты, и онъ рѣшилъ покончить съ собой.

Въ тотъ же день мы дали знать въ Алушту о смерти Бобакова, и оттуда пришли его мать и отецъ. Позже пришелъ нѣкій Муратовъ, бывшій адъютантъ краснаго командира охраны г. Алушты, и сказалъ, что онъ ѣдетъ делегатомъ къ добровольцамъ. Онъ выдалъ намъ такое свидѣтельство:

„Трупъ застрѣлившагося красноармейца можете отдать родственникамъ, а револьверъ системы Ногана съ пятью патронами оставить себѣ на храненіе“.

Во вторникъ пріѣхали два офицера въ погонахъ Добровольческой арміи съ Муратовымъ. Они разсказали, что добровольцы подходятъ къ Симферополю, что сами они провели десять дней на южномъ берегу, и что послѣ ихъ доклада было поведено наступленіе и красная армія бѣжала.

Муратовъ объяснялъ, что онъ всегда былъ добровольцемъ, но представлялся красноармейцемъ. Многіе красноармейцы какимъ то способомъ были зачислены въ Добровольческую армію и уже во вторникъ приходили за своими вещами.

Конечно, мы были несказанно рады произошедшей перемѣнѣ, особенно потому, что стало возможнымъ гулять въ саду не слыша площадной брани, до того времени висѣвшей въ воздухѣ. Смѣна красноармейцевъ на добровольцевъ произошла вообще какъ то необыкновенно быстро: еще въ четвергъ 19 іюня въ Симферополѣ вышла газета „Крымскій Коммунистъ“. Въ ней сообщалось о взятіи Деникинымъ Купянска и объ угрожаемомъ четырехугольникѣ — Гуляй-Поле, Пологи, Александровскъ, Лозовая. Днемъ раньше было сообщеніе о взятіи Уфы красной арміей и о томъ, что взяты три ряда окоповъ подъ Керчью, и что остатки „добровольческихъ бандъ“ бѣгутъ къ Керчи.

Во вторникъ вечеромъ пришелъ изъ Алушты нашъ садовникъ. Онъ разсказалъ, что передъ Алуштой стоятъ русскій и англійскій пароходы, и что англійскіе офицеры и матросы ходятъ по набережной.

Въ четвергъ 26-го намъ уже привезли слѣдующій приказъ № 1 командира эскадреннаго миноносца „Живой“ отъ 11 іюня по ст. ст.:

„Именемъ Верховнаго Правителя земли Русской и Верховнаго Главнокомандующаго Адмирала Колчака объявляю городъ Алушту съ сего числа занятымъ и присоединеннымъ къ славной и героической Добровольческой арміи, не жалѣющей никакихъ

силъ на возстановленіе великой, единой и недѣлимой Россіи.

Приказываю населенію немедленно сдать все огнестрѣльное оружіе. Комендантомъ города назначаю прапорщика Радоничева. Всякое неповиновеніе законнымъ властямъ будетъ караться со всей строгостью законовъ военнаго времени. Коменданту города предлагаю немедленно зарегистрировать всѣхъ офицеровъ, гардемаринъ и юнкеровъ, проживающихъ въ Алуштѣ.

Капитанъ 2 ранга Кисловскій".

Слѣдуетъ замѣтить, что назначенный комендантомъ г. Алушты Радоничевъ былъ раньше краснымъ комендантомъ г. Алушты, а его помощникомъ былъ упомянутый выше Муратовъ. Оба они какъ то вдругъ перелицовались, а вмѣстѣ съ ними перелицовались и очень многіе изъ жившихъ у насъ красноармейцевъ, которые до того все время вели себя какъ настоящіе коммунисты и, забирая у насъ разныя вещи, овощи и фрукты, всегда заявляли, что теперь все „народное" и имъ принадлежитъ. Можетъ быть Радоничевъ и Муратовъ были въ душѣ бѣлыми, но всѣ красноармейцы были въ душѣ красными, или же просто обезьянами.

Добровольцы, вступивъ во власть въ Алуштѣ, совершенно не расправлялись ни съ кѣмъ изъ служившихъ у красныхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ въ деревняхъ, которые понесли легкое наказаніе шомполами.

Во вторникъ 29 іюня (нов. ст.) я ѣздилъ въ Алушту. На берегу гуляли англійскіе офицеры, а на рейдѣ передъ Алуштой стоялъ англійскій миноносецъ Montrose, съ котораго прогремѣлъ 21 выстрѣлъ по случаю только что послѣдовавшаго подписанія предварительнаго мирнаго договора съ Германіей.

Изъ газетъ и изъ разсказовъ разныхъ лицъ я узналъ, что добровольцы уже давно заняли Симферополь, и что большевики уже оттѣснены за Джонгарскій мостъ (на Сивашѣ). Также я узналъ, что войска генерала Деникина уже заняли Харьковъ,

Екатеринославъ, Полтаву, Лозовую и Синельниково. Изъ Крыма большевики бѣжали къ Алешкамъ и за Днѣпръ.

Около 3-хъ часовъ на алуштинскомъ молѣ состоялось молебствіе въ присутствіи командира Montrose, капитана Гольдсмита, и пріемъ имъ делегацій отъ русскихъ, татаръ и евреевъ. Послѣ этого я поѣхалъ съ капитаномъ Гольдсмитомъ на Montrose. Онъ разсказалъ мнѣ о дѣйствіяхъ французовъ въ Одессѣ и о помощи добровольцамъ, оказанной его миноносцемъ, обстрѣлявшимъ позиціи красныхъ у Таганаша, и другими англійскими судами, обстрѣлявшими Геническъ. Вспоминая дѣйствія французовъ подъ Одессой, капитанъ Гольдсмитъ говорилъ о возможности въ будущемъ союза Германіи съ Россіей и о новой войнѣ черезъ двадцать лѣтъ. На его вопросъ о томъ, какъ я себѣ представляю будущее устройство Россіи, я отвѣтилъ, что лучше всего было бы объявить англійскій протекторатъ надъ Крымомъ до появленія новыхъ Минина и Пожарскаго, которые могли бы править Россіей. Припоминаю, что мы еще говорили о всеобщемъ голосованіи, и что я рѣшительно высказался противъ допущенія къ голосованію неграмотныхъ людей.

Послѣ овладѣнія добровольцами южнымъ берегомъ, жизнь сразу перемѣнилась: все вдругъ оживилось, на рынкѣ снова появились давно исчезнувшіе продукты, и по берегу, бывшему совершенно пустыннымъ во время большевиковъ, снова появились прохожіе. Вообще жизнь потекла такъ, какъ текла раньше прихода красныхъ, т. е. раньше того, какъ она завяла вслѣдствіе примѣненія къ ней теоріи соціализма.

Въ очень скоромъ времени послѣ прихода Добровольческой арміи въ Крымъ, населеніе стало предъявлять къ добровольческому управленію требованія удешевить продукты, заботиться о продовольствіи населенія, о доставкѣ муки на базары. И дѣйствительно, вскорѣ въ Алуштѣ была открыта

продовольственная лавка, въ которой продукты, какъ напр. мука, сахаръ, кофе, чай, продавались по сравнительно очень дешевымъ цѣнамъ. Но, конечно, очень скоро стали слышаться нареканія. Впрочемъ, эти нареканія высказывались довольно рѣдко, пока дѣла на добровольческомъ фронтѣ шли хорошо и пока въ городахъ южной Россіи стоимость рубля была не слишкомъ низка. Напр. 25 октября ст. ст. въ Симферополѣ были еще слѣдующія цѣны на иностранную валюту: 1 англ. фунтъ стоилъ 900 рубл., 1 франкъ — 20 рубл., 1 германская марка — 9 р. 75 к. Въ то же время номеръ газеты въ Одессѣ стоилъ 2 р. 50 коп.

Конечно, всѣ особенно возликовали тогда, когда 6 ноября въ Алуштѣ былъ полученъ номеръ газеты „Ялтинскій Вечеръ“ отъ 5 ноября, въ которомъ было напечатано извѣстіе о взятіи С.-Петербурга войсками генерала Юденича. 7 ноября въ алуштинской церкви было отслужено благодарственное молебствіе, при чемъ церковь была полна молящихся.

Тогда же, осенью 1919 года, я началъ думать о возможности переѣзда въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ, занятыхъ Добровольческой арміей, для того, чтобы возобновить тамъ техническую или учебную дѣятельность. Въ это же время я получилъ нѣсколько предложеній. Въ сентябрѣ меня приглашали въ Ростовъ на Дону въ качествѣ члена Малаго Совѣта при Военно-Техническомъ Совѣтѣ по возстановленію промышленности областей, занятыхъ Добровольческой арміей. При этомъ указано было жалованіе въ 3100 рубл. въ мѣсяцъ и право реквизировать комнату. 15 октября я получилъ телеграфный запросъ о согласіи принять должность ректора Одесскаго Политехническаго Института съ оплатой въ 6 тысячъ рубл. ежемѣсячно. Въ этой телеграммѣ, на мои опасенія о возможности занятія Одессы большевиками, было указано, что „основаній безпокойства нѣтъ“. Около того же времени пришло предложеніе изъ Управленія по сооруженію жел. дор. въ Крыму, отъ В. К. Константинова за-

нять должность старшаго инспектора по постройкѣ желѣзной дороги. Тогда же Управленіе путей сообщенія пригласило меня въ качествѣ консультанта по водно-шоссейной части Крыма съ жалованьемъ въ 3 тысячи рублей.

Изъ всѣхъ этихъ предложеній я избралъ и принялъ послѣднее, такъ какъ тогда для меня уже выяснилась возможность занятія Одессы и Ростова большевиками; при томъ, оставаясь въ Крыму, я избавлялся отъ неудобныхъ переѣздовъ въ Ростовъ и Одессу.

Я долженъ сказать, что кромѣ моего содержанія консультанта, я иногда получалъ нѣсколько фунтовъ сахара и крупы, а жалованье мое постепенно повышали, такъ что лѣтомъ 1920 года я получалъ уже 30 тысячъ рубл. въ мѣсяцъ. Но въ то же время курсъ валюты все увеличивался: осенью 1919 г. одинъ франкъ стоилъ около 20 руб., а осенью 1920 г. тотъ же франкъ стоилъ около 2.000 р.

Весною 1920 года оказались оползни въ нѣсколькихъ мѣстахъ казеннаго шоссе на участкѣ Симферополь-Алушта. Бывшій тогда начальникомъ крымскихъ шоссе А. К. Дондо обратился ко мнѣ съ просьбой изслѣдовать причины оползня въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Алушты у деревни Шумы.

Я занялся этимъ и пришелъ къ заключенію, что оползень въ этомъ мѣстѣ, вѣроятно, объясняется недостаточно быстрымъ стокомъ дождевыхъ водъ съ поверхности земли и просачиваніемъ этихъ водъ внутрь того массива земли, который и производилъ оползень. Для устраненія оползня, по моему мнѣнію, нужно было начать съ прорытія двухъ глубокихъ канавъ, съ цѣлью отвода дождевой воды отъ упомянутаго выше массива. Работа эта была очень небольшая, но когда я составилъ смѣту, то стоимость работы оказалась чрезвычайно высокой. Это объяснялось высокими цѣнами, бывшими въ то время не только въ городахъ Крыма, но и въ такихъ небольшихъ деревняхъ, какъ Шума. Хозяинъ, татаринъ, у котораго я остановился въ Шумѣ для

ночевки, бралъ съ меня двѣсти пятьдесятъ рублей за бутылку молока, сто пятьдесятъ рублей за одно яйцо, пятьдесятъ руб. за постановку самовара, а проѣздъ отъ Алушты до Шумы на подводѣ въ одну лошадь обходился въ три тысячи пятьсотъ рублей. Рабочіе получали въ сутки около двухъ тысячъ рублей.

Вслѣдствіе разныхъ причинъ работа по вырытію канавъ нѣсколько задержалась до времени моего отъѣзда изъ Крыма, такъ что я не знаю результата произведенной работы и даже не знаю, была ли она закончена раньше занятія Крыма большевиками.

Служа консультантомъ, я продолжалъ жить въ Семидворьѣ. Здѣсь, кромѣ общей тревоги за исходъ военныхъ дѣйствій между добровольцами и большевиками, у насъ появилась тревога домашняя. Дѣло въ томъ, что съ начала лѣта въ разныхъ мѣстахъ около Алушты появились „зеленые", производившіе нападенія на усадьбы помѣщиковъ и садовладѣльцевъ. Эти зеленые представляли изъ себя сбродъ татаръ и русскихъ, главнымъ образомъ дезертировъ, которые держались въ горахъ, были хорошо вооружены и иногда сами называли себя передовыми отрядами совѣтскихъ войскъ. Мѣстное татарское населеніе нерѣдко укрывало ихъ въ деревняхъ.

Первоначально зеленые производили нападенія на садовладѣльцевъ болѣе возвышенныхъ частей Алуштинскаго района, около деревни Корбеклы и другихъ. Но въ іюлѣ стало слышно о нападеніяхъ и на приморскія имѣнія, такъ, напр., на имѣніе Куру-Узень Козлова, при чемъ на это послѣднее имѣніе напала большая шайка вооруженныхъ людей, уведшихъ съ собою какъ самого Козлова, такъ и жившаго у него его знакомаго. Положеніе стало довольно непріятнымъ, и мы должны были ожидать, что нападеніе будетъ сдѣлано и на насъ.

12 августа въ Семидворье пришли въ гости изъ Алушты профессоръ Симферопольскаго университе-

та Б. съ женой. Пришли они послѣ обѣда и разсчитывали у насъ переночевать. Около половины восьмого мы сидѣли за ужиномъ, — трое мужчинъ и двѣ дамы, на террасѣ около дома. Тутъ же былъ и садовникъ, только что пришедшій изъ Алушты и сдавшій деньги, полученныя имъ за проданные фрукты; помощникъ садовника въ это время уже спалъ въ другомъ домѣ.

Внезапно мы, сидя за столомъ, оказались окруженными бандой, состоявшей изъ восьми человѣкъ русскихъ и татаръ, вооруженныхъ ружьями и револьверами. Наша собака, всегда съ лаемъ бросавшаяся на всѣхъ незнакомыхъ, на этотъ разъ оказалась въ отсутствіи и явилась только на слѣдующій день.

Окружившіе насъ люди закричали „руки вверхъ", и намъ оставалось только подчиниться этому требованію. Затѣмъ всѣхъ насъ отвели въ небольшое помѣщеніе, имѣвшееся около кухни, гдѣ уже раньше была заперта кухарка. Зеленые принялись хозяйничать въ домѣ, а именно укладывать въ наши чемоданы и портъ-пледы всѣ нравившіяся имъ наши вещи, т. е. платье, сапоги, шубы, пальто, часы и драгоцѣнности моей сестры.

Послѣ того какъ мы пробыли нѣкоторое время взаперти, грабители пришли и стали выпускать насъ поочередно. Когда пришла моя очередь и я вышелъ, то оказалось, что они уже успѣли снять сапоги съ садовника и профессора Б. Съ меня они сняли верхнее платье и сапоги. Я нисколько не противился и сказалъ имъ, что вторую пару моихъ сапогъ они могутъ найти въ моей комнатѣ, но что я рѣшительно протестую противъ отнятія сапогъ у проф. Б., который долженъ вернуться за шесть верстъ по берегу въ Алушту и не привыкъ ходить по камнямъ, а также у садовника, которому сапоги очень нужны. Къ моему удивленію, они вернули сапоги обоимъ, какъ проф. Б., такъ и садовнику. Почему то они стали насъ убѣждать, что имъ въ горахъ и въ лѣсу крайне нужны всѣ наши

вещи, такъ какъ имъ приходится жить подъ открытымъ небомъ, часто голодать и по ночамъ страдать отъ холода.

Отобравъ всю нашу одежду, они насъ снова заперли, сказавъ, что кухарка насъ выпуститъ послѣ того какъ они уйдутъ. Дѣйствительно, оказалось, что уходя они отперли кухню и отдали ключъ отъ нашего помѣщенія кухаркѣ, сказавъ, чтобы она насъ выпустила не раньше, какъ черезъ четверть часа послѣ ихъ ухода.

Послѣ того какъ мы были выпущены, мы могли убѣдиться, что изъ дома утащены всѣ наши самыя необходимыя вещи. Къ счастью, у насъ остались еще вещи, случайно находившіяся въ другомъ домѣ. У меня лично еще оставались нѣкоторыя вещи въ Алуштѣ, въ комнатѣ, которую я тамъ нанималъ на случай пріѣзда.

О какомъ либо преслѣдованіи зеленыхъ, конечно, не было и рѣчи. Ночь послѣ этого мы провели довольно спокойно, такъ какъ знали, что уже почти нечего грабить, и что зеленые во второй разъ не придутъ.

На другое утро профессоръ Б. съ женой ушли въ Алушту и я отправился съ ними, для того чтобы заявить коменданту о бывшемъ на насъ нападеніи. Послѣ этого нападенія мнѣ Крымъ пересталъ нравиться, и я написалъ въ Парижъ одному знакомому съ просьбою прислать мнѣ немного франковъ для выѣзда изъ Крыма.

Уже въ концѣ августа я получилъ эти деньги и началъ усиленно готовиться къ выѣзду. При этомъ мнѣ пришлось возобновить кое какія части моего костюма. Для того чтобы дать понятіе о тогдашнихъ цѣнахъ, скажу, что за довольно плохое осеннее пальто я долженъ былъ заплатить 250 тысячъ рубл., что, впрочемъ, составляло только 105 франц. франковъ. Обѣдъ въ Ялтѣ, состоящій изъ тарелки борща и тарелки пшенной каши, стоилъ 2.400 рубл., а пароходный билетъ I класса съ ѣдой отъ Севастополя до Константинополя стоилъ 532 ты-

сячи рубл. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это же время жалованье младшихъ офицеровъ, напр. поручиковъ, составляло только отъ 30 до 40 тысячъ рублей въ мѣсяцъ, такъ что они, пріѣхавъ въ Ялту или Севастополь, могли на эти деньги пообѣдать не больше двѣнадцати разъ.

Хлопоты по полученію разрѣшенія на выѣздъ въ Парижъ и заграничнаго паспорта заняли у меня еще нѣкоторое время. Попрежнему живя въ Семидворьѣ, читая газеты, я все больше убѣждался въ томъ, что Крымъ не продержится долго. Это мое убѣжденіе было нѣсколько поколеблено такимъ обстоятельствомъ.

Генералъ П. Н. Врангель какъ разъ въ это время добился того, что изъ Парижа была прислана особая миссія во главѣ съ графомъ Мартелемъ. О цѣли этой миссіи мало было извѣстно, но все-таки шла молва, что Франція снова рѣшила помогать бѣлому движенію. Кромѣ того ген. Врангель въ это же время вызвалъ изъ Парижа нѣсколькихъ русскихъ финансовыхъ и общественныхъ дѣятелей, для обсужденія вмѣстѣ съ ними финансоваго положенія Крыма и бѣлой арміи. На пріемѣ этихъ финансовыхъ дѣятелей ген. Врангель произнесъ большую рѣчь, обошедшую всѣ крымскія газеты, о стратегическомъ положеніи Крыма и объ укрѣпленіяхъ Перекопскаго перешейка. Въ этой рѣчи онъ заявилъ, что Крымъ представляетъ изъ себя неприступную крѣпость, и при томъ неприступную не только для арміи большевиковъ, но и для дисциплинированной арміи любого европейскаго правительства.

Для чего эта рѣчь была сказана, до сегодняшняго дня остается неяснымъ.

Я все же продолжалъ приготовленія для выѣзда заграницу, хотя и допускалъ, что Крымъ не будетъ въ ближайшее время занятъ большевиками.

Приготовившись окончательно къ выѣзду, я отправился 1/14 октября изъ Семидворья въ Алушту. 4/17 я переѣхалъ изъ Алушты до Ялты на пароходѣ.

Оказалось, что въ Ялтѣ никто не думалъ о возможности занятія Крыма большевиками.

Ту же картину, какъ въ Ялтѣ, я засталъ въ Севастополѣ. Всѣ вѣрили рѣчи генерала Врангеля и разсуждали не о выѣздѣ, а только о томъ, что они будутъ дѣлать черезъ годъ и чѣмъ заниматься.

Въ субботу 10/23 октября нашъ пароходъ Константинъ вышелъ изъ Севастополя въ Константинополь. На пароходѣ я засталъ между прочимъ двухъ возвращавшихся въ Парижъ членовъ того совѣщанія, которое ген. Врангель увѣрилъ, что Крымъ есть неприступная крѣпость. На томъ же пароходѣ ѣхалъ въ Бѣлградъ за женой Э. Б. Войновскій-Кригеръ, послѣдній министръ Путей Сообщенія царскаго правительства; его ген. Врангель только что пригласилъ занять постъ министра Путей Сообщенія Крымскаго правительства.

Когда я прибылъ въ Бѣлградъ, я узналъ о занятіи Крыма большевиками, о совершившейся эвакуаціи войскъ и гражданскаго населенія, а также о массовыхъ разстрѣлахъ, произведенныхъ большевиками послѣ занятія Крыма. Говорятъ, что по приказу Троцкаго и Бэла Куна въ Крыму было разстрѣляно чуть ли не 40 тысячъ человѣкъ. Слѣдуетъ замѣтить, что населеніе Крыма не очень опасалось прихода большевиковъ, такъ какъ приходъ ихъ весною 1919 года не ознаменовался жестокостями. Тогда Крымъ былъ занятъ главнымъ образомъ мѣстными большевиками, менѣе кровожадными, чѣмъ центральная большевицкая власть. Кромѣ того тогда большевики провладѣли Крымомъ только два мѣсяца и, можетъ быть, не успѣли развернуться. Между прочими изъ моихъ близкихъ знакомыхъ былъ разстрѣлянъ инженеръ Матрёнинскій. Онъ не могъ выѣхать, такъ какъ былъ обремененъ большой семьей. Эта потеря человѣка, отличавшагося необыкновенной добротой и отзывчивостью, съ которымъ я часто видѣлся въ Ялтѣ и Севастополѣ, была для меня особенно чувствительна.

После моего отъѣзда, на Семидворье было совершено еще одно нападенье зеленыхъ, при которомъ были утащены еще нѣкоторыя вещи. Послѣ этого мой зять и сестра, остававшіеся жить въ Семидворьѣ, перебрались жить въ Алушту, а въ Семидворьѣ оставался садовникъ.

Въ Алуштѣ извѣстіе объ эвакуаціи Ялты было получено поздно, и успѣть выѣхать оттуда было почти невозможно. Я остался бъ навѣрное въ „неприступной крѣпости", если бъ не выѣхалъ заблаговременно. По слухамъ, нѣсколько лицъ, не успѣвшихъ эвакуироваться, были въ Алуштѣ разстрѣляны.

О всеобщемъ голосованіи

Въ послѣднее время, особенно среди русской эмиграціи, много говорятъ о кризисѣ и банкротствѣ науки и о кризисѣ и банкротствѣ демократіи.

Только люди, сравнительно мало знакомые съ успѣхами точныхъ наукъ и съ ихъ достиженіями за послѣднее время, могутъ говорить о банкротствѣ науки. Поэтому я не буду на этомъ останавливаться. Что же касается кризиса и банкротства демократіи, то по моему мнѣнію ихъ совсѣмъ нѣтъ, а есть только кризисъ и банкротство всеобщаго избирательнаго права.

Въ большинствѣ странъ къ избирательнымъ урнамъ допускаются неграмотные люди, ничего не знающіе ни о политикѣ, ни объ экономикѣ страны, а также слишкомъ молодые люди съ неустановившимся міровоззрѣніемъ.

Отъ народныхъ избранниковъ, членовъ парламента, не требуется ни ценза, ни стажа. Въ парламентахъ, ихъ члены обыкновенно не работаютъ, а занимаются краснобайствомъ.

Слѣдующіе два факта заставили меня особенно сильно усомниться въ правильности существующей практики избирательнаго права.

Фактъ первый. Когда осенью 1917 года шли приготовленія къ выборамъ въ Учредительное Собраніе и политическія партіи выпустили списки своихъ кандидатовъ подъ различными номерами,

моя горничная просила меня объяснить ей въ общихъ чертахъ сущность разныхъ списковъ. Когда я это выполнилъ, она мнѣ сказала: „я подамъ голосъ за шестой номеръ (это былъ списокъ большевиковъ); у насъ на дворѣ говорятъ, что онъ самый счастливый“. Очевидно, у нея было представленіе, что избраніе представителей въ Учредительное Собраніе было чѣмъ то въ родѣ лотереи.

Второй фактъ. Въ 1901 году, на первомъ курсѣ Института инженеровъ Путей Сообщенія былъ студентъ N. Онъ занимался очень плохо, и когда я, въ качествѣ инспектора, вызвалъ его для объясненій, то выяснилось, что онъ не можетъ заставить себя заняться математикой, а цѣлыми днями лежитъ на диванѣ и читаетъ романы. Онъ не былъ переведенъ на второй курсъ и долженъ былъ оставить Институтъ. Послѣ этого онъ поступилъ въ студію Московскаго Художественнаго театра и на сценѣ игралъ дворниковъ. Затѣмъ онъ съ грѣхомъ пополамъ кончилъ курсъ юридическаго факультета и уѣхалъ въ свой родной городъ Вольскъ. Не будучи способенъ къ труду, онъ поступилъ въ партію трудовиковъ и былъ избранъ во 2-ую Государственную Думу. Я былъ крайне удивленъ, когда онъ явился въ Петербургъ уже въ качествѣ народнаго представителя; у меня тогда сильно поколебалось уваженіе къ народному представительству. Позже г. N пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность тѣмъ, что въ Кисловодскѣ убилъ свою жену въ припадкѣ ревности или прогрессивнаго паралича, которымъ онъ страдалъ.

По моему мнѣнію, необразованные и малограмотные люди должны быть совершенно лишены права голосованія. Только нѣкоторый уровень образованія можетъ давать право участія въ голосованіяхъ.

Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что Христосъ былъ распятъ на основаніи всеобщаго голосованія еврейской толпы, кричавшей — распни его и отдай намъ Варавву!

Въ вопросѣ о всеобщемъ голосованіи я не одинокъ. Карлейль говоритъ:

„Относительно голосованія я признаю такое правило: нѣтъ рѣшенія невѣжественныхъ людей, которое не приносило бы съ собой вреда во всякое время и во всякой странѣ. Вотъ истина: у нихъ не должно быть права голоса. Очевидно, что если бы можно было совершенно устранить ихъ голоса и допустить только голоса героевъ и свободныхъ людей, то безуміе, плутовство, глупость и низость, если и не исчезли бы съ лица земли, то свелись бы въ человѣческихъ дѣлахъ къ минимуму. Тогда и наступила бы дѣйствительно новая эра и дѣла дѣйствительно достойныхъ людей.“

Какъ могутъ участвовать въ выборахъ неграмотные люди, не могущіе отличить одного партійнаго списка отъ другого, люди не читающіе газетъ, люди ничего не понимающіе ни въ политикѣ, ни въ финансахъ, люди, которыхъ ничего не стоитъ обмануть безсовѣстнымъ агитаторамъ?

Какъ неминуема гибель корабля, лишеннаго консервативнаго балласта и переданнаго безумному экипажу, такъ мнѣ кажется неминуемой гибель государства, управляемаго парламентомъ, избраннымъ неграмотной толпою, готовой „ради похоти и хлѣба на все святое посягнуть“.

Слѣдовало бы во всякомъ случаѣ взвѣшивать голоса, т. е. принять практику такъ называемаго плюральнаго голосованія, считая голоса болѣе образованныхъ людей имѣющими значительно большій вѣсъ, чѣмъ голоса людей мало образованныхъ.

Я думаю, что въ скоромъ времени во всей Европѣ должна будетъ измѣниться не только система выборовъ, въ смыслѣ предоставленія большаго числа голосовъ болѣе образованной части избирателей: самая парламентская практика должна измѣниться въ такомъ направленіи, чтобы отнять возможность у парламентскихъ краснобаевъ и разныхъ avocats sans cause задерживать словопреніями законодательную работу. Для этого, можетъ быть, слѣдуетъ ограничить въ парламентахъ произнесеніе

рѣчей, замѣнивъ ихъ работою въ комиссіяхъ и разсмотрѣніемъ печатныхъ мемуаровъ, составленныхъ отдѣльными членами парламента. Это ускоритъ все производство и дастъ возможность нерѣчистымъ, но дѣльнымъ, членамъ парламентовъ оказывать большее вліяніе на ходъ дѣлъ.

Предсказанія Владиміра Соловьева

У насъ принято думать, что Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій былъ ясновидящимъ и, особенно въ „Бѣсахъ“, предсказалъ всѣ судьбы Россіи; но мало кто вспоминаетъ о предсказаніяхъ, заключающихся въ „Трехъ разговорахъ“ Владиміра Соловьева. Такъ, напримѣръ, Политикъ тамъ говоритъ: „Я все-таки увѣренъ, что такого безумія, какъ новая война съ Турціей, мы не увидимъ, а если бы увидѣли, то всякому патріоту пришлось бы съ отчаяніемъ сказать про Россію: „кого боги хотятъ погубить, того они сперва сводятъ съ ума“.

Какъ извѣстно, въ 1915/16 году Россія снова воевала съ Турціей и погибла.

Тотъ же Политикъ говоритъ далѣе: „Всѣ эти господа, перорирующіе противъ Европы и нашего европеизма, никакъ не могутъ удержаться на точкѣ зрѣнія нашей греко-славянской самобытности, а сейчасъ же съ головой уходятъ въ исповѣданіе и проповѣданіе какой то китайщины, буддизма и тибетизма и всякой индійско-монгольской азіатчины“.

Развѣ это не есть предсказаніе о евразійцахъ?

Я привелъ исполнившіяся предсказанія, но къ сожалѣнію въ „Трехъ разговорахъ“ есть и не исполнившіяся предсказанія, которыя, повидимому, указываютъ на то, что и Владиміръ Соловьевъ, какъ и Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, вовсе не былъ ясновидцемъ и только случайно кое что вѣрно

предсказывалъ. Тотъ же Политикъ говоритъ въ „Трехъ разговорахъ“: „Военный періодъ исторіи кончился — говорю, разумѣется, en grand; о какомъ либо немедленномъ разоруженіи не можетъ быть и рѣчи, но я твердо увѣренъ, что ни мы, ни наши дѣти большихъ войнъ, настоящихъ войнъ, не увидимъ. Въ настоящее время военный періодъ кончился въ Россіи, какъ вездѣ“. Тамъ же Z говоритъ: „Я всегда былъ увѣренъ, что послѣ введенія воинской повинности, упраздненіе войнъ, а затѣмъ и отдѣльныхъ государствъ есть только вопросъ времени не слишкомъ ужъ отдаленнаго, при теперешнемъ ускоренномъ ходѣ исторіи“.

Аналогія между французской и русской революціями

Въ книгѣ „Un séjour en France de 1792 à 1795. Lettres d'un témoin de la révolution française, traduites par H. Taine“, мы находимъ слѣдующія записи изъ дневника свидѣтеля французской революціи.

18 мая 1793 года.

Всѣ французскія газеты полны описаніями энтузіазма, съ которымъ молодые люди берутся за оружіе при зовѣ отечества. Этотъ энтузіазмъ призраченъ: его замѣчаютъ только тѣ, кто къ тому побуждается какимъ либо интересомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ энтузіасты-вояки продолжаютъ скрываться, въ другихъ ихъ ескортируетъ до мѣста назначенія почти одинаковое съ ними число драгунъ; я полагаю, что изъ лицъ, имѣющихъ достаточно средствъ для найма замѣстителя, никто не идетъ на войну. Единственными добровольцами являются сыновья эмигрантовъ; страха ради они жертвуютъ своими принципами и надѣются, вступивъ въ армію, защитить свои имѣнія и свои семьи.

Простые бандиты, дѣйствующіе только изъ желанія пограбить, и люди, заблуждающіеся вслѣдствіе невѣжества, не могли бы подчинить себѣ цѣлый народъ. Имъ пришли на помощь узколобые философы, готовые жертвовать родиною ради тщеславнаго желанія произвести надъ нею экспериментъ; имъ горя мало, хороша или дурна система, лишь бы она дала ея автору мишурную извѣстность.

2 февраля 1794 года.

Какъ объяснить англичанину доктрину универсальной реквизицiи?... Лошади, экипажи и телѣги всѣхъ видовъ реквизированы для перевозокъ, подвалы и конюшни реквизированы для добычи селитры, дома — для помѣщенiя солдатъ или подъ тюрьмы. Недавно, подъ звуки барабана было объявлено объ обязанности всякаго, имѣющаго двѣ пары платья, двѣ шляпы, двѣ пары сапогъ — отдать одну пару для обмундированiя армiи... Банда якобинцевъ, съ муниципальнымъ чиновникомъ во главѣ, входитъ безъ церемонiи въ вашу квартиру и производитъ обыскъ. Если они находятъ нѣсколько фунтовъ сахару, мыла или другого товара, и если имъ покажется, что эти фунты превосходятъ количество, вамъ нужное для немедленнаго употребленiя, то они забираютъ все, производя конфискацiю въ пользу Республики.

25 февраля 1794 года.

Конвентъ только что узаконилъ мѣру, которая разоритъ половину нацiи и заставитъ голодать другую половину. Прошелъ законъ, устанавливающiй максимумъ, т. е. наивысшую цѣну, выше которой ничего нельзя продавать. Цѣны всѣхъ товаровъ фиксированы на одну треть выше цѣнъ, стоявшихъ на рынкѣ въ 1791 году. Результатъ былъ именно таковъ, какого надо было ждать. Наканунѣ дня, назначеннаго для начала примѣненiя декрета, купцы спрятали всѣ товары, какiе могли спрятать; и когда день насталъ, то народъ повалилъ въ лавки; черезъ нѣсколько часовъ въ лавкахъ остались только прилавки и конторки... Начиная съ этого момента, крестьяне перестали привозить на рынокъ молоко, масло и яйца, а мясники перестали убивать скотъ; теперь ничего нельзя купить не изъ подъ полы.

22 апрѣля 1794 года.

Въ эпоху, когда денежныя затрудненiя государства были столь велики, что стали предлогомъ

для совершенія революціи, крестьяне не только были освобождены отъ налоговъ, но разбогатѣли отъ всеобщей бѣды. Въ то время какъ всѣ другіе классы населенія увидѣли съ безполезнымъ сожалѣніемъ, что ихъ состоянія замѣнены кусочками бумаги, крестьяне, обнаглѣвъ и расхрабрившись вслѣдствіе безнаказанности, отказывались отъ продажи чего бы то ни было не на звонкую монету, и такимъ образомъ накопляли богатства. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что они сначала были очень довольны новыми порядками.

Революціонные трибуналы могли бы приговорить къ смерти половину французовъ, — эти граждане-эгоисты присутствовали бы совершенно спокойно при казняхъ, если бы только наборъ рекрутовъ не посылалъ и крестьянъ насильственно въ армію, и если бы максимумъ не понизилъ цѣну пшеницы. Было невозможно убѣдить крестьянъ подчиниться максимуму, и тогда Конвентъ перешелъ къ своимъ обычнымъ способамъ убѣжденія: къ тюрьмѣ и гильотинѣ. Будучи очень удивлены, что пришла ихъ очередь стать жертвами той тираніи, которую они сами поддерживали, эти невѣжественные и обманутые люди находятся теперь въ бездѣятельной печали, показывающей, что они ровно ничего не понимаютъ, и что этотъ новый образчикъ республиканизма имъ вовсе не по нутру.

Сентябрь 1794 года.

Муниципалитетъ города Дижона обыкновенно излагаетъ приказы объ арестѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Арестовать такого то, а также его жену, если она у него имѣется...

Французскій крестьянинъ столь же смышленъ какъ англійскій, когда дѣло идетъ о его личномъ интересѣ, и столь же ограниченъ въ большинствѣ другихъ случаевъ. Французскіе революціонеры замѣтили это обстоятельство и беззастѣнчиво имъ воспользовались. Они знали, что имъ пришлось бы до безконечности продолжать метафизическія раз-

сужденія о правахъ человѣка, не возбуждая интереса и не достигая пониманія крестьянъ. Но они увидѣли, что если крестьяне не понимаютъ, въ чемъ состоятъ естественныя права человѣка, то они отлично понимаютъ уничтоженіе правъ помѣщиковъ. Поэтому первымъ принципомъ свободы, вписаннымъ въ новый кодексъ, было право крестьянъ устраивать вооруженныя сборища и заставлять помѣщиковъ отдавать имъ свои купчія крѣпости и другіе документы на земельную собственность. Въ деревнѣ первыя революціонныя свѣдѣнія о равенствѣ и о свободѣ проявились пожарами замковъ и отказомъ въ уплатѣ арендныхъ денегъ за земли. Крестьянамъ было разрѣшено запугивать помѣщиковъ, чтобы заставить ихъ эмигрировать, а эмигрируя имъ приходилось либо продавать имѣнія за безцѣнокъ, либо бросать ихъ на произволъ арендаторовъ.

30 января 1795 года.

Единственнымъ періодомъ, когда Франція дѣйствительно знала свободу печати, былъ періодъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XVI, непосредственно передъ революціей. Послѣ 14 іюля 1789 года боязнь черни и фонарнаго столба сильнѣе стѣсняла и терроризировала печать, чѣмъ когда либо ее стѣсняли министры и боязнь Бастиліи; послѣ 10 августа 1792 г. исчезли послѣдніе слѣды свободы печати.

9 мая 1795 года.

Если вы приглашены на обѣдъ, то вы должны принести съ собою вашъ хлѣбъ... Г. Д. и его слуги ѣдятъ хлѣбъ, на три четверти состоящій изъ отрубей и на одну четверть изъ пшеницы.

15 іюня 1795 года.

Безъ преувеличенія можно сказать, что Парижъ голодаетъ. Рынки почти пусты; нельзя добыть куска хлѣба сверхъ небольшой порціи, распредѣляемой правительствомъ. Между тѣмъ населеніе

не волнуется; оно, хотя и поздно, узнало, что революція не есть источникъ изобилія и благополучія.

Жоржъ Зандъ въ „Исторіи моей жизни“ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о своей бабкѣ.

„Когда послышались первые раскаты грома революціи, моя бабушка, какъ всѣ просвѣщенные аристократы того времени, встрѣтила ее безъ страха. Она была слишкомъ проникнута Вольтеромъ и Руссо, чтобы не ненавидѣть злоупотребленія двора. Она даже принадлежала къ наиболѣе горячимъ врагамъ coterie королевы. Послѣ ея смерти я нашла полныя картонки куплетовъ и язвительныхъ сатиръ противъ Маріи Антуанетты и ея фаворитовъ. Свѣтскіе порядочные люди списывали и распространяли летучки. Въ уста народа вкладывались написанныя на жаргонѣ рынковъ непристойныя пѣсни о рожденіи дофина и о похожденіяхъ нѣмки; матери-королевѣ и ребенку-дофину угрожали позорнымъ столбомъ и плетью. И не думайте, что эти пѣсни исходили отъ народа. Онѣ спускались въ народъ изъ парижскихъ салоновъ.“

Жоржъ Зандъ сообщаетъ еще слѣдующее интересное разсужденіе, записанное ея бабушкой.

„Есть полное основаніе для того, чтобы находить неправильнымъ строгое осужденіе, вынесенное Франціи Европой. При видѣ ужасовъ, ареной коихъ была Франція, Европа позволила себѣ приписать ихъ спеціальному характеру и врожденной испорченности большей части великаго народа. Дай Богъ, чтобы другія націи не убѣдились собственнымъ опытомъ, къ какимъ жестокостямъ способны люди всѣхъ странъ, когда ихъ не удерживаетъ никакая власть, и когда соціальный строй подвергся столь сильному потрясенію, что никто больше не знаетъ, на чемъ онъ стоитъ, не видитъ прежнихъ устоевъ и не можетъ опереться на прежнія свои убѣжденія...

„Всѣ французы устали отъ несчастій. Они были разбиты или придавлены событіями сверхъ-

естественной силы; испытавъ суровость тяжелаго гнета, они больше ни на что не надѣются. Ихъ желанія скромны, ихъ надежды ограничены, они уже довольны, когда появляется нѣкоторая увѣренность въ прекращеніи ихъ безпокойствъ. Жестокая тиранія научила ихъ считать безопасность жизни самымъ насущнымъ благомъ.

„Духъ общественности ослабѣлъ и долго еще будетъ немощенъ; это—неизбѣжное слѣдствіе ужасной катастрофы и безпримѣрныхъ преслѣдованій. Всѣ такъ долго жили собственными бѣдами, что потеряли привычку заботиться объ общественныхъ интересахъ. Когда личныя опасности доходятъ до нѣкоторой черты, то онѣ спутываютъ всѣ отношенія, а потеря надеждъ измѣняетъ всю нашу природу. Нужна нѣкоторая доля личнаго счастья для того, чтобы съ любовью отдаться общественности. Требуется нѣкоторый избытокъ своего, для того, чтобы явилась охота отдавать часть этого своего другимъ людямъ.“

Вопросъ о лучшей формѣ правленія у Геродота

Вопросъ о республикѣ и монархіи до сихъ поръ служитъ предметомъ раздора въ русской эмиграціи. Между тѣмъ этотъ вопросъ разсмотрѣнъ довольно подробно греческимъ историкомъ Геродотомъ еще за 450 лѣтъ до Р. Х. При этомъ нельзя не отмѣтить, что уже и тогда доводы въ пользу монархіи и въ пользу республики не отличались особою убѣдительностью.

Геродотъ разсказываетъ, что послѣ убійства Лжесмердиса семеро знатныхъ персовъ, совершившихъ переворотъ, обсуждали вопросъ объ устройствѣ государства. Трое изъ нихъ — Отанесъ, Мегабизъ и Дарій Гистаспъ произнесли по этому предмету слѣдующія рѣчи.

Отанесъ сказалъ, что управленіе должно быть предоставлено всѣмъ персамъ, и подкрѣпилъ свое мнѣніе слѣдующими словами: „Я полагаю, что впредь не долженъ господствовать надъ нами одинъ человѣкъ, такъ какъ это непріятно и нехорошо. Вы знаете, какъ далеко заходило своеволіе Камбиза, и вы также вкусили своеволіе маговъ. Да и какъ можетъ единодержавіе быть чѣмъ либо хорошимъ, разъ самодержецъ можетъ безотвѣтственно дѣлать все, что ему нравится. Если бы даже поставить на это мѣсто наилучшаго человѣка, то онъ очень быстро отошелъ бы отъ своихъ привычныхъ добрыхъ намѣреній, ибо своеволіе происходитъ вслѣдствіе

обладанія властью, а зависть природою вложена въ человѣка. У кого есть то и другое, тотъ имѣетъ всѣ дурныя качества. Онъ совершаетъ самые дурные поступки отчасти отъ своеволія, отчасти отъ зависти. Конечно, самодержецъ вовсе не долженъ бы быть завистливымъ, такъ какъ онъ обладаетъ всей властью; но обыкновенно имѣетъ мѣсто обратное: онъ завидуетъ благополучной жизни лучшихъ гражданъ, и ему нравятся именно худшіе граждане; онъ охотно слушаетъ ихъ злословіе. Страннѣе всего слѣдующее: если его умѣренно хвалятъ, то онъ злится на то, что ему не оказано все возможное почтеніе, а если ему оказываютъ всякій возможный почетъ, то онъ злится на то, что ему льстятъ. Но хуже всего то, что онъ съ легкостью отступаетъ отъ отцовскихъ законовъ, что онъ насилуетъ чужихъ женщинъ и казнитъ безъ судебнаго приговора и безъ права. Если же правитъ народъ, то прежде всего его управленіе приноситъ свободу и равенство. Народъ не поступаетъ какъ самодержецъ, онъ назначаетъ правителей по жребію, а они даютъ отчетъ о правленіи; всѣ рѣшенія принимаются общиной. Поэтому я думаю, что намъ слѣдуетъ покончить съ единодержавіемъ и поднять значеніе общины, такъ какъ вся власть должна принадлежать народу.“

Мегабизъ полагалъ, что вся власть должна быть передана особымъ выборнымъ людямъ, и сказалъ слѣдующую рѣчь: „Я говорю то же самое, что говоритъ Отанесъ, а именно, что у насъ больше не должно быть царя. Но его совѣтъ отдать власть въ руки народа, я не считаю лучшимъ рѣшеніемъ, ибо нѣтъ ничего неразумнѣе и нѣтъ ничего своевольнѣе, чѣмъ толпа. Послѣ того какъ мы сбросили своеволіе одного господина, намъ было бы невыносимо отдать себя въ руки своеволію необузданнаго народа. Если король что либо предпринимаетъ, то онъ это дѣлаетъ разсудивъ, а народъ дѣйствуетъ безразсудно. Откуда бы у него явилось разсужденіе: вѣдь никто не училъ его добру, а у

него нѣтъ достаточной разсудительности для этого. Народъ хватается за дѣла со всею стремительностью, какъ быстрая горная рѣка. Кто желаетъ зла персамъ, тотъ пусть отдаетъ власть народу; намъ же слѣдуетъ выбрать лучшихъ людей и передать имъ власть, такъ какъ между лучшими людьми будемъ и мы сами. Надо надѣяться, что лучшіе люди будутъ принимать наилучшія рѣшенія."

Затѣмъ Дарій выразилъ свое мнѣніе, сказавъ слѣдующее: „Мнѣ кажется вполнѣ вѣрнымъ и правильнымъ то, что сказалъ Мегабизъ по отношенію къ толпѣ; но то, что онъ сказалъ о совѣтѣ наилучшихъ людей — не вѣрно. Изъ трехъ родовъ управленія, о которыхъ говорилось, я думаю, каждый родъ правленія мы предполагали въ его наивысшемъ совершенствѣ, т. е. что говорилось о лучшемъ народоправствѣ, о совѣтѣ дѣйствительно лучшихъ людей, о лучшемъ монархѣ. Изъ нихъ послѣдній, конечно, заслуживаетъ предпочтенія. Ясно, что ничто не можетъ быть лучше, чѣмъ управленіе одного лучшаго изъ людей. Если таковы его качества, то онъ всегда будетъ имѣть въ виду благо своего народа, и его намѣренія по отношенію къ врагамъ будутъ содержаться въ тайнѣ. Въ совѣтѣ же, въ которомъ многіе люди стремятся заслужить признательность народа, обыкновенно появляется вражда между отдѣльными членами совѣта. Всякій хочетъ быть первымъ и провести свое мнѣніе; отсюда появляется вражда, затѣмъ партійность, а партійность влечетъ за собою убійства, а убійства снова ведутъ къ сосредоточенію власти въ рукахъ одного человѣка. Отсюда уже можно заключить, что монархія есть наилучшій родъ правленія. При существованіи же народоправства, невозможно, чтобы зло не возобладало; если же зло прокрадется въ общественныя дѣла, то между дурными людьми появляется не вражда, а дружба: всѣ вносящіе зло дѣйствуютъ заодно. Такъ дѣла идутъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь одинъ не встанетъ во главѣ народа и не прогонитъ осталь-

ныхъ. Этого одного народъ начинаетъ превозносить, и превознесенный скоро становится монархомъ. Это снова доказываетъ, что монархія есть наилучшая форма правленія. Затѣмъ я спрошу васъ: откуда пришла къ намъ свобода, кто намъ ее далъ? Народъ, совѣтъ наилучшихъ людей или монархъ? Если мы были освобождены однимъ человѣкомъ, то по моему мнѣнію мы должны этого держаться; кромѣ того мы не должны отступать отъ добрыхъ обычаевъ нашихъ отцовъ, такъ какъ это не можетъ быть полезно.“

Далѣе Геродотъ разсказываетъ, что послѣ произведеннаго голосованія четверо изъ семи заговорщиковъ подали голосъ за мнѣніе Дарія. Было рѣшено, что на зарѣ слѣдующаго утра они выѣдутъ изъ города на коняхъ, и чей конь раньше заржетъ, тотъ будетъ царемъ. По соглашенію Дарія со своимъ конюхомъ, послѣдній ночью вывелъ за городъ кобылу, привязалъ ее, затѣмъ привелъ туда коня Дарія. На другое утро, когда заговорщики подъѣхали къ этому мѣсту, то конь Дарія вспомнилъ о ночи и заржалъ. Такимъ образомъ Дарій сталъ царемъ.

Соціалистическіе эксперименты въ Китаѣ

Какъ извѣстно, хорошія книги рѣдко читаются. Особенно рѣдко ихъ читаютъ соціальные реформаторы: у нихъ для этого слишкомъ мало досуга и слишкомъ много самомнѣнія. Между тѣмъ они могли бы почерпнуть полезныя свѣдѣнія о соціальныхъ реформахъ въ Китаѣ, напр., изъ такой хорошей книги, какою является „Всеобщая Географія“ Элизэ Реклю. На стр. 456-ой русскаго перевода VII тома этого сочиненія, Э. Реклю, ссылаясь на Захарова (труды русской миссіи въ Пекинѣ)*), говоритъ слѣдующее.

„Въ Китаѣ общинное землевладѣніе держалось до IV вѣка до Р. Х. Затѣмъ община распалась, и постепенно стало расти крупное землевладѣніе.

Въ 9-мъ году христіанской эры министръ Ванманъ, овладѣвъ престоломъ, провозгласилъ, что съ этого времени земля будетъ императорской собственностью.

„Ни одинъ подданный не имѣетъ права удерживать за собой болѣе одного узина ($5^1/_2$ десятинъ) земли. Продажа земли запрещается. Всѣ излишки земельной собственности, которые окажутся во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, возвращаются

*) Эти труды были напечатаны и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Arbeiten der kais. russischen Gesandtschaft zu Peking“. Aus dem russischen uebersetzt von Abel und Meklenburg. Berlin. 1858.

казнѣ и будутъ розданы общинамъ, соразмѣрно ихъ нуждамъ. Всякій сомнѣвающійся въ мудрости этихъ мѣръ будетъ изгнанъ изъ предѣловъ государства. Всякій противящійся имъ, будетъ казненъ смертью."

Эта земельная реформа была проведена со всею строгостью, но нѣсколько лѣтъ спустя вельможи и помѣщики снова завладѣли помѣстьями.

Въ 1069 году по Р. Х. по иниціативѣ Ван-гаче, друга и совѣтника императора Чен-суна изъ династіи Сунъ, царствовавшаго съ 1068 по 1085 годъ, былъ изданъ указъ, отмѣнявшій всякую личную собственность. Никто не могъ владѣть малѣйшимъ кусочкомъ земли, капиталисты должны были въ пятилѣтній срокъ передать всѣ свои капиталы правительству.

Несмотря на противодѣйствіе мандариновъ, прежнихъ ленныхъ владѣльцевъ и помѣщиковъ, Ван-гаче удалось мирно поддерживать этотъ государственный коммунизмъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Однако достаточно было перемѣны царствованія, чтобы ниспровергнуть новый порядокъ, который не соотвѣтствовалъ желаніямъ народа и къ тому же создалъ цѣлый классъ инквизиторовъ, сдѣлавшихся истинными владѣльцами земли."

Въ книгахъ Huc и Rémusat*) высказаны слѣдующія соображенія о реформахъ Ван-гаче.

„Согласно законамъ, провозглашеннымъ реформаторомъ Ван-гаче съ цѣлью воспрепятствовать эксплуатаціи однихъ людей другими, государственная власть овладѣла всѣми богатствами имперіи и стала единственнымъ всеобщимъ эксплуататоромъ. Государство стало коммерсантомъ, промышленникомъ, земледѣльцемъ, все съ тою же единственной цѣлью придти на помощь трудящимся классамъ."

---

*) M. Huc „l'Empire chinois", tome second. Paris, Gaume frères, 1854 pag. 68-84.
Abel Rémusat „Nouveaux mélanges asiatiques", tome II, pag. 156.

„Согласно новымъ законамъ, по всей имперіи были устроены трибуналы, которымъ было вмѣнено въ обязанность ежедневно устанавливать цѣны продуктовъ потребленія и всякихъ товаровъ. Въ теченіе нѣкотораго числа лѣтъ эти трибуналы должны были заставлять богатыхъ платить особые налоги, отъ которыхъ были освобождены бѣдные. Трибуналы же должны были опредѣлять, кого слѣдовало почитать богачемъ и кого бѣднякомъ."

„Государство стало также единственнымъ или почти единственнымъ землевладѣльцемъ. Во всѣхъ округахъ были устроены земельные трибуналы, которые ежегодно должны были производить передѣлъ земель между земледѣльцами и распредѣлять между ними сѣмена, нужныя для обсѣмененія полей, при условіи возврата стоимости сѣмянъ, послѣ сбора хлѣба."

„Конечно всѣ эти реформы не могли не встрѣтить оппозиціи."

„Произведенная Ван - гаче соціальная революція не имѣла особо блестящаго успѣха, такъ какъ народъ вскорѣ оказался погруженнымъ въ еще болѣе глубокую нищету, чѣмъ раньше."

„Не мало помѣшало успѣху реформатора то обстоятельство, что онъ захотѣлъ реформировать корпорацію мандариновъ и заставить ихъ подчиниться деспотизму своей системы. Онъ не только измѣнилъ обычный порядокъ экзаменовъ, но также заставилъ принять новыя объясненія и комментаріи священныхъ книгъ и приказалъ придерживаться при ихъ чтеніи того смысла идеографическихъ письменныхъ знаковъ, который былъ установленъ въ изданномъ имъ словарѣ. Эти новшества возбудили противъ него большое число непримиримыхъ враговъ среди китайской интеллигенціи."

Въ очеркѣ исторіи Китая фонъ Фриса*) ре-

---

*) S. von Fries. „Abriss der Geschichte China's und seiner Entwickelung". Wien 1884.

формы Ванмана и Ван-гаче описаны слѣдующимъ образомъ.

Ванманъ (съ 9-го по 23-й годъ по Р. Х.) ввелъ систему равномѣрнаго раздѣла земли, съ той цѣлью, чтобы не было ни богатыхъ ни бѣдныхъ. Онъ же уничтожилъ или ограничилъ рабство. Конечно, его законы далеко не всѣхъ удовлетворили.

Ему пришлось вести гражданскую войну, т. к. увеличенiе налоговъ и наказанiя, введенныя за неисполненiе новыхъ законовъ, вызвали въ 19 году по Р. Х. возстанiе. Въ 23 году Ванманъ былъ разрубленъ на куски во время бѣгства.

Во время царствованiя императора Чен-суна (1068-1086) оказались чрезвычайно вредными для народа и для страны законы, изданные министромъ Ван-гаче. Онъ пользовался полнымъ довѣрiемъ императора, вслѣдствiе чего имѣлъ возможность ввести такiя новшества, которыя при большей продолжительности, безъ сомнѣнiя, имѣли бы послѣдствiемъ полную хозяйственную гибель страны.

Его проектъ для наполненiя государственнаго казначейства состоялъ, напр., въ принудительной раздачѣ весною всѣхъ казенныхъ денежныхъ средствъ всѣмъ владѣльцамъ земель, съ обязательствомъ возвратить деньги осенью, съ двадцатью процентами въ пользу государства.

Этотъ законъ и другiе законы, имѣвшiе цѣлью равномѣрное распредѣленiе богатствъ, между богатыми и бѣдными, вскорѣ вызвали недовольство и жалобы въ странѣ, которыя привели къ увольненiю Ван-гаче отъ должности перваго министра.

Однако въ 1075 году онъ вновь былъ возвращенъ на свою прежнюю должность. И къ концу царствованiя императора Чен-суна система Ван-гаче была окончательно введена, и Китай сталъ коммунистическимъ государствомъ.

Въ 1086 году императоръ Чен-сунъ умеръ, и на престолъ вступилъ его 10-и лѣтнiй сынъ Дже-сунъ. Его мать императрица-регентша Га-о, была убѣждена во вредѣ законодательныхъ и админи-

стративныхъ новшествъ Ван-гаче. Она призвала на постъ перваго министра государственнаго дѣятеля и поэта Се-ма-куана и съ его помощью быстро уничтожила всѣ нововведенія его предшественника. Всѣ послѣдователи Ван-гаче были удалены изъ правительственной службы. Онъ не долго пережилъ свое паденіе и гибель своей системы. Однако, и Се-ма-куанъ прожилъ не долго.

Въ 1092 году императрица мать Га-о умерла. Ея сынъ Дже-сунъ не имѣлъ силы для того, чтобы слѣдовать по пути, указанному его умной матерью, и управленіе страною было вновь захвачено учениками и послѣдователями Ван-гаче. Свыше 800 высшихъ чиновниковъ были уволены и высланы изъ Китая вмѣстѣ съ ихъ семьями, а ихъ должности были заняты людьми, угодными новымъ властителямъ.

Въ 1101 году императоръ Дже-сунъ умеръ, и на престолъ вступилъ его младшій братъ Хуи-сунъ, царствовавшій до 1126 года. При немъ страна управлялась по системѣ Ван-гаче шестью коронными совѣтниками, которыхъ народъ заклеймилъ названіемъ „шести разбойниковъ". Ван-гаче, черезъ много лѣтъ послѣ смерти, былъ ими возведенъ въ званіе князя Дзин-га, а мраморная доска, съ именами его предковъ, была установлена въ пекинскомъ храмѣ. Имена же Се-ма-куана и 120-и его послѣдователей были выгравированы на другой доскѣ, чтобы передать послѣдующимъ поколѣніямъ память о нихъ, какъ о слугахъ государства забывшихъ свой долгъ.

Фонъ Фрисъ не указываетъ точно, какъ именно произошло крушеніе коммунизма въ Китаѣ. Повидимому, произошло крушеніе не только этой системы, но и всего государства.

Въ 1118 году въ Пекинѣ основались Кины, предки нынѣшнихъ Манджуровъ; въ 1125 году они взяли въ плѣнъ императора Хуи-Цуна и заставили его отречься отъ престола, а въ 1126 году они взяли въ плѣнъ его сына Цинъ-Цуна. Въ 1129 году гроб-

ница Ван-гаче была разрушена, и онъ былъ объявленъ врагомъ отечества. Его послѣдователи подверглись преслѣдованіямъ и большинство изъ нихъ эмигрировало, для того чтобы избѣжать казни.

Приведенныя выше реформы министра коммуниста Ван-гаче подтверждаются также мандариномъ Ф. Ли-чао-пэ, помѣстившимъ объ этомъ небольшую статью во французскомъ журналѣ „La Revue“ за 1911 годъ. По его словамъ, борьба продолжалась почти пятьдесятъ лѣтъ. Она закончилась въ 1129 году изгнаніемъ всѣхъ соціалистовъ изъ Китая.

Насъ не должна удивлять попытка коммунистическихъ реформъ и связанныхъ съ ними потрясеній въ Китаѣ, имѣющемъ репутацію неподвижности. Одинъ изъ знатоковъ исторіи Китая высказалъ о ней слѣдующее сужденіе: „Исторія Китая, это — длинная исторія катастрофъ, потрясавшихъ страну до основанія. Въ теченіе періода, продолжавшагося 1200 лѣтъ, отъ 420 г. до 1620 г., китайскій народъ, который обыкновенно считаютъ столь миролюбивымъ и привязаннымъ къ древнимъ законамъ и обычаямъ, народъ столь извѣстный своей неподвижностью, свергнулъ пятнадцать династій, при чемъ каждый разъ сверженіе династій сопровождалось гражданскими войнами и истребленіемъ членовъ свергаемыхъ династій.“

Размышленія о человѣческомъ прогрессѣ

Во время разговоровъ со многими очень просвѣщенными людьми самаго различнаго общественнаго положенія, мнѣ пришлось убѣдиться въ распространенности взгляда, что человѣческая культура не двигается впередъ, что она подвержена колебаніямъ въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, что чередуются эпохи расцвѣта и паденія, что человѣкъ въ общемъ остается неизмѣннымъ, и что мы, люди XX вѣка, ничѣмъ существеннымъ не отличаемся отъ древнихъ грековъ, египтянъ и ассирійцевъ.

Многіе изъ очень просвѣщенныхъ людей придерживаются даже того мнѣнія, что человѣчество регрессируетъ, что оно стало менѣе сильнымъ, что человѣческая жизнь стала менѣе долговѣчна, и что, во всякомъ случаѣ, человѣчество въ прошедшемъ времени было болѣе нравственнымъ и менѣе испорченнымъ, чѣмъ въ ближайшія къ намъ поколѣнія. Многіе съ трудомъ отдѣлываются отъ представленія о якобы нѣкогда существовавшемъ на землѣ золотомъ вѣкѣ, когда юное человѣчество, въ близкомъ соприкосновеніи съ природой, переживало вѣкъ или вѣка истиннаго счастья.

Въ соотвѣтствіи съ этими представленіями находятся и представленія о естественномъ правѣ, о прирожденныхъ правахъ человѣка, о необходимости возвратиться къ природѣ и пр.

И я очень долго придерживался подобныхъ мнѣній вмѣстѣ съ большинствомъ моихъ болѣе или менѣе образованныхъ современниковъ. Кромѣ того я вмѣстѣ съ ними считалъ совершенно непреложною истиною, что всѣ люди братья, что всѣ люди равны, что нѣтъ или не должно быть различія между эллиномъ и іудеемъ, бѣлымъ и чернымъ.

Между прочимъ, мнѣ представлялось совершенно непонятнымъ пренебрежительно-враждебное отношеніе къ неграмъ въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Вѣдь тамъ неграмъ даже не разрѣшается ѣздить вмѣстѣ съ бѣлыми въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ. Такъ же непонятнымъ являлось для меня отношеніе англичанъ къ индусамъ и негритосамъ и голландцевъ на Явѣ и Суматрѣ къ малайцамъ.

Такія отношенія находятъ выраженіе, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ Джека Лондона („Вездѣсущій бѣлый человѣкъ“): „Миссія бѣлаго заключается въ томъ, чтобы весь міръ пріобщить къ той культурѣ, которую онъ въ продолженіе многихъ вѣковъ вырабатывалъ. Эта миссія имѣетъ громадное значеніе. Некогда тутъ заниматься психикой негровъ“... „Бѣлый долженъ управлять неграми совершенно независимо отъ того, понимаетъ ли онъ чернаго, и понимаетъ ли черный его“.

Особенное удивленіе во мнѣ возбуждалъ тотъ извѣстный фактъ, что доминиканецъ Фра Бартоломео Ласъ-Казасъ, спутникъ Колумба въ одномъ изъ его путешествій, отличавшійся особенно горячимъ человѣколюбіемъ, предложилъ ввозить въ Америку рабовъ негровъ и тѣмъ положилъ основаніе развитію въ Америкѣ рабовладѣльческаго строя. Правда, предлагая ввозить болѣе сильныхъ негровъ, онъ имѣлъ въ виду предотвратить истребленіе на Кубѣ индѣйцевъ, неспособныхъ къ тяжелымъ работамъ на сахарныхъ плантаціяхъ и въ рудникахъ. Но тѣмъ болѣе его дѣйствія казались мнѣ противорѣчащими ученію, что всѣ люди — братья. Нельзя же было жертвовать негромъ, чтобы спасти индѣйца.

Мысль о томъ, что дѣйствительно всѣ люди братья, подкрѣпляется тѣмъ, что, въ общемъ, въ Европѣ не наблюдается различія между такъ называемою бѣлою и черною костью. Не мало людей, вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ народа, попадая въ культурныя условія, по уму и образованію соперничаютъ съ людьми, вышедшими изъ семей, бывшихъ культурными съ незапамятныхъ временъ. Все это заставляетъ предполагать, что стоитъ только любого человѣка любой расы поставить отъ самаго рожденія въ культурныя условія, чтобы онъ сталъ вполнѣ культурнымъ человѣкомъ. Однако такое утвержденіе вѣрно только относительно европейцевъ, хотя бы и разнаго происхожденія или общественнаго положенія. Конечно, слѣдуетъ признать, что дѣти европейскихъ крестьянъ и рабочихъ въ своемъ умственномъ развитіи очень мало отстаютъ отъ дѣтей интеллигентовъ. Условія, въ которыхъ растутъ эти дѣти, отличаются отъ условій жизни дѣтей интеллигентовъ только тѣмъ, что они дома никогда не слышатъ разговоровъ на отвлеченныя темы и рѣдко слышатъ слова, которыми обозначаются отвлеченныя понятія; это иногда мѣшаетъ имъ въ дальнѣйшемъ умственномъ развитіи.*)

Однако для меня наступилъ часъ, когда всѣ эти теоріи, необыкновенно крѣпко засѣвшія въ моей головѣ, разлетѣлись, какъ разлетаются листья по вѣтру, и когда мнѣ пришлось сказать себѣ: нѣтъ, человѣчество идетъ впередъ, прогрессъ его несомнѣненъ, но не всѣ люди братья.

Этотъ часъ я какъ сейчасъ помню. Надо сказать, что я всегда интересовался географіей и эт-

*) Такъ, напримѣръ, въ Совѣтской Россіи, по свидѣтельству учителей и профессоровъ, дѣти интеллигентовъ учатся въ школахь 2-ой ступени, въ университетахъ и въ высшихъ техническихъ школахъ лучше дѣтей привилегированныхъ сословій, т. е. рабочихъ и крестьянъ. Конечно, эта разница, можетъ быть, еще усугубляется тѣмъ, что первыя принимаются въ учебныя заведенія только послѣ строгихъ конкурсныхъ экзаменовъ, а вторыя пользуются для поступленія протекціей разныхъ рабочихъ союзовъ.

нографіей и никогда не упускалъ случая знакомиться съ различными такъ называемыми „дикими“ племенами, которыхъ предпріимчивые импрессаріо въ послѣднее время стали привозить цѣлыми деревнями изъ „дикихъ“ странъ и демонстрировать публикѣ въ зоологическихъ садахъ и циркахъ. Такъ, напримѣръ, я не упустилъ случая познакомиться въ Берлинѣ съ самоанцами, въ Брюсселѣ съ зулусами, въ Парижѣ съ дагомейцами, въ Петербургѣ съ индусами и сомалійцами. Когда я знакомился съ этими представителями человѣческаго рода, мнѣ никогда не приходили въ голову сомнѣнія въ томъ, что они люди и какъ таковые — мои братья.

Но однажды, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ берлинскомъ зоологическомъ саду демонстрировалось негритянское племя динка, живущее гдѣ то у истоковъ Бѣлаго или Голубого Нила. Демонстрировалась цѣлая деревня: мужчины, женщины и дѣти внутри обширной ограды. Я провелъ болѣе часа, подробно разсматривая ихъ и ихъ домашній обиходъ, прислушиваясь къ ихъ разговору и присматриваясь къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ. При всемъ желаніи, я не могъ признать, что они люди и мои братья. Это дѣйствительно были низшія существа, звѣроподобныя, по строенію тѣла еле похожія на людей, лишенныя икръ на ногахъ, съ выпяченными животами, издающія звуки непохожіе на человѣческую рѣчь. Отношенія мужчинъ къ женщинамъ и дѣтямъ, способы принятія пищи, мнѣ также казались совершенно звѣроподобными. Я долженъ былъ сказать себѣ, что я ихъ за людей не считаю, что вмѣстѣ съ Ласъ-Казасомъ согласенъ былъ бы пожертвовать сотнями такихъ людей, чтобы спасти десятки людей высшей расы, какъ сомалійцевъ, дагомейцевъ, зулусовъ и кафровъ, хотя они тоже негры.

Мнѣ все-таки оставалось непонятнымъ отношеніе къ неграмъ бѣлыхъ Сѣверной Америки. Зулусовъ и дагомейцевъ я вѣдь признавалъ раньше, и теперь признаю за настоящихъ людей. Я могу

объяснить себѣ это пренебрежительное отношеніе къ неграмъ только тѣмъ, что въ Сѣверной Америкѣ среди негровъ попадается не мало субъектовъ, сходныхъ съ неграми племени динка, или съ карликовымъ племенемъ акка, или съ бушменами и готтентотами.

Разъ необходимо признать, что еще существуютъ на землѣ племена, которыя, принадлежа къ людскому роду, настолько существенно отличаются отъ насъ, что мы неохотно признаемъ ихъ людьми, то, конечно, между людьми имѣются какія то существенныя градаціи. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что у однихъ племенъ есть опредѣленныя преимущества передъ другими, и они имѣютъ бо̀льшую способность къ усвоенію культуры.

Всѣ племена, за время ихъ существованія на землѣ, должны были постепенно измѣняться и переходить отъ низшихъ къ высшимъ ступенямъ культуры. Если племя динковъ не исчезнетъ отъ болѣзней и отъ соприкосновенія съ бѣлыми людьми, то и оно когда нибудь, въ очень отдаленномъ будущемъ, можетъ пріобрѣсти обликъ настоящихъ людей.

Очень трудно спорить противъ того положенія, что древніе греки, египтяне, ассирійцы, были такіе же люди, какъ мы, и что мы очень мало отъ нихъ отличаемся. Можетъ быть даже, греки временъ Перикла (по крайней мѣрѣ свободные граждане Аѳинъ, Ѳивъ и Спарты, принимавшіе участіе въ народныхъ собраніяхъ и въ управленіи этими городами) были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напр., въ отношеніи красоты, внѣшнихъ формъ тѣла и въ отношеніи привычки къ философскому мышленію, выше средняго уровня европейцевъ XX вѣка. Однако не слѣдуетъ забывать, что сравнивая себя съ древними греками, египтянами и ассирійцами, мы сравниваемъ себя съ людьми, жившими всего нѣсколько тысячъ

лѣтъ тому назадъ, въ историческія времена. Но человѣчество существуетъ не семь и не десять тысячъ лѣтъ; оно возникло, вѣроятно, ужъ въ концѣ третичной эпохи. Не только Неандертальскій человѣкъ, но и пещерные люди Альтавиры, и даже Pithecanthropus erectus, жили значительно позже появленія первыхъ людей, значительно болѣе звѣроподобныхъ, чѣмъ люди племени динка. Я думаю даже, что если бы кому либо изъ насъ пришлось встрѣтиться въ лѣсу съ возставшимъ изъ мертвыхъ, сравнительно уже довольно культурнымъ Неандертальскимъ человѣкомъ, то онъ скорѣе призналъ бы въ немъ нѣчто въ родѣ гориллы, чѣмъ человѣка.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ давно установленный наукою фактъ, что происхожденіе человѣка — очень древнее, что человѣчество живетъ на землѣ не десять тысячъ, а нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ.

Многіе до сихъ поръ возстаютъ противъ теоріи происхожденія человѣка отъ прародителей, жившихъ въ концѣ третичной эпохи и употреблявшихъ грубыя каменныя орудія уже около 600 тысячъ лѣтъ до Р. Х. Точно также они возстаютъ и противъ признанія возможности, что человѣкъ появился на землѣ не сразу въ видѣ человѣка, а былъ выработанъ природой изъ какого то низшаго существа, жившаго въ тепломъ морѣ, нѣкогда покрывавшемъ значительную часть земли. Въ сущности, такое противодѣйствіе даннымъ науки мало понятно: Церковь вѣдь не споритъ съ тѣмъ, что всякій человѣкъ, въ настоящемъ его видѣ, формируется въ девять мѣсяцевъ природой или Богомъ изъ микроскопическаго существа, находящагося въ утробѣ его матери, но она никакъ не хочетъ допустить, что природа или Богъ сформировали нынѣшняго человѣка изъ столь же микроскопическаго существа въ теченіе нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ жизни земли.

Человѣкъ времени первой египетской династіи

уже былъ настоящимъ человѣкомъ, физіономія котораго была выработана почти нескончаемымъ рядомъ послѣдовательныхъ поколѣній, сперва звѣроподобныхъ, затѣмъ человѣкообразныхъ и, наконецъ, рядомъ поколѣній настоящихъ культурныхъ людей.

Прогрессировала, конечно, не только внѣшность, но и внутренняя сущность людей. Вѣроятно, этотъ прогрессъ сперва шелъ очень медленно. Большимъ этапомъ на этомъ медленномъ пути слѣдуетъ считать тотъ фактъ, когда первый человѣкъ вооружился палкою или палицей и получилъ возможность отражать нападенія звѣрей. Память о немъ сохранилась, повидимому, въ образѣ Геркулеса, поражавшаго палицей Немейскаго льва и Лернейскую гидру. Легенды древнихъ грековъ о разныхъ чудовищахъ-драконахъ, дикихъ звѣряхъ и птицахъ, съ которыми должны были вступать въ бой герои, очевидно основаны на воспоминаніяхъ о томъ времени, когда въ лѣсахъ южной Европы еще водились не только львы, но и мамонты, а въ рѣкахъ — звѣри похожіе на драконовъ, а можетъ быть и на воспоминаніяхъ о животныхъ, водившихся раньше ледниковыхъ періодовъ. Превращеніе звѣроподобныхъ людей въ человѣкообразныхъ, вѣроятно, началось только съ того изобрѣтателя и изслѣдователя природы, который первымъ рѣшился подойти и изслѣдовать огонь, зажженный молніей. Память о немъ сохранена намъ въ греческомъ миѳѣ о Прометеѣ, овладѣвшемъ огнемъ и подвергшемся за то мести Зевса; онъ былъ прикованъ къ скалѣ, и орелъ клевалъ его, причиняя невыносимыя страданія. Умѣнья добывать огонь дѣйствительно было достаточно, чтобы при помощи послѣдовательной эволюціи человѣкъ овладѣлъ всей природой.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать — совершенно невозможно это отрицать, — что мы очень существенно отличаемся отъ несчастныхъ звѣроподобныхъ Неандертальскихъ людей. Если бы сегодняшній человѣкъ, со всѣми пріобрѣтеніями

культуры, со всѣми знаніями теперешняго человѣчества, могъ явиться среди Неандертальскихъ людей, то они должны были бы счесть его полубогомъ. Прогрессъ человѣчества, матеріальный и интеллектуальный, со времени третичной или четвертичной эпохи — несомнѣненъ. Я не знаю, каковъ будетъ грядущій сверхъ-человѣкъ; будетъ ли онъ питаться нектаромъ и амвросіей, какъ древніе боги, будетъ ли въ его жилахъ течь не кровь, а какой то божественный сокъ, перестанутъ ли глаза его мигать, какъ не мигали глаза греческихъ боговъ. Но во всякомъ случаѣ сверхъ-человѣкъ будетъ отличаться отъ насъ не только высотою своей матеріальной, интеллектуальной и нравственной культуры, но и внѣшнимъ обликомъ. Вѣроятно, у него не будетъ уже разныхъ рудиментарныхъ органовъ теперешняго человѣка, напр., потерявшихъ всякое значеніе ушныхъ раковинъ, отростка слѣпой кишки, зубовъ мудрости; едва ли мужчина сверхъ-человѣкъ сохранитъ грудныя железы, вырабатывающія молоко и нужныя только женщинамъ; можетъ быть, у сверхъ-человѣка уже не будетъ нѣкоторыхъ пальцевъ на ногахъ.

Конечно, невѣрны младенческіе библейскіе разсказы о томъ, что человѣкъ былъ созданъ по образу и подобію Бога. Теперешній человѣкъ не есть вѣнецъ творенія — онъ только одно изъ звеньевъ нескончаемой цѣпи развитія людского рода въ его стремленіи къ далекому идеалу.

Несомнѣнно и то, что человѣчество остановиться не можетъ, что человѣкъ во всемъ будетъ и долженъ прогрессировать, что овладѣніе имъ всѣми тайнами природы нѣкогда станетъ еще значительно совершеннѣе, чѣмъ нынѣ, и что будущій человѣкъ, по сравненію съ теперешнимъ, станетъ сверхъ-человѣкомъ. Если бы этотъ будущій сверхъ-человѣкъ сейчасъ могъ явиться между нами, то онъ показался бы намъ богомъ или полубогомъ.

Я думаю, что стремленіе къ выработкѣ сверхъ-людей, т. е. къ постепенному совершенствованію

человѣческаго рода, вложено въ насъ природою, что человѣчество всегда безсознательно стремится именно къ этой конечной цѣли. Можетъ быть, приведенная теорія о постепенномъ совершенствованіи человѣчества можетъ даже послужить твердымъ критеріемъ для распознаванія добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго.

Дѣйствительно, повидимому во всѣ періоды жизни человѣчества добромъ и нравственнымъ должно считать все то, что ведетъ его къ дальнѣйшему совершенствованію, и зломъ — все то, что отдаляетъ пришествіе сверхъ-человѣка — существа идеально умнаго и идеально добраго. Можетъ быть такая теорія можетъ замѣнить категорическій императивъ Канта — поступай такъ, чтобы основа твоихъ дѣйствій могла во всякое время служить принципомъ общаго законодательства.

Сообщенная выше теорія о постепенномъ приближеніи человѣка къ идеалу, сверхъ-человѣку, не имѣетъ ничего общаго съ идеями Ницше о сверхъ-человѣкѣ. По этому ученію, только отдѣльные люди могутъ вырабатывать изъ себя идеальныхъ сверхъ-людей; не руководствуясь ходячими представленіями о нравственности, эти сверхъ-люди должны пользоваться своими преимуществами и порабощать остальныхъ людей. По моей же теоріи, все человѣчество стремится къ идеалу — къ тому, чтобы стать сверхъ-людьми.

Однако этотъ идеалъ достигается очень медленно. Вслѣдствіе недостаточнаго накопленія богатствъ, долгое время лишь тонкій слой людей можетъ пользоваться всѣми благами культуры и цивилизаціи. Но постепенно этотъ слой расширяется, къ культурѣ пріобщаются все новые и новые элементы. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа людей, къ культурѣ пріобщенныхъ, углубляется самая культурность. Долгомъ всѣхъ людей, къ культурѣ уже пріобщенныхъ, долгомъ, какъ людей, которые сами двигаютъ культуру, такъ и тѣхъ, которые представляютъ изъ себя лишь полукультурную,

какъ бы питательную среду, въ которой могутъ расти и развиваться дѣйствительно культурные люди, — является обязанность расширять культуру и цивилизацію, учить, пріобщать къ культурѣ всѣхъ окружающихъ и тѣмъ самымъ приближать человѣчество къ идеалу сверхъ-человѣка.

Въ стремленіи къ совершенству, конечно, участвуютъ не всѣ люди сразу, и не все человѣчество сразу станетъ сверхъ-человѣчествомъ. Между людьми есть болѣе стойкія и менѣе стойкія расы. Люди племени динка, можетъ быть, исчезнутъ отъ соприкосновенія съ болѣе культурными расами, но если это племя не исчезнетъ, то и оно пріобщится къ общему прогрессу. Но, конечно, люди племени динка гораздо позже станутъ сверхъ-людьми, чѣмъ англичане или даже зулусы.

Не только разныя расы земного шара, но даже разные народы Европы сильно разнятся другъ отъ друга: одни изъ нихъ могутъ значительно отставать отъ другихъ на пути къ сверхъ-человѣчеству. Развѣ можно сравнить хотя бы англичанина и испанца. Развѣ не правъ Бокль, сравнивая современныхъ намъ англичанъ и испанцевъ въ слѣдующей тирадѣ*):

„Въ теченіе XVIII и многихъ лѣтъ XIX столѣтія, когда Англія замѣтно шла впередъ, ея правители были люди далеко не способные. Анна и первые два Георга отличались невѣжествомъ; они были плохо воспитаны и отъ природы слабохарактерны и въ то же время упрямы. Царствованіе обоихъ ихъ вмѣстѣ продолжалось почти 60 лѣтъ, а послѣ нихъ мы были въ теченіе другого 60-лѣтія управляемы Георгомъ III; но ни его ограниченный умъ, ни его деспотическій нравъ, ни его суевѣріе, ни неимовѣрная низость того гнуснаго сластолюбца, который наслѣдовалъ ему, не могли остановить хода англійской цивилизаціи, ни удержать прилива благосостоянія Англіи. Насъ не могло убить безразсудство нашихъ правителей.“

„Въ Испаніи, напротивъ, какъ только правительство ослабло, народъ сталъ падать.“

„Непосредственныя причины потерь и неудачъ Испа-

*) Бокль. „Исторія цивилизаціи въ Англіи“, стр. 401.

нiи въ продолженiе XVII столѣтiя заключаются безспорно въ дурномъ управленiи и неспособности правителей. Но настоящей и самой главной причиной, отъ которой зависѣлъ весь ходъ и характеръ событiй, было существованiе того духа раболѣпiя и угодничества, который заставлялъ испанскiй народъ подчиняться тому, что во всякой другой странѣ было бы отвергнуто и, прiучивъ народъ слишкомъ полагаться на отдѣльныхъ лицъ, поставилъ страну въ то безвыходное положенiе, при которомъ нѣсколько неспособныхъ правителей должны были непремѣнно разрушить зданiе, воздвигнутое способными."

Развѣ Англiя, не принадлежа къ высшей расѣ, могла бы держать въ повиновенiи и направлять на пути къ сверхъ-человѣчеству 350 миллiонный народъ индусовъ, при помощи англiйскихъ чиновниковъ и семидесяти тысячной англiйской армiи? Вѣдь во всей Индiи живетъ только 300 тысячъ англичанъ.

Всѣ расы и всѣ народы уже приняли или примутъ участiе въ прогрессѣ человѣчества, всѣ люди станутъ сверхъ-людьми, но сейчасъ всѣ народы и расы находятся на разныхъ стадiяхъ развитiя, а нѣкоторые изъ нихъ находятся на той стадiи, что прямо таки препятствуютъ развитiю человѣчества и приближенiю къ сверхъ-человѣчеству.

Вѣдь не только разные народы имѣютъ разныя качества и свойства, но и въ средѣ одного и того же народа встрѣчаются люди совершенно не одинаковые. Вспомнимъ, что объ этомъ говоритъ Карлэйль въ „Статьяхъ послѣднихъ дней".

„Друзья мои, мнѣ очень непрiятно напоминать вамъ объ этомъ, но это вѣчный фактъ: кого небо сдѣлаетъ рабомъ, того никакое парламентское голосованiе не въ состоянiи сдѣлать свободнымъ гражданиномъ. Вы можете наименовать его свободнымъ, надѣлить его землею, тысячами фунтовъ дохода, — тѣмъ въ большей пропорцiи будутъ проступать въ немъ рабьи черты. Героизмъ, мужественный умъ — не его удѣлъ."

„Высшiя силы, создавая его, намѣтили его рабомъ и предназначили ему въ удѣлъ не власть, а повиновенiе. Объявить только человѣка свободнымъ — это вовсе не значитъ слѣдовать Божественному Евангелiю. Это еванге-

ліе отъ бѣса — въ немъ сосредоточены огромные океаны разрушеній.“

Тормозовъ, отбрасывающихъ человѣчество назадъ на его пути къ постепенному прогрессу, имѣется довольно много. Сюда относятся прежде всего войны, революціи, нашествія варваровъ, а также нѣкоторыя явленія соціализма и анархизма.

За послѣднія двѣ тысячи лѣтъ наиболѣе рѣзко человѣчество было отброшено назадъ нашествіемъ варваровъ. Римская цивилизація погибла благодаря нашествію варварскихъ племенъ и, конечно, это было огромной потерей для человѣчества. Во всей Европѣ варвары внесли застой въ культуру. Гораздо выгоднѣе для человѣчества было бы, если бы Римъ и Византія имѣли возможность побѣдить варваровъ и постепенно пріобщить ихъ къ своей цивилизаціи. Тогда развитіе культуры все время шло бы впередъ, безъ средневѣкового печальнаго перерыва. Въ наше время побѣдное шествіе европейской культуры можетъ встрѣтить препятствіе въ соціализмѣ и анархизмѣ.

Противъ соціализма, какъ такового, очень трудно что либо возразить. Соціализмъ для рабочихъ есть религія, сулящая имъ царство Божіе не на небесахъ, а на землѣ. Поэтому къ соціализму и слѣдуетъ относиться какъ къ религіи. Если рабочіе вѣруютъ въ будущее крушеніе капитализма и наступленіе соціалистическаго рая, то въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Но гораздо хуже, когда они рѣшаются насильственно водворить соціализмъ въ такихъ отсталыхъ и бѣдныхъ странахъ, какъ Россія или Китай. Подъ соціализмомъ же понимаютъ диктатуру пролетаріата, т. е. безшабашное господство отсталаго въ культурномъ отношеніи и сравнительно малочисленнаго класса населенія надъ остальными классами и особенно надъ интеллигенціей, которой одной можетъ принадлежать роль правителей и руководителей.

Я лично не вѣрю въ соціализмъ, но вѣрю въ прогрессъ не только человѣчества, но всей природы. Я думаю, что прогрессируетъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи не только человѣкъ, но и всѣ животныя — муравьи, пчелы, птицы. Я думаю, что слой людей, живущихъ культурной жизнью, постепенно растетъ и утолщается, что все болѣе широкіе слои рабочихъ пріобщаются къ культурѣ, что близко то время, когда нельзя будетъ отличить такъ называемыхъ квалифицированныхъ рабочихъ отъ теперешней зажиточной буржуазіи. Тогда въ арміи соціалистовъ останутся только рабочіе неквалифицированные. Въ то, вѣроятно, еще далекое отъ насъ время, когда *всѣ* рабочіе будутъ въ рядахъ буржуазіи, соціалистическимъ апостоламъ придется обращаться со своей проповѣдью къ тѣмъ, кто въ то время заступитъ мѣсто рабочихъ, т. е. либо къ неграмъ племени динка, либо къ потомкамъ теперешняго карликоваго племени акка изъ центральной Африки, потомкамъ бушменовъ и готтентотовъ.

Для того, чтобы былъ возможенъ прогрессъ человѣческаго рода, для того, чтобы нѣсколько людей могли заниматься отвлеченными науками, прикладными науками, техникой, — необходимо, чтобы опредѣленное число людей даннаго государства было сравнительно обезпечено, жило въ человѣческихъ условіяхъ, имѣло возможность давать своимъ дѣтямъ хорошее образованіе и воспитаніе. Безъ этого не можетъ существовать ни культура, ни постепенное ея развитіе. Между тѣмъ мы знаемъ, что во всѣ времена человѣческой исторіи, вплоть до настоящаго времени, накопленныхъ человѣчествомъ богатствъ было недостаточно для обезпеченія такого сноснаго существованія всѣмъ людямъ одновременно. Между тѣмъ человѣчество должно прогрессировать; необходимость прогресса властно требуетъ созданія обезпеченнаго класса людей. Для возможности существованія такого, хотя бы очень тонкаго, слоя образованныхъ и обезпеченныхъ людей, дви-

гающихъ человѣчество впередъ, исторія и природа ни передъ чѣмъ не останавливаются. Для этой именно цѣли въ свое время существовалъ рабовладѣльческій строй, для той же цѣли средневѣковое рыцарство одѣвалось въ латы и держало въ повиновеніи крѣпостныхъ, для той же цѣли сейчасъ въ большинствѣ странъ существуетъ капиталистическій строй, и для той же цѣли, т. е. для обезпеченія культуры, могутъ быть и будутъ со временемъ уничтожены попытки насильственнаго ниспроверженія капиталистическаго строя въ такой отсталой и нищенской странѣ, какъ Россія. Тонкій слой культурныхъ людей въ Россіи долженъ продолжать существовать — иначе сама Россія погибнетъ. Потому то этотъ культурный слой всегда и будетъ существовать, хотя бы за счетъ некультурныхъ слоевъ. И въ этомъ использованіи культурнымъ слоемъ слоевъ некультурныхъ нѣтъ ничего зазорнаго, такъ какъ такое существованіе культурнаго слоя обезпечиваетъ постепенное утолщеніе его, постепенное пріобщеніе къ культурѣ все новыхъ и новыхъ слоевъ народа и постепенное приближеніе людей къ идеалу, къ сверхъ - человѣку.

Прогрессъ двигался до сихъ поръ всегда лишь небольшой кучкой людей, и человѣчество должно было позволить себѣ эту роскошь — содержать эту небольшую кучку людей, иногда за счетъ страданій болѣе обширнаго класса людей. Аристотель и Платонъ не могли бъ появиться, если бъ въ Аѳинахъ не было широкаго слоя свободныхъ гражданъ, купцовъ, судохозяевъ и проч.; они и представляли изъ себя ту среду, изъ которой вышли Платонъ и Аристотель. Точно такъ же Уаттъ, Фультонъ, Эдисонъ могли явиться въ міръ только на подкладкѣ капиталистическаго общества. Однако, появленіе этихъ людей не слишкомъ дорого оплачено тяжелымъ трудомъ рабочихъ и крестьянъ. Мало того, если бы не появились своевременно Уаттъ и Фультонъ и другіе изобрѣтатели, то увеличившемуся народонаселенію Европы скоро не хватило бъ питанія.

Ренанъ въ одномъ мѣстѣ своихъ историческихъ статей восклицаетъ: „Подумайте только о томъ, сколько нужно было усилій, чтобы капля здраваго смысла проникла въ огромное стадо, состоящее изъ милліарда людей, населяющихъ земную поверхность. Любовь къ добру и разумъ были сначала достояніемъ нѣсколькихъ тысячъ мудрецовъ. Цивилизація есть дѣло небольшого числа благородныхъ душъ, которыя сумѣли очаровать, увлечь, обмануть или покорить остальныхъ".

Постепенное подчиненіе человѣчествомъ природы опредѣляется главнымъ образомъ развитіемъ точныхъ наукъ и техники, стоящей въ тѣсной связи съ точными науками. Недаромъ крупными эпохами въ развитіи человѣчества служатъ: эра каменныхъ орудій, эра бронзовыхъ орудій, эра желѣзныхъ орудій, вѣкъ пара, вѣкъ электричества. Къ сожалѣнію, общественныя науки, не менѣе важныя въ развитіи культуры, легче чѣмъ точныя могутъ быть использованы во вредъ человѣчеству. Невѣждамъ часто кажется, что они вполнѣ усвоили общественныя науки, и они употребляютъ ихъ во зло человѣчеству. А нѣкоторыя вредныя категоріи людей пользуются ими даже для политической борьбы. Такъ папы и іезуиты воспользовались религіей для борьбы съ точными науками и прогрессомъ человѣчества. Иные соціалистическіе и анархическіе проповѣдники, часто прочитавъ только одну или двѣ книги, пользовались общественными науками для разжиганія классовой вражды и для провозглашенія диктатуры одного наименѣе образованнаго и культурнаго класса.

Какъ несправедливы нападки Л. Н. Толстого на культурныхъ русскихъ людей, напечатанныя имъ въ 1907 году въ заграничныхъ журналахъ. Онъ говорилъ: „представьте себѣ ясно земледѣльческій народъ въ сто милліоновъ людей, составляющихъ единственную истинную основу русскаго государства. Поймите, что всѣ вы, наборщики, доктора, журналисты, ветеринары, курсистки, купцы и адво-

каты, что всѣ вы не болѣе какъ вредные паразиты, высасывающіе у русскаго народа послѣдніе соки; вы гніете на его тѣлѣ и своимъ гноемъ заражаете его кровь. Поймите, что эти милліоны тяжелымъ трудомъ поддерживаютъ ваше искусственное существованіе".

Читатели могутъ найти, что все то, что мною сказано относительно совершенствованія человѣчества, относится только къ матеріальной культурѣ и матеріальному совершенствованію, что наука и ея развитіе содѣйствуютъ только матеріальному развитію человѣческаго рода и улучшенію матеріальныхъ условій, въ которыхъ онъ живетъ, но что нравственная культура до сихъ поръ нисколько не подвинулась впередъ. Многіе видятъ въ этомъ безсиліе науки. Нѣкоторые, впрочемъ, согласны, что золотого вѣка никогда не было, и что за время истекшее отъ ледниковыхъ періодовъ до первой династіи египетскихъ фараоновъ нравственная культура человѣчества нѣсколько измѣнилась, что первобытный человѣкъ, жившій въ Неандерталѣ и пещерахъ Альтавиры, былъ людоѣдомъ, что первобытные люди убивали стариковъ и старухъ, и что ихъ звѣрства лишь постепенно отошли въ область преданій. Но очень часто можно слышать и читать объ отрицаніи прогресса нравственной культуры въ человѣческомъ обществѣ за историческія времена, за послѣднія шесть-семь тысячъ лѣтъ.

Въ книгѣ VI „Современныхъ Записокъ" за 1921 г. (стр. 146) проф. М. И. Ростовцевъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Идея прогресса и ея историческое обоснованіе". Въ ней онъ, ссылаясь на книгу I. B. Bary — „The idea of progress". London, 1921, указываетъ на отсутствіе въ античномъ мірѣ идеи о постоянномъ прогрессѣ человѣчества и на то, что эта идея есть дѣтище послѣднихъ двухъ вѣковъ, дѣтище европейскаго раціонализма, міросозерцанія построеннаго на культѣ науки. Ею современность больше всего горда и не видитъ

предѣловъ ея достиженіямъ. Далѣе М. И. Ростовцевъ спрашиваетъ, какъ же быть съ тѣмъ фактомъ, что собственно вся исторія культуры длится не болѣе шести тысячъ лѣтъ, тогда какъ люди жили до этого десятки тысячъ лѣтъ и были физически такими же какъ и мы. Такимъ образомъ онъ какъ бы отрицаетъ прогрессъ за эти десятки тысячъ лѣтъ.

Разсматривая затѣмъ только періодъ въ шесть тысячъ лѣтъ, М. И. Ростовцевъ спрашиваетъ — есть ли на протяженіи этого періода непрерывное и постоянно поступательное движеніе во всѣхъ областяхъ жизни. М. И. Ростовцевъ приходитъ къ тому заключенію, что постояннаго прогресса за это время нѣтъ, что даже сторонники постояннаго прогресса допускаютъ, что есть приливы и отливы культуры, и утверждаютъ только, что гребень каждой новой большой волны выше предыдущаго. М. И. Ростовцевъ однако находитъ, что и такая модификація идеи прогресса встрѣчаетъ серьезныя историческія возраженія. Онъ находитъ, что едва ли въ современной Европѣ больше счастливыхъ людей, чѣмъ въ давно прошедшія эпохи, что мораль христіанства не навѣрно выше морали древнихъ философскихъ школъ, буддизма и конфуціанства, и что лучшія произведенія современной архитектуры и скульптуры не выше, чѣмъ великія творенія Востока, Индіи, Греціи и т. д. М. И. Ростовцевъ даже въ наукѣ не видитъ признаковъ постояннаго прогресса; онъ сомнѣвается въ прогрессѣ общественныхъ наукъ.

Я не намѣренъ заниматься исчерпывающей критикою статьи М. И. Ростовцева. Конечно онъ знаетъ, что исторія земли продолжается уже милліоны лѣтъ, а исторія человѣчества сотни тысячъ лѣтъ. Однако всѣмъ историкамъ, и ему въ томъ числѣ, не вошли въ плоть и кровь ни геологія, ни палеонтологія, ни доисторическая археологія. Несмотря на несомнѣнное знакомство съ доисторической археологіей, М. И. Ростовцеву все еще кажется, что люди, жившіе въ Европѣ за нѣсколько десятковъ

тысячъ лѣтъ раньше насъ, т. е. напримѣръ, Неандертальскіе люди, физически отъ насъ не отличались, и что Pithecanthropus erectus не отличался отъ современныхъ малайцевъ.

Разсматривая только періодъ въ шесть тысячъ лѣтъ, М. И. Ростовцевъ не хочетъ замѣтить прогресса хотя бы въ томъ, что природа въ теченіе нескончаемо долгаго періода выработала современнаго человѣка изъ того низшаго существа, которое въ четвертичную эпоху было его прародителемъ.

Но и за послѣднія шесть тысячъ лѣтъ исторіи человѣчества возможно замѣтить нѣкоторый прогрессъ. Такъ, напр., во времена грековъ и римлянъ литература (тогда рукописная) была удѣломъ немногихъ, тогда какъ теперь она доступна всѣмъ людямъ. Развѣ не развилось театральное искусство послѣ Софокла, развѣ античный міръ зналъ оперы и симфоніи, развѣ за шесть тысячъ лѣтъ ничего не внесли въ архитектуру ни Таджъ-Махалъ, ни готическіе храмы, ни Альгамбра, ни соборъ св. Петра, ни новѣйшія достиженія?

Бокль въ своей „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ говоритъ:

„Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что бы измѣнилось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы. Дѣлать добро другимъ, жертвовать для пользы ихъ своими собственными желаніями, любить ближняго, какъ самого себя, прощать врагамъ, обуздывать свои страсти, чтить родителей, уважать тѣхъ, кои поставлены надъ нами, — въ этихъ правилахъ и въ нѣсколькихъ другихъ заключается вся сущность нравственности, и къ нимъ не прибавили ни одной іоты всѣ проповѣди, всѣ наставленія и собранія текстовъ, составленныя моралистами и богословами...

Что система нравственности, изложенная въ Новомъ Завѣтѣ не заключаетъ въ себѣ ни одного правила, которое не было бы высказано раньше, и что нѣкоторыя изъ самыхъ прекрасныхъ мѣстъ въ писаніяхъ апостоловъ — ни что иное какъ выдержки изъ языческихъ писателей, это извѣстно всякому образованному человѣку... Увѣренія, будто бы христіанство открыло людямъ нравственныя истины, до того времени неизвѣстныя, доказываютъ со сторо-

ны увѣряющаго или грубое невѣжество, или умышленный обманъ."

Противъ этихъ разсужденій Бокля уже возражалъ Альбертъ Ланге въ своей „Исторіи матеріализма", указывая на совершившуюся за историческое время эволюцію нравственныхъ идеаловъ и на огромную разницу между христіанскою и античною моралью. По одной морали надо бороться со зломъ, чтить красоту, служить общественности, а по другой — терпѣть зло, пренебрегать красотой и уходить изъ міра.

Совершенно ясно, что разсужденія Бокля имѣютъ нѣкоторую цѣну только въ томъ случаѣ, если считать, что исторія человѣчества продолжается только нѣсколько тысячелѣтій. Тогда дѣйствительно можно сказать, что нравственная культура человѣчества не измѣнилась съ того времени когда были написаны индійскія Веды.

Нельзя забывать, однако, что люди еще очень недавно отказались отъ человѣческихъ жертвоприношеній, что императорами въ Римѣ устраивались бои между христіанами и дикими звѣрями, что еще недавно католическое духовенство живьемъ сжигало еретиковъ и вѣдьмъ, что въ Средніе вѣка во многихъ странахъ Европы существовалъ рабовладѣльческій строй, и что крѣпостное право было уничтожено въ Россіи только въ 1861 году. Даже большевики выслали въ 1923 году изъ Россіи профессоровъ и другихъ инако мыслящихъ людей, какъ напр., Лосскаго, Кускову, Ильина и многихъ другихъ, а не сожгли ихъ на кострахъ по примѣру испанскихъ инквизиторовъ.

Происшедшее смягченіе нравовъ конечно есть прогрессъ въ области нравственной культуры, совершившійся подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Не малую роль тутъ, вѣроятно, играло христіанство и постоянныя напоминанія съ амвоновъ церквей о завѣтахъ Христа относительно любви къ ближнему. Очень велика была и роль науки. Объ этой роли

лучше всего свидѣтельствуютъ слѣдующія слова, вложенныя Эмилемъ Золя въ романѣ „Парижъ“ въ уста химика Бертеру: „Незачѣмъ стараться ускорить событія, когда одинъ шагъ науки вѣрнѣе приближаетъ человѣчество къ вѣчному граду справедливости и правды, чѣмъ сто лѣтъ политики и соціальнаго бунта. Наука выметаетъ догматы, уноситъ идоловъ, даетъ свѣтъ и счастье. Наука сама есть революція, единственная и настоящая. Ею, а не бомбами, преобразуется міръ. Не разрушая, а создавая, дѣйствуютъ настоящіе революціонеры. Наука, поверхъ бѣдныхъ политическихъ событій, поверхъ пустой агитаціи сектантовъ и честолюбцевъ, работаетъ надъ созданіемъ человѣчеству завтрашняго дня и готовитъ для него правду, справедливость и миръ. Счастье человѣчества можетъ родиться только въ горнѣ ученаго“.

Мое участіе въ спиритическихъ сеансахъ

Къ спиритизму и столоверченію я всегда относился съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Однако у меня не было опредѣленнаго мнѣнія, такъ какъ я никогда до 1895 года не участвовалъ въ спиритическихъ сеансахъ. У меня было нѣсколько знакомыхъ, вполнѣ убѣжденныхъ въ реальности спиритическихъ явленій; я невольно поддавался этой убѣжденности и готовъ былъ, не допуская существованія духовъ, допустить существованіе какой то неизвѣстной психической силы, лежащей въ самихъ участникахъ сеансовъ и производящей спиритическія явленія.

Однажды, раннею весною 1895 года, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, нынѣ покойный, артиллеріи генералъ-маіоръ А. Н. Павловъ и его жена сообщили мнѣ, что при редакціи спиритическаго журнала „Ребусъ“ образовался кружокъ спиритовъ, рѣшившихъ, черезъ редактора „Ребуса“ г. Прибыткова, выписать изъ Кіева на нѣсколько сеансовъ извѣстнаго въ то время медіума Самбора. Заинтересовавшись этимъ, я просилъ А. Н. Павлова записать меня участникомъ кружка и сдѣлать за меня необходимый небольшой взносъ.

Черезъ нѣкоторое время дѣйствительно начались сеансы. Фамилій большинства участниковъ я не помню; помню, что въ сеансахъ принимали участіе профессоръ инженерной академіи Веденяпинъ съ женой, А. Н. Павловъ съ женой и г. Петрово-

Соловаго графъ Перовскій. Можетъ быть этотъ послѣдній уже гдѣ либо описалъ сеансы съ Самборомъ; однако я считаю не лишнимъ описать ихъ еще разъ, такъ какъ я не читалъ описанія г. Петрово-Соловаго, и такъ какъ наши впечатлѣнія и наше отношеніе къ сеансамъ могутъ не совпадать.

Первый сеансъ былъ назначенъ въ квартирѣ г. Прибыткова, и всѣмъ участникамъ было сообщено, что вѣроятно уже на этомъ первомъ сеансѣ Самборъ „полетитъ", т. е. поднимется въ воздухъ, и что произойдутъ и другія явленія.

Участниковъ сеансовъ было около 15-20 человѣкъ. Мы собрались къ 8 часамъ вечера у г. Прибыткова. Самборъ уже былъ на мѣстѣ, такъ какъ онъ жилъ у г. Прибыткова или въ редакціи журнала. Это былъ довольно плотный молодой мужчина, безъ усовъ и безъ бороды, на видъ лѣтъ двадцати пяти или тридцати, производившій довольно хорошее впечатлѣніе.

Сеансъ, какъ было намъ сказано, лишь на первый разъ долженъ былъ происходить въ темнотѣ. Сидя на стульяхъ, мы взялись за руки, образуя кругъ, при чемъ и Самборъ былъ въ кругу. Я оказался рядомъ съ Самборомъ, держалъ его за руку. Въ срединѣ круга стоялъ небольшой столъ. Было заявлено, что лица, находящіяся съ двухъ сторонъ Самбора и держащія его за руки, ни въ какомъ случаѣ не должны разрывать цѣпь и бросать руки Самбора, такъ какъ иначе онъ можетъ упасть и разбиться. Да и всѣмъ другимъ, находившимся въ цѣпи, внушалось, что разрывъ цѣпи можетъ отразиться на здоровьѣ Самбора. Свѣтъ былъ затѣмъ потушенъ, и сеансъ происходилъ въ полной темнотѣ. Довольно долго, можетъ быть около получаса, никакихъ явленій не происходило. Но затѣмъ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ находился Самборъ, стали замѣчаться явленія свѣченія, т. е. стали появляться непродолжительныя, на одно мгновеніе, вспышки фосфорическаго свѣта. Эти вспышки были всѣмъ видны, но большого впечатлѣнія ни на кого не

производили: всѣ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что вспышки могли быть произведены вполнѣ естественнымъ путемъ, напр., треніемъ кусочковъ фосфора или даже при помощи фосфорныхъ спичекъ.

Послѣ этихъ явленій одна изъ дамъ, участвовавшихъ въ сеансѣ, сказала, что ее кто то трогаетъ, и что она чувствуетъ прикосновенія къ головѣ и спинѣ.

Примѣрно черезъ полчаса послѣ этого въ нашей цѣпи произошло замѣшательство. Самборъ сталъ двигаться, а вмѣстѣ съ нимъ и вся цѣпь, такъ что черезъ нѣкоторое время Самборъ оказался въ другомъ углу комнаты, не въ томъ, гдѣ онъ былъ вначалѣ. Вскорѣ послѣ этого я почувствовалъ, что Самборъ тянетъ меня вверхъ, а еще черезъ нѣкоторое время мнѣ пришлось встать со стула. Несмотря на мой большой ростъ, оказалось, что Самборъ тянетъ вверхъ мою поднятую руку. Кто то сказалъ, что Самборъ „полетѣлъ". Я и тотъ участникъ сеанса, который держалъ другую руку Самбора, подтвердили, что Самборъ тянетъ насъ вверхъ. Черезъ нѣкоторое время Самборъ пересталъ тянуть и потребовалъ глухимъ голосомъ дать свѣтъ. Когда комната была освѣщена, то Самборъ оказался сидящимъ на стулѣ въ полномъ изнеможеніи.

Сеансъ былъ на время прекращенъ, и всѣ стали дѣлиться впечатлѣніями. Ничего нельзя было сказать противъ того, что Самборъ дѣйствительно „полетѣлъ". Участники сеанса стали выражать удивленіе силѣ медіума и разспрашивали г. Прибыткова о его біографіи. Самъ Самборъ ушелъ въ другую комнату, но вышелъ, когда былъ поданъ чай. Послѣ чая сеансъ возобновился въ прежнемъ порядкѣ, въ полной темнотѣ. Однако, на этотъ разъ, никакихъ явленій не произошло, несмотря на то, что мы сидѣли довольно долго, все ожидая новаго полета Самбора или чего либо еще болѣе удивительнаго.

Когда я возвращался домой, была свѣтлая весенняя петербургская ночь. Я помню, что когда

я открылъ французскимъ ключомъ дверь въ мою квартиру, я лишь немного пріотворилъ дверь и, войдя въ квартиру, сразу захлопнулъ дверь за собою. Мнѣ все казалось, что за мной идетъ духъ и можетъ войти за мною въ дверь, если я не захлопну ее очень быстро.

На другой день подобныя ощущенія, конечно, прошли, и я рѣшилъ приняться за болѣе подробное изслѣдованіе явленій, производимыхъ Самборомъ. Для этого мнѣ представлялось крайне необходимымъ имѣть возможность во время сеанса, держа лѣвою рукою руку Самбора, высвободить мою правую руку изъ руки сосѣда справа и все время ощупывать Самбора во время производимаго имъ явленія. Вы видите, что я рѣшилъ для пользы науки и съ цѣлью свободнаго изслѣдованія пожертвовать здоровьемъ, а если бы оказалось нужнымъ, то и жизнью Самбора. Впрочемъ, я долженъ признаться, что у меня не было никакихъ угрызеній совѣсти: я былъ увѣренъ, что Самборъ не можетъ пострадать оттого, что я буду его ощупывать. Мнѣ нужно было заручиться содѣйствіемъ сосѣда справа. Поэтому я поѣхалъ къ профессору Веденяпину, и мы съ нимъ сговорились о слѣдующемъ: я буду стараться о томъ, чтобы оказаться въ цѣпи рядомъ съ Самборомъ, а онъ рядомъ со мною справа, и что во время сеанса онъ освободитъ мою правую руку. На слѣдующемъ сеансѣ, назначенномъ приблизительно черезъ недѣлю въ прежнемъ помѣщеніи, у г. Прибыткова, мы такъ и сдѣлали.

Послѣ того какъ мы сѣли въ кругъ, при чемъ внутри круга, какъ и въ первый разъ, оставался небольшой круглый столъ, и послѣ того какъ электрическій свѣтъ былъ потушенъ, я высвободилъ мою правую руку изъ руки проф. Веденяпина. Нѣкоторое время я ничего не ощущалъ, но черезъ четверть часа или полчаса я почувствовалъ, что Самборъ съ силою опирается на мою лѣвую руку. Я уже не помню, лежала ли моя лѣвая рука вмѣстѣ съ его рукою на ручкѣ кресла, на которомъ я

сидѣлъ, или онъ иначе достигъ того, что ему было нужно, а именно чтобы я и его сосѣдъ слѣва дали ему опереться на наши руки. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время онъ пересталъ опираться на мою руку, а напротивъ, сталъ ее тянуть вверхъ и заставилъ меня встать съ кресла. Тутъ я началъ его ощупывать правою рукою, причемъ онъ этому совершенно не противодѣйствовалъ: оказалось, что Самборъ стоитъ на столѣ, бывшемъ въ серединѣ нашего круга и тянетъ насъ вверхъ. Я крикнулъ: „я держу ноги Самбора, — онъ стоитъ на столѣ!“ Конечно, этотъ мой возгласъ произвелъ замѣшательство, дали свѣтъ, и въ этотъ короткій промежутокъ времени Самборъ успѣлъ спрыгнуть со стола и сѣсть на свое прежнее мѣсто.

Моимъ словамъ, повидимому, всѣ вѣрили и не сомнѣвались въ томъ, что Самборъ дѣйствительно стоялъ на столѣ. Я объяснилъ, что онъ сперва опирался на мою руку и руку сосѣда слѣва, чтобы имѣть возможность вспрыгнуть на столъ, а затѣмъ уже сталъ тянуть насъ вверхъ. Однако, настоящіе спириты изъ числа участниковъ сеанса стали говорить, что Самборъ поднялся въ воздухъ, но когда я разорвалъ цѣпь, то ему, во избѣжаніе паденія, ничего не оставалось, какъ опуститься ногами на столъ. Тутъ то я замѣтилъ, что настоящаго вѣрующаго спирита ничто переубѣдить не можетъ.

Мы съ проф. Веденяпинымъ не скрывали, что согласились разорвать цѣпь; все это обсуждалось открыто. Самъ Самборъ не принималъ никакого участія въ разговорѣ, онъ дѣлалъ видъ, какъ будто все это его не касается, и спокойно во время перерыва пилъ чай и ѣлъ буттерброды. Однако, повидимому, онъ рѣшилъ намъ отомстить. Объектомъ своего мщенія онъ избралъ жену проф. Веденяпина, сидѣвшую за чайнымъ столомъ противъ него. Черезъ нѣсколько минутъ она вдругъ поблѣднѣла и упала со стула въ обморокъ. Сперва это приписывали волненію, сидѣнію въ темной комнатѣ, но

затѣмъ, оправившись, она сказала мужу и мнѣ, что Самборъ все время ее фиксировалъ взглядомъ, что она почувствовала, что засыпаетъ, и помнитъ, какъ упала со стула. Повидимому, г. Самборъ былъ довольно искуснымъ гипнотизеромъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа будетъ видно, что онъ былъ также искуснымъ гимнастомъ.

Сеансы продолжались, и мы съ проф. Веденяпинымъ продолжали принимать въ нихъ участіе, несмотря на то, что у насъ составилось вполнѣ опредѣленное мнѣніе относительно г. Самбора.

На слѣдующемъ сеансѣ не произошло ничего особеннаго, но повторилось свѣченіе въ томъ мѣстѣ комнаты, гдѣ находился Самборъ, и заигралъ принесенный кѣмъ то изъ участниковъ и будто бы не заведенный музыкальный ящикъ.

Я принялъ участіе еще въ одномъ сеансѣ и снова сѣлъ между Самборомъ и проф. Веденяпинымъ. На этотъ разъ сеансъ происходилъ въ комнатѣ, въ которой висѣло большое наддиванное зеркало. Самаго дивана въ комнатѣ не было, а зеркало было завѣшено платкомъ. Мнѣ помнится, что кто то объявилъ, что духи не любятъ зеркалъ. Я сразу сообразилъ, что что то должно произойти съ зеркаломъ, и рѣшилъ дѣйствовать по отношенію къ Самбору вполнѣ беззастѣнчиво.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы сѣли въ цѣпь, и послѣ того какъ было потушено электричество, Самборъ сталъ двигаться, и съ нимъ мы всѣ. Черезъ нѣкоторое время оказалось, что мы всѣ сидимъ на новыхъ мѣстахъ, и что Самборъ сидитъ именно подъ завѣшеннымъ зеркаломъ. Затѣмъ Самборъ всталъ. Въ этомъ я совершенно увѣренъ, такъ какъ все время ощупывалъ его своей правой рукой, освобожденной проф. Веденяпинымъ. Потомъ онъ сѣлъ и наклонился, а затѣмъ онъ очутился на полу на колѣняхъ, причемъ нѣкоторое время его голова находилась въ уровень съ поломъ. Затѣмъ Самборъ сѣлъ и, посидѣвъ спокойно, началъ стонать. Тогда дали свѣтъ. Оказалось, что платокъ,

которымъ было завѣшено зеркало, сдернутъ и лежитъ посреди комнаты, сложенный вчетверо.

Во время перерыва я старался объяснить участникамъ сеанса, какъ произведены эти явленія. Когда Самборъ всталъ подъ зеркаломъ, то онъ стащилъ платокъ, захвативъ его зубами. При его ростѣ это вполнѣ было возможно. Будучи такого же роста, я имѣлъ возможность продемонстрировать, какъ это было сдѣлано. Когда я ощупывалъ голову Самбора близко отъ пола, онъ складывалъ платокъ также зубами.

Убѣжденные спириты соглашались съ тѣмъ, что все явленіе могло быть произведено такъ, какъ я объяснялъ, но утверждали, что Самбору не нужно было пускать въ дѣло зубы: ему будто бы нужно было приближать голову къ платку, но только для того, чтобы сильнѣе дѣйствовала исходящая изъ его головы спиритическая сила или эманація, стащившая платокъ и сложившая его вчетверо. Съ такимъ объясненіемъ я, конечно, не могъ спорить и могъ только высказать презрительное отношеніе къ такимъ натяжкамъ.

Послѣ этого я въ сеансахъ съ Самборомъ не участвовалъ, но разспрашивалъ моихъ знакомыхъ о всемъ происходившемъ на слѣдующихъ сеансахъ.

Примѣрно черезъ недѣлю мнѣ сообщили, что Самборъ обязался завязать узелъ на безконечномъ ремнѣ. У спиритовъ завязываніе узла на веревкѣ, оба конца коей были припечатаны къ столу, или завязываніе узла на безконечномъ ремнѣ, т. е. на ремнѣ, вырѣзанномъ по кругу изъ большого куска кожи, считается какъ бы рѣшающимъ experimentum crucis для доказательства, что духи существуютъ. Дѣйствительно, завязать узелъ на безконечномъ ремнѣ или на веревкѣ, припечатанной обоими концами, совершенно невозможно безъ помощи какой либо сверхъестественной силы. Изъ болѣе подробныхъ разспросовъ выяснилось, что на сеансъ самимъ Самборомъ былъ принесенъ безконечный ремень. На немъ чернилами была сдѣлана надпись

однимъ изъ участниковъ сеанса, и затѣмъ ремень былъ оставленъ на храненіе у г. Прибыткова, гдѣ происходили сеансы и гдѣ жилъ Самборъ. По заявленію Самбора, на этомъ ремнѣ черезъ нѣкоторое время долженъ былъ завязаться узелъ. И дѣйствительно, еще черезъ недѣлю ко мнѣ зашелъ А. Н. Павловъ и сообщилъ мнѣ, что узелъ завязался.

Къ этому времени у меня уже вполнѣ окрѣпло убѣжденіе, что никакихъ духовъ нѣтъ, что ничто сверхъестественное случаться не можетъ и что слѣдовательно все то, что можетъ на первый взглядъ показаться сверхъестественнымъ, непремѣнно должно найти вполнѣ естественное объясненіе.

Оставалось, слѣдовательно, только найти это естественное объясненіе и показать, какъ можно завязать узелъ на безконечномъ ремнѣ.

Я долженъ сознаться, что на разрѣшеніе этой задачи я потратилъ значительно больше одной недѣли, но, посредствомъ довольно сильнаго напряженія ума, мнѣ удалось найти вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе, состоящее въ слѣдующемъ.

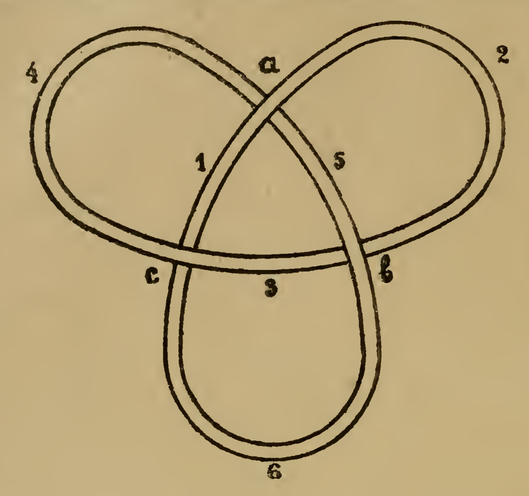
Если представить себѣ, что на безконечномъ ремнѣ уже завязанъ узелъ, то, распустивъ этотъ узелъ, безконечному ремню легко придать форму, представленную на приложенномъ рисункѣ. Эта форма трехлопастной кривой, какъ я узналъ значительно позже, есть форма такъ называемаго гордіева узла. Рисунокъ же, подобный представленному, чеканился на оборотной сторонѣ монетъ древне греческаго города Малой Азіи Гордіума*).

Если затянуть ремень, изображенный на рисункѣ, то на ремнѣ получится обыкновенный узелъ.

Представьте себѣ теперь, что вы взяли довольно большой кусокъ достаточно толстой кожи и вырѣзали изъ нея фигуру, представленную на

*) Древній фригійскій царь Гордіусъ основалъ городъ Гордіумъ и оставилъ въ немъ свою колесницу, дышло которой было прикрѣплено особымъ, гордіевымъ узломъ, впослѣдствіи разрубленнымъ Александромъ Македонскимъ.

рисункѣ. *При томъ вездѣ ремень долженъ быть вырѣзанъ такъ, чтобы толщина его была равна только половинѣ толщины кожи.* Въ точкахъ *а*, *в*

и *с* пересѣченія ремня, части ремня 1—2, 3—4, 5—6 должны быть вырѣзаны изъ верхняго слоя, а части ремня 1—3, 4—5 и 6—1 изъ нижняго слоя кожи. Послѣ того какъ ремень вырѣзанъ указаннымъ способомъ, одну его сторону слѣдуетъ сдѣлать глянцевитою, какъ у обыкновенно употребляемыхъ ремней. Это, конечно, лучше дать выполнить скорняку.

Исполненный указаннымъ способомъ безконечный ремень съ завязаннымъ на немъ узломъ, я передалъ А. Н. Павлову для демонстрированія на слѣдующемъ сеансѣ. При этомъ я высказалъ предположеніе, что Самбору ничего не стоило изготовить съ самаго начала два безконечныхъ ремня: одинъ съ узломъ, изготовленный по указанному мною способу, а другой безъ узла. На послѣднемъ была сдѣлана чернилами подпись и онъ былъ оставленъ на храненіе у г. Прибыткова. Затѣмъ Самборъ скопировалъ сдѣланную надпись

со второго ремня на первый, и подмѣнилъ имъ второй ремень.

А. Н. Павловъ все это сообщилъ на сеансѣ. Завзятые спириты сказали, что на моемъ безконечномъ ремнѣ узелъ могъ быть завязанъ мною естественнымъ путемъ, но что Самборъ завязалъ узелъ на своемъ безконечномъ ремнѣ при помощи исходившаго изъ него спиритическаго флюида.

Ничего нѣтъ легче, какъ обмануть людей, желающихъ быть обманутыми и не принимающихъ никакихъ резоновъ. Этимъ и пользуются медіумы въ родѣ Самбора и многихъ другихъ. Имъ помогаетъ ловкость рукъ и ногъ, знаніе нѣкоторыхъ фокусовъ, выдѣлываемыхъ заправскими фокусниками, умѣнье гипнотизировать и легковѣріе спиритовъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

DRŽ. BIBLIOTEKA
V LJUBLJANI

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK254
.B67
A4

Складъ изданія
„СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ“
Београдъ, Франкопанова 24.